

МИРОВОЙ

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

БЕСТСЕЛЛЕР

ГЕРМАН КОХ

УЖИИ

В эксклюзивном меню —
зло, зависть, безумие, жестокость
и нежность

Annotation

Роман популярного голландского писателя и журналиста Хермана Коха в 2009 году удостоился в Нидерландах «Читательской премии». С тех пор он был переведен на два с лишним десятка языков и принес автору мировую известность: на сегодняшний день продано свыше миллиона экземпляров книги.

Сюжет ее, поначалу кажущийся незатейливым, заключен в жесткие временные рамки: это всего лишь один вечер в фешенебельном ресторане. Два брата с женами пришли туда поужинать и кое-что обсудить. Паул Ломан — бывший учитель истории, его брат Серж — будущий премьер-министр, у обоих дети-подростки. Начавшаяся банальная застольная беседа постепенно перерастает в драму, и на поверхность одна за другой проступают ужасные семейные тайны. С каждой новой переменной блюд напряжение только нарастает...

- [Херман Кох](#)
 -
 - [Аперитив](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [Закуска](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [Горячее](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
- [Десерт](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
- [Дижестив](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
- [Чаевые](#)
 - [46](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Херман Кох

Ужин

Niceguy Eddie:
C'mon, throw in a buck.

Mr Pink: Uh-huh. I don't tip.

Niceguy Eddie:
Whaddaya mean, you don't tip?

Mr Pink: I don't believe in it. [\[1\]](#)

Квентин

Тарантино.

Бешеные Псы

Аперитив

Мы решили встретиться в ресторане. Не буду уточнять в каком, дабы не возбуждать праздное любопытство зевак. Серж забронировал столик. Он всегда все бронирует. В ресторане такого пошиба столик обычно резервируют заранее — месяца за три, или шесть, или восемь, — я сбился со счета. Лично я не имею привычки планировать свой ужин на три месяца вперед, но, очевидно, есть люди, для которых это в порядке вещей. Когда через несколько столетий историки захотят выяснить степень недоразвитости человечества в начале двадцать первого века, им достаточно будет заглянуть в компьютеры так называемых лучших ресторанов. Там хранятся все эти данные. Если в прошлый раз некий господин Л. готов был прождать три месяца, чтобы заполучить столик у окна, то теперь он согласится, пусть и с пятимесячным ожиданием, даже на столик у туалетной двери, — в ресторанах это называется «учетом сведений о клиентах».

Серж никогда не бронирует места за три месяца вперед. Он делает это непосредственно в день ужина, для него это своего рода спорт. Есть рестораны, которые всегда оставляют свободный столик для таких, как Серж Ломан. Этот ресторан не исключение. Интересно, есть ли во всей стране хоть одно заведение, сотрудников которого фамилия *Ломан* не приводит в экстаз. Само собой, он никогда не звонит лично, а поручает заказ своей секретарше или одному из подчиненных. «Не волнуйся, — сказал он мне по телефону пару дней назад. — Меня там знают. Все будет в ажуре». Я лишь спросил, следует ли нам созвониться и обсудить альтернативный вариант, в случае если ресторан будет забит до отказа. В ответ прозвучало что-то невнятно сочувственное — я прямо видел, как он покачивает головой. Спорт.

Сегодня я не хотел только одного — лицезреть, как владелец ресторана или дежурный метрдотель приветствует Сержа Ломана будто старого знакомого; как официантки провожают его к лучшему столику с видом на сад и как Серж ломает комедию, что его, дескать, не трогают все эти почести, что в глубине души он самый что ни на есть обычный парень и ему гораздо уютнее среди таких же простых людей.

Поэтому я договорился встретиться с ним уже в самом ресторане, а не в кафе на углу, как предложил он. Это кафе посещают в основном простые люди. Я представил себе, как Серж Ломан заходит туда как самый обычный парень, с ухмылкой, призывающей всех как ни в чем не бывало продолжать беседу и не обращать на него внимания. Быть зрителем этой сцены у меня сегодня тоже не было ни малейшего желания.

Поскольку ресторан находится всего в нескольких кварталах от нашего дома, мы решили прогуляться пешком, заглянув по дороге в кафе, в котором я отказался встретиться с Сержем. Я обнял жену за талию, а ее рука забралась мне под пиджак. На фасаде теплым светом горела красно-белая реклама марки пива, которое подается в этом кафе.

— Мы слишком рано, — сказал я. — Точнее, мы неприлично вовремя.

Мою жену (больше не буду ее так называть) зовут Клэр. Родители окрестили ее Мари Клэр, но Клэр не хотела носить имя женского журнала. Иногда я зову ее Мари, чтобы поддразнить. И лишь изредка пользуюсь выражением «моя жена», исключительно в деловых разговорах: «Моя жена не может сейчас подойти к телефону» или «Моя жена уверена, что забронировала номер с видом на море».

В такие вечера, как сегодня, Клэр и я наслаждаемся редкими минутами, которые можем провести вдвоем. Такое чувство, что у нас все еще впереди, что встреча в ресторане — досадная ошибка и что вечер только для нас двоих. Если бы меня попросили описать счастье, то я бы сказал: счастье самодостаточно и не нуждается в свидетелях. «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», — гласит первая фраза романа Толстого «Анна Каренина». От себя я бы еще добавил, что несчастливым семьям, и прежде всего несчастливым супругам в этих семьях, ни за что не справиться с несчастьем в одиночку. Несчастью всегда нужна компания. Несчастье не переносит молчания, особенно неловкого молчания вдвоем.

Получив наше пиво, мы с Клэр улыбнулись друг другу, осознавая, что это лучший момент сегодняшнего вечера, который нам предстоит провести в обществе супругов Ломан, и что начиная с этого мгновения все покатится под гору.

Я вообще не хотел идти в ресторан. Я не любитель ресторанов. Ожидание скорой встречи — это преддверие ада, сама встреча — ад. Все начинается уже с утра перед зеркалом: что надеть, бриться — не бриться. Ведь любой наряд есть некое заявление, будь то рваные

джинсы в пятнах или наглаженная рубашка. Однодневная щетина свидетельствует о твоей лени; двухдневная неизбежно наводит на подозрения о смене имиджа; щетина трехдневной и более давности сообщает, что всего лишь шаг отделяет тебя от полной деградации. «С тобой все в порядке? Ты не заболел?» Как ни крути, ты не свободен в своем выборе. Ты бреешься, но ты не свободен. Гладко выбритое лицо — это тоже заявление. Эта встреча для тебя так важна, что ты потрудились побриться, думают окружающие. Побрившись, ты уже, по сути, проиграл со счетом 0:1.

И потом еще Клэр со своими постоянными напоминаниями, как он важен, нынешний вечер. Клэр умнее меня. Я говорю так не из дурацких феминистских соображений, не ради того, чтобы польстить женщинам. Ведь я не утверждаю, что женщины в целом умнее мужчин. Или утонченнее, чутче. Что живут они более полноценной жизнью. Я не болтаю подобного вздора, который на поверку чаще разносят так называемые сентиментальные мужчины, нежели сами женщины.

Клэр просто умнее меня, и я не отрицаю, что мне понадобилось какое-то время, чтобы это признать. В первые годы наших отношений я считал ее смышленной, только и всего, — ровно настолько, насколько это полагается женщине. Ведь с какой-нибудь тупицей я не выдержал бы и месяца. А с Клэр выдержал гораздо дольше. Почти двадцать лет.

Ладно, в общем Клэр умнее меня, но в такие вечера, как сегодняшний, она неизменно нуждается в моем совете: что ей надеть, какие серьги выбрать, как уложить волосы. Серьги для женщины примерно то же самое, что для мужчины бритье: чем торжественней вечер, тем внушительней серьги. У Клэр есть серьги на все случаи жизни. Некоторые скажут, неуверенность в выборе одежде — отнюдь не признак интеллекта. Но я другого мнения. Как раз глупая женщина считает, что разбирается во всем лучше других. «Что мужики в этом понимают?» — думает глупая женщина и в результате делает неверный выбор.

Я пытаюсь представить себе, как Бабетта спрашивает Сержа Ломана, идет ли ей это платье. Не длинновато ли? А туфли с ним сочетаются? Каблук не слишком низкий? Или, наоборот, не чересчур ли высокий?

И здесь возникший передо мной четкий образ начинает расплываться. «Нет, — так и слышу я голос Сержа. — Нормально». Он слушает ее вполуха, ему неинтересно, и, кроме того, даже если его жена наденет не то платье, все мужчины неминуемо свернут себе шеи, когда она будет проходить мимо. Ей все к лицу. Что она там поет?

Кафе, куда мы забрели, не было модным. Сюда не захаживали гламурные персонажи. «Не крутое», сказал бы Мишел. Здесь преобладали простые смертные разных возрастов, самые обыкновенные люди. Все кафе должны быть такими.

Народу было много. Мы стояли вплотную друг к другу возле двери в мужской туалет. В одной руке Клэр держала пиво, а пальцами другой легонько сжимала мое запястье.

— Не знаю, — сказала она, — но в последнее время Мишел ведет себя как-то странно. Даже не странно, но не так, как всегда. Отчужденно. Ты не заметил?

Мишел — это наш сын. На следующей неделе ему исполнится шестнадцать. Нет, больше у нас детей нет. Не то что мы специально планировали произвести на свет лишь одного ребенка, просто в какой-то момент опоздали со вторым.

— Ты считаешь? — сказал я. — Вполне возможно.

Я не смотрел на Клэр, мы слишком хорошо знаем друг друга, мои глаза выдали бы меня. Поэтому я сделал вид, что гляжу по сторонам, что крайне увлечен болтовней обыкновенных людей в этом кафе. Я радовался, что настоял на своем и что мы договорились с Ломанами встретиться в ресторане, а не здесь.

— Он тебе ничего не говорил? — спросила Клэр. — Вы же ведете с ним чисто мужские беседы. Может, замешана девушка? С тобой ведь ему легче это обсудить.

Дверь мужского туалета распахнулась, и нам пришлось отступить в сторону, почти прижавшись друг к дружке. Стакан Клэр стукнулся о мой.

— Какие-то проблемы с девушками? — повторила она свой вопрос.

Если бы с девушками, подумал я. Как это было бы прекрасно... и вполне нормально... обычные подростковые неурядицы. «Можно Шантал/Мейрел/Роз сегодня у нас переночует?» — «А ее родители в курсе? Если родители Шантал/Мейрел/Роз не возражают, то

пожалуйста. Только подумай о... будь осторожен... ну, в общем, сам знаешь, не мне тебя учить. Хорошо? Мишел?»

У нас дома частенько бывали девушки, одна красивей другой, они сидели на диване или за столом и вежливо приветствовали меня, когда я возвращался с работы. «Здравствуйте, господин». — «Обращайся ко мне на „ты“ и забудь про „господина“». И они обращались ко мне на «ты» и называли меня «Паул». Но через несколько дней снова переходили на «вы».

Иногда они попадали на меня по телефону. Никогда не представлялись, сразу к делу: «Мишел дома?» Спрашивая, не нужно ли что-то передать Мишелу, я зажмурился и пытался визуализировать обладательницу голоса на другом конце провода. «Нет, не нужно, спасибо. Просто его мобильный был выключен, и я решила позвонить на домашний».

Пару раз по возвращении домой мне казалось, что я им помешал, Мишелу и Шантал/Мейрел/Роз: было похоже, что не так уж невинно они смотрели «Звездную жизнь» по MTV, поскольку, едва слышав мои шаги, тут же отрывались друг от друга, наспех оправляли одежду и волосы. Особенный румянец на щеках Мишела и слишком разгоряченный его взгляд наводили меня на определенные подозрения.

Но, если честно, я не имел ни малейшего понятия о том, чем они там занимались. Может, между ними вообще ничего не было и все эти прелестные девушки считали Мишела просто хорошим приятелем: симпатичным мальчиком, с которым можно сходить на вечеринку, мальчиком, которому можно доверять.

— Нет, не думаю, что причина в девушке, — сказал я, глядя Клэр прямо в глаза. Гнетущая сторона счастья заключается в том, что ты весь как на ладони. Если я и дальше буду избегать ее взгляда, она точно заподозрит что-то неладное. — Скорее в школе. Только что закончилась зачетная неделя. По-моему, он элементарно устал. Думаю, он недооценил нагрузку.

Убедительно прозвучало? И главное, подкрепил ли я свои доводы уверенным взглядом? Клэр пристально на меня посмотрела, потом поднесла руку к воротнику моей рубашки, будто желая там что-то поправить именно сейчас, пока не поздно, чтобы в ресторане я не выглядел дураком.

Она улыбнулась и положила разведенные пальцы мне на грудь; кончики двух пальцев я ощутил на коже, там, где была расстегнута верхняя пуговица рубашки.

— Может быть, — сказала она. — Только, по-моему, нам надо быть начеку, иначе в какой-то момент он вообще перестанет с нами разговаривать. То есть я имею в виду, что мы к этому привыкнем.

— Конечно. Но в этом возрасте у него есть право на свои маленькие секреты. И нам не стоит его обо всем расспрашивать, если мы не хотим, чтобы он навсегда от нас закрылся.

Я посмотрел Клэр в глаза. «Моя жена, — подумал я в тот момент. — Почему мне нельзя называть ее „моя жена“? Моя жена. — Я обнял ее за талию и притянул к себе. — Пусть хотя бы на сегодняшний вечер. Моя жена и я, — сказал я мысленно. — Моя жена и я хотели бы ознакомиться с винной картой».

— Чему ты улыбаешься? — спросила Клэр. То есть моя жена.

Я бросил взгляд на наши пивные стаканы. Мой был пуст, ее полон на три четверти. Как всегда. Моя жена пила медленнее меня, и за это я тоже ее любил, в этот вечер, возможно, даже больше, чем обычно.

— Просто так, — сказал я. — Я подумал... я подумал о нас.

Все произошло очень быстро: я смотрел на Клэр, свою жену, с любовью, как вдруг глаза застлала влажная пелена.

Но, поскольку ей ни в коем случае нельзя было это видеть, я спрятал лицо в ее волосах. Я еще крепче прижал ее к себе и вдохнул запах шампуня. Шампуня и еще чего-то, чего-то теплого — счастья, наверное.

Как бы сложился наш вечер, если бы всего час тому назад я не поднялся в комнату Мишела?

Как бы сложилась тогда наша дальнейшая жизнь?

Может, тогда волосы моей жены пахли бы просто счастьем, а не воспоминаниями из далекого прошлого, чем-то, что можно потерять в любую секунду?

— Мишел?

Я стоял в дверях его комнаты. Самого Мишела в комнате не было. Или точнее: я знал, что Мишела в комнате не было. Он заклеивал в саду заднюю камеру своего велосипеда.

Я сделал вид, что забыл об этом. Разыграл мизансцену, будто Мишел, по обыкновению, сидит у себя в комнате.

— Мишел? — Я постучался в полуоткрытую дверь.

Клэр в это время рылась в шкафу у нас в спальне, ведь через полчаса мы должны были выдвигаться в ресторан; она никак не могла выбрать, что надеть: черную юбку с черными сапогами или черные брюки с кроссовками «DKNY». «Какие серьги? — спросит она меня сейчас. — Эти или те?» Я отвечаю, что ей к лицу миниатюрные серьги и что они подходят как к юбке, так и к брюкам.

Тем временем я уже стоял посреди комнаты своего сына. И сразу обнаружил то, что искал.

Я хотел бы подчеркнуть, что никогда не поступал так прежде. Никогда. Когда Мишел переписывался с кем-то, сидя за компьютером, я всегда поворачивался спиной к его рабочему столу, чтобы не смотреть на экран. Я хотел, чтобы по моей позе он убедился: я не шпионю за ним и не подглядываю, что и кому он строчит. Иногда его телефон издавал пищащий звук, похожий на свист флейты Пана и сообщающий о получении эсэмэски. Часто он бросал свой мобильник где попало. Не буду отрицать, что в его отсутствие меня порой распирало любопытство: кто посылает ему сообщения? Однажды, зная, что из спортивной секции сын вернется лишь через час, я стоял и крутил в руках забытый им дома телефон — это был еще его старый «Sony Ericsson», не слайдер. На дисплее под изображением конвертика появилась фраза «Одно новое сообщение». «Не понимаю, что на меня нашло, но я прочел присланное тебе сообщение», — фантазировал я. Остается только гадать, узнал бы Мишел или нет, прочти я на самом деле адресованное ему послание. В любом случае он бы не подал виду, однако начал бы подозревать меня или мать в слежке за ним: царапина, которая со временем разрослась бы в приличную трещину. Жизнь нашей счастливой семьи уже никогда не стала бы прежней.

До его письменного стола у окна было всего лишь несколько шагов. Наклонись я вперед, я бы увидел, как он сидит на террасе перед кухонной дверью и возится с камерой. Подними он глаза, он различил бы силуэт отца в окне своей комнаты.

Я схватил со стола его новенький черный «Samsung» и сдвинул крышку. Я не знал пин-кода и, если бы телефон был выключен, я бы ничего не добился, но на дисплее тут же высветилась расплывчатая фотография логотипа «Nike», скорее всего, с его собственной одежды: кроссовки или черной шапочки, которую он даже летом и даже дома натягивал почти до носа.

Я быстро пробежался по меню, практически идентичном меню в моем телефоне, тоже «Samsung», только модели полугодовой давности и уже поэтому безнадежно устаревшей. Я выбрал рубрику «мои файлы» и нажал на «видео». Быстрее, чем я ожидал, я нашел то, что искал.

Я посмотрел ролик и почувствовал, как холодею. То был холод, сравнимый с холодом от чересчур большой порции мороженого или залпом выпитой ледяной воды.

Это был холод, причиняющий боль — изнутри.

Я прокрутил ролик еще раз, а затем включил продолжение. И увидел, что там было даже больше, но насколько больше, с наскока не оценить.

— Папа?

Голос Мишела доносился снизу, я слышал, как он поднимается по лестнице. Я молниеносно задвинул крышку мобильного и положил его обратно на стол.

— Папа?

Скрыться в спальне, достать из шкафа рубашку или пиджак и усесться перед зеркалом было уже поздно. Мне оставалось лишь как можно беспечнее и убедительнее выйти из комнаты сына — так, как будто я в ней что-то искал.

Как будто я искал Мишела.

— Папа? — Он остановился на последней ступеньке и посмотрел мимо меня внутрь своей комнаты. Потом перевел взгляд на меня. Он был в найковской шапочке, на груди болтался черный айпод-нано на тесьме; на шее наушники: здесь надо отдать ему должное — его не

заботил статус, он быстро заменил белые «затычки» обычными наушниками, поскольку в тех лучше звук.

Все счастливые семьи похожи друг на друга, впервые подумалось мне в тот вечер.

— Я искал... — начал я. — Я искал тебя.

Новорожденного Мишела едва выходили. Я довольно часто вспоминал синюшное, сморщенное тельце в кувете после кесарева сечения: то, что он еще жил, было подарком судьбы, тоже счастьем.

— Я клеивал велосипедную камеру, — сказал он. — Слушай, ты не знаешь, у нас ниппели нигде не завалялись?

— Ниппели, — повторил я.

Я не из тех, кто сам заделывает велосипедные камеры, меня на пушечный выстрел к ним нельзя подпускать. И все же мой сын вопреки здравому смыслу надеялся, что существует другая версия его отца, осведомленного о том, где лежат ниппели.

— А что ты тут делаешь? — вдруг спросил он. — Ты сказал, что искал меня. Зачем?

Я посмотрел в его ясные глаза под черной шапочкой, его честные глаза, составляющие, как я всегда полагал, важную часть нашего счастья.

— Просто так, — сказал я. — Потому что нигде не мог тебя найти.

Их, разумеется, еще не было.

Чтобы не слишком распространяться о местонахождении ресторана, скажу лишь, что со стороны улицы его загораживают деревья. Мы опаздывали на полчаса и, шествуя ко входу по гравийной дорожке, с обеих сторон освещенной электрическими факелами, обсуждали вероятность хоть разочек прийти позже Ломанов.

— Спорим? — предложил я.

— Зачем? — сказала Клэр. — Их все равно еще нет.

Девушка в черной майке и черном фартуке до лодыжек приняла у нас пальто. Другая девушка в таком же черном облачении изучала книгу заказов, возлежавшую на пюпитре.

Я видел, как она притворяется, будто не знает фамилии Ломан. К тому же притворялась она весьма неестественно.

— Господин Ломан, говорите? — Она подняла бровь и даже не потрудилась скрыть своего разочарования в том, что перед ней стоит не сам Серж Ломан, а абсолютно неизвестная ей парочка.

Я мог бы помочь ей, подсказав, что Серж Ломан вот-вот подъедет, но я этого не сделал.

Пюпитр с книгой заказов заливала светом сверху небольшая медная лампочка в стиле ар-деко, только что не то вошедшего, не то вышедшего из моды. Волосы девушки, такие же черные, как майка и фартук, были собраны в строгий тугий хвост, словно того требовал дизайн ресторана. Девушка, забиравшая у нас пальто, носила точно такой же хвост. Может, тут это своего рода гигиеническое требование, подобно обязательным маскам в операционных. Ресторан гордился тем, что пользовался лишь «органической» продукцией. В меню еще значились блюда из мяса, но только тех животных, у которых была «хорошая жизнь».

Поверх черного хвоста я сумел окинуть беглым взглядом интерьер ресторана, по крайней мере первые два-три столика, которые были отсюда видны. Слева от входа располагалась открытая кухня. Судя по всему, именно в данный момент там что-то фламбировали в сопровождении неизбежного фейерверка из языков пламени и сизого дыма.

Мне захотелось домой; отвращение от мысли о предстоящем вечере стало почти физическим — тошнота, вспотевшие ладони и зарождающаяся головная боль с левой стороны, — однако недостаточным для того, чтобы упасть в обморок или потерять сознание.

Я представил себе, как отреагировали бы девушки в черных фартуках, если бы кто-то из гостей, еще не миновав пюпитра, рухнул бы наземь. Они попытались бы незаметно оттащить меня в гардероб, в любом случае с глаз других посетителей. Скорее всего, меня усадили бы на табуретку за верхней одеждой. Любезно, но решительно предложили бы вызвать мне такси. Которое увезло бы меня отсюда! Прочь! Как было бы замечательно — кардинально изменить ход вечера, оставив Сержа вариться в собственном соку!

Я прокручивал в голове разные сценарии. Мы могли бы вернуться в кафе и заказать там порцию «еды для обычных людей»: свиные ребрышки с жареным картофелем за 11,50, что наверняка не составило бы и десятой доли той суммы, которую мы потратим здесь на человека.

Другим вариантом было возвращение домой: по дороге мы зашли бы в видеотеку и взяли напрокат фильм, который посмотрели бы потом на нашей двуспальной кровати; бокал вина, крекеры, несколько кусочков сыра (придется еще забежать в ночной магазин) — и идеальный вечер нам гарантирован.

Я бы пошел на жертву, мысленно пообещал я себе, и позволил бы Клэр самой выбрать фильм, пусть даже костюмированную драму. «Гордость и предубеждение», «Комната с видом», «Убийство в Восточном экспрессе» или что-то в этом духе.

Да, можно сказать больным и пойти домой. Но вместо этого я изрек:

— Серж Ломан, столик с видом на сад.

Девушка оторвалась от изучения книги заказов и уставилась на меня.

— Но вы же не Ломан, — констатировала она не моргнув глазом.

В тот момент я проклял все: ресторан, девушек в черных фартуках, заведомо испорченный вечер, но больше всего в тот момент я ненавидел Сержа и этот ужин, на котором он настаивал громче всех и на который не удосужился явиться вовремя. Пунктуальность была не в его стиле; в провинциальных городках его всегда ждали

избиратели — занятого Сержа Ломана постоянно что-то задерживало, затянувшееся совещание в другом городе, например; а сейчас он стоял в пробке, хотя ни разу в жизни не сидел за рулем; нет, вести машину было пустой тратой времени для столь талантливого человека, как Серж, — ее вел шофер, а Серж посвящал свои драгоценные минуты ознакомлению с важными документами.

— Он самый, — сказал я. — Моя фамилия Ломан.

Я пристально смотрел на девушку, которая, на сей раз лихорадочно захлопав глазами, уже открыла рот, чтобы произнести следующую фразу. Настал момент моей победы, только победа эта имела привкус поражения.

— Я его брат, — уточнил я.

— В качестве аперитива от заведения у нас сегодня розовое шампанское.

Метрдотель, или главный официант, или распорядитель (не знаю, как положено называть эту категорию служащих в ресторанах подобного класса), был одет в светло-зеленый костюм-тройку в тонкую голубую полоску, из нагрудного кармана виднелся уголок голубого носового платка.

У него был тихий голос, даже слишком тихий, практически тонущий в общем гуле; очутившись за столиком (с видом на сад! я оказался прав!), мы сразу заметили, что с акустикой тут что-то странное — приходилось говорить громче обычного, иначе слова уносились к высокому стеклянному потолку. Я бы даже сказал, нелепо высокому, не зная я о прежнем предназначении этого здания. Где-то прочел, что раньше здесь располагалась то ли молочная фабрика, то ли канализационная насосная станция.

Мизинцем метрдотель указывал на какой-то предмет на нашем столике. На свечку, сначала подумал я, — на всех столах вместо свечей в высоких подсвечниках мигали крошечные плоские свечки-таблетки. Но мизинец был направлен на плоску с оливками, очевидно только что поданную официантом. Во всяком случае, я не помнил, чтобы она там стояла, когда метрдотель выдвигал для нас стулья. Когда он успел ее принести? Меня охватил краткий, но сокрушительный приступ паники. В последнее время со мной часто такое случалось, когда вдруг из времени выпадали целые куски, образуя пустоты, внутри которых меня, скорее всего, не существовало.

— Это греческие оливки с Пелопоннеса, спрыснутые оливковым экстра-класса маслом первого отжима из Северной Сардинии и сдобренные розмарином из...

Тут метрдотель склонился над столом, но слышимость от этого не улучшилась; конец фразы вообще пропал, в результате чего происхождение розмарина так и осталось для нас загадкой. Хотя, по мне, подобная информация вообще никому не нужна, мне все равно, вырос ли розмарин в Рурской области или в Арденнах. Не слишком ли много слов ради несчастной плоски оливок?

Вдобавок еще этот мизинец. Почему обязательно пускать в ход мизинец? Это что, признак хорошего тона? Может, это сочетается с костюмом в тонкую голубую полоску, так же как торчащий из кармана голубой платок? Или он просто что-то скрывает? Ведь мы не удостоились вида других его пальцев, которые метрдотель сложил в кулак, — может, они покрыты грибковой экземой, симптомом неизлечимой болезни?

— Сдобренные? — переспросил я.

— Да, сдобренные розмарином. Это означает, что...

— Я знаю, что это означает, — резко и, наверное, неуместно громко перебил его я: за соседским столиком мужчина и женщина, прервав свою беседу, обернулись; мужчина с густой бородой, закрывающей почти все лицо, и слишком молодая для его возраста женщина лет тридцати; второй брак, подумал я про себя, или девушка на один вечер, на которую он решил произвести впечатление, пригласив в такой ресторан. — Я в курсе, — продолжил я чуть тише, — что это не означает, что оливки были «удобрены» или «озлоблены».

Угловым зрением я видел, как Клэр смотрит в окно. Незавидное начало; вечер и так уже испорчен, мне не стоило усугублять ситуацию, хотя бы ради моей жены.

Но тут метрдотель сделал то, чего я никак не ожидал; я был готов к тому, что у него отвиснет челюсть, задрожит нижняя губа, что он, возможно, покраснеет и станет мямлить извинения, предписанные ему начальством и кодексом поведения с трудными и грубыми клиентами. Но вместо этого он разразился смехом, причем не подобострастным, а самым что ни на есть искренним.

— Простите, пожалуйста, — сказал он, прикрывая рот рукой; пальцы были по-прежнему подогнуты, и только мизинец все еще оттопыривался. — С таким поворотом мне еще сталкиваться не доводилось.

— Какой смысл в этом костюме? — спросил я Клэр, после того как мы заказали аперитив и метрдотель удалился.

— Милый... — Клэр протянула руку и прикоснулась к моей щеке.

— Нет, ты только посмотри. Он нацепил его не просто так. Ты же не будешь отрицать, что в нем кроется определенный смысл?

Моя жена одарила меня лучезарной улыбкой, которой одаривала меня всякий раз, когда считала, что я слишком завожусь, — улыбкой, говорящей, что ее забавляет мой пыл, но что она ни на секунду не воспринимает его всерьез.

— И эта церковная свечка? — продолжал я. — Почему не цветы? Или не траурный марш?

Клэр взяла пелопоннесскую оливку из плошки и сунула ее в рот.

— Ммм, — сказала она. — Объедение. Жаль только, что розмарин, судя по вкусу, явно недополучил солнца.

Теперь настала моя очередь улыбнуться жене; розмарин, как потом поведал нам метрдотель, был «собственного разведения» и происходил из стеклянной теплицы на задворках ресторана.

— Ты обратила внимание на его мизинец? — спросил я, раскрывая меню.

Вообще-то я сначала хотел взглянуть на цены — цены в подобных ресторанах меня завораживают. Должен отметить, сам я не жмот; не стану утверждать, будто не знаю цены деньгам, однако я ни в коей мере не отношусь к тем, кто уверен, что пойти в ресторан значит выбросить деньги на ветер, и предпочитает ужинать дома, где «гораздо вкуснее». Такие люди ничего не смыслят ни в еде, ни в ресторанах.

Нет, меня завораживает нечто другое, что условно назову непреодолимым расстоянием между блюдом и назначенной за него денежной суммой; мне кажется, что две эти величины: с одной стороны еда, а с другой — деньги — не имеют между собой ничего общего, они обитают в диаметральных плоскостях и не должны соседствовать в одном меню.

Я собирался пройтись по названиям блюд и соотнесенным с ними ценам, но мое внимание привлекла фраза на левой странице меню.

Я впился в нее глазами, после чего стал высматривать полосатый костюм метрдотеля в глубине ресторана.

— Что случилось? — поинтересовалась Клэр.

— Знаешь, что здесь написано?

Моя жена вопросительно на меня посмотрела.

— Здесь написано: «Аперитив от заведения — 10 евро».

— Ну и что?

— Ты не находишь это странным? — удивился я. — Метрдотель говорит нам: «В качестве аперитива от заведения у нас сегодня розовое шампанское». Как это понимать? Ты пребываешь в полной уверенности, что ресторан угощает тебя розовым шампанским. Или я не прав? Если тебе что-то предлагают «от заведения», значит, бесплатно, так ведь? И тогда это не стоит десяти евро, это не стоит ни цента.

— Ну, не всегда. Например, «бифштекс à la maison» означает лишь то, что бифштекс приготовлен по рецепту заведения. Нет, не очень удачный пример... Домашнее вино! Вино, разливаемое в данном заведении. Это же не значит, что его разливают бесплатно?

— Ладно-ладно, это логично. Но я про другое. Я же еще не успел прочесть меню. Человек в тройке выдвигает для тебя стул, ставит перед твоим носом жалкую плошку оливок и объявляет, какой сегодня в заведении аперитив. Это же слегка сбивает с толку. Это звучит так, словно аперитив предлагается бесплатно, а не стоит десять евро. Десять евро! ДЕСЯТЬ! Давай рассуждать иначе: стали бы мы заказывать бокал выдохшегося розового шампанского от заведения, если бы заранее знали, что оно стоит десять евро?

— Нет.

— Вот именно. Нас просто поймали на крючок.

— Да.

Я посмотрел в глаза своей жене, и она ответила мне серьезным взглядом. «Нет, я не подтруниваю над тобой, — говорил ее взгляд, — ты совершенно прав. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Это действительно странно. Такое впечатление, что они делают это намеренно, чтобы посмотреть, попадешься ты в их ловушку или нет».

— Правда же?

Вдалеке я уловил, как костюм-тройка нырнул в кухню; я помахал ему, но мой жест заметила лишь одна из девушек в черном фартуке,

тут же устремившаяся к нашему столику.

— Послушайте, — сказал я, демонстрируя девушке меню и глядя на Клэр — в поисках поддержки или любви или в расчете на понимание, что, мол, с нами такие шутки не пройдут, — но взгляд Клэр был прикован к чему-то за моей спиной: к месту, где, по моему разумению, находился вход в ресторан.

— А вот и они, — сказала Клэр.

Обычно Клэр сидит лицом к стене, но сегодня мы поменялись местами.

— Нет-нет. Давай хоть разочек *ты* сядешь здесь, — сказал я, пока метрдотель выдвигал наши стулья и она машинально собралась занять место, откуда открывалась панорама сада.

Обычно я сижу спиной к саду (или к стене, или к открытой кухне) по одной простой причине: я не хочу ничего пропустить. Клэр всегда собой жертвует. Она знает, что мне не нравится вид стен или садов и что я люблю глазеть на людей.

— Да ладно тебе, — сказала она, пока метрдотель учтиво выжидал, не отрывая рук от спинки стула — стула с видом на ресторан, который он в принципе отодвинул для моей жены, — это же твое любимое место!

Дело не только в том, что Клэр готова принести себя в жертву. В ней есть какой-то покой или внутреннее богатство, позволяющее довольствоваться зрелищем глухой стены, или открытой кухни, или, как здесь, парой чахлах газонов с гравийными дорожками и прямоугольным прудом с хилой живой изгородью. Теоретически вдалеке должны были виднеться деревья, но из-за опустившихся сумерек и отражений в стеклянной стене их едва ли удастся разглядеть.

Подобного вида в сочетании с видом на мое лицо ей вполне хватало.

— Не сегодня, — сказал я. «Сегодня я хочу любоваться лишь тобой», — должен был добавить я, но вслух произнести этого в присутствии метрдотеля в полосатом костюме у меня не хватило духу.

Помимо того что в этот вечер я мечтал сосредоточиться на любимом лице моей жены, я надеялся избежать зрелища прибытия моего брата: возни в коридоре, раболепия метрдотеля и девушек в фартуках, реакции гостей. Однако в момент их прихода я все же обернулся.

Разумеется, появление супругов Ломан не осталось незамеченным. Возле пюпитра образовалось легкое столпотворение: не менее трех черных фартуков приняли на себя заботу о Серже и

Бабетте. Их приветствовали метрдотель и еще какой-то седой полулысый мужчина, не в костюме и не в черном с головы до пят, а в обычных джинсах и белой водолазке — судя по всему, владелец ресторана.

Да, это и в самом деле оказался владелец, — он подошел к Сержу и Бабетте и пожал им руки. «Меня там знают», — предупредил нас Серж несколько дней назад. Он был на короткой ноге с мужчиной в белой водолазке, который осчастливливал своим выходом из открытой кухни отнюдь не каждого.

Гости делали вид, что не происходит ничего особенного, — скорее всего, выражать свои эмоции не полагается в ресторанах, где аперитив от заведения стоит десять евро. Видимо, они, еще на несколько миллиметров согнувшись над тарелками, изо всех сил пыжились сохранять непринужденность, лишь бы избежать неловкой тишины, — если судить по тому, как явственно усилился гул в зале.

И пока метрдотель (белая водолазка снова скрылась в кухне) сопровождал Сержа и Бабетту к нашему столику, по ресторану пробежала едва заметная волна: легкий бриз по прежде гладкой поверхности пруда, порыв ветра над кукурузным полем, не более того.

Серж широко улыбался и потирал руки, Бабетта следовала за ним. Судя по ее семенящей походке, она надела чересчур высокие каблуки и теперь едва поспевала за мужем.

— Клэр! — Он протянул руки навстречу моей жене, которая уже приподнялась на стуле, и они трижды поцеловались.

Мне поневоле тоже пришлось встать: останься я сидеть, мне пришлось бы потом долго объясняться.

— Бабетта... — сказал я, придерживая локоть моей невестки. Я уже рассчитывал на то, что она подставит щеки для предписанных трех поцелуев, чтобы затем поцеловать воздух у моих собственных щек, как вдруг ощутил мягкое прикосновение губ сначала на одной щеке, потом на другой, а последний поцелуй пришелся — нет, не в губы, но совсем рядом. После чего мы посмотрели друг на друга; на ней, как всегда, были очки, только на сей раз какая-то другая модель — по крайней мере, я не припомню, чтобы когда-то видел ее в очках с настолько темными стеклами.

Бабетта относилась к той категории женщин, которым, как говорится, идет все, даже очки. Но сейчас что-то явно было не так. Как

в комнате, в которой в твое отсутствие кто-то выкинул все цветы: изменение в интерьере, неосознаваемое до тех пор, пока не откроешь крышку мусорного ведра.

Жена моего брата обладала, мягко говоря, импозантной внешностью. Некоторых мужчин ее габариты приводили в трепет. Она не была тучной, нет, все ее физические параметры идеально уравнивали друг друга. Тем не менее все в ней было крупным и роскошным: руки, ноги, голова, — слишком крупным и слишком роскошным, по мнению тех мужчин, которые втихаря обсуждали прочие части ее тела, пытаясь мысленно воссоздать их размеры исходя из нормальных человеческих пропорций.

В средней школе я дружил с мальчиком двухметрового роста. Помню, как тяжело было стоять рядом со сверстником на целую голову выше тебя — ты буквально тонул в его тени, лишенный солнечного света. Солнечного света, на который я имел полное право, сетовал я частенько. Я вынужден был постоянно задирать голову вверх, отчего затекала шея, но это еще полбеды. Мы вместе проводили летние каникулы, и, хотя мой друг был не толстым, а только ужасно долговязым, мне приходилось отвоевывать себе пространство всякий раз, когда он шевелил руками или ступнями, торчавшими из спального мешка и упиравшимися в стенку палатки. Эта борьба отнимала у меня все силы. Иногда утром я обнаруживал его ноги за пределами палатки и чувствовал себя виноватым за то, что эта маленькая палатка не в состоянии вместить в себя таких людей, как мой школьный товарищ.

В присутствии Бабетты я всегда лез из кожи вон, чтобы казаться больше и выше, чем был на самом деле. Я вытягивался, чтобы она смогла смотреть мне прямо в глаза.

— Хорошо выглядишь, — сказала Бабетта, ущипнув меня за предплечье.

У большинства людей, особенно у женщин, высказанные вслух комплименты по поводу внешности — пустой звук. Но только не у Бабетты, как убедился я за многие годы. Если кто-то, кому она симпатизировала, неважно выглядел, она этого не скрывала.

Поэтому фраза «Хорошо выглядишь» могла означать, что я действительно хорошо выглядел, хотя, возможно, таким образом она приглашала меня высказаться на счет ее собственной внешности, уделив той больше внимания, чем обычно.

Я еще раз хорошенько заглянул ей в глаза сквозь стекла очков, отражающих весь ресторан: гостей, белые скатерти на столах, парафиновые свечи... да, десятки парафиновых огоньков дрожали в стаканчиках. Только сейчас я заметил, что затемнен лишь верхний край стекол. Нижняя половина оставалась прозрачной, открывая для меня глаза Бабетты.

Они были красные и опухшие: явный признак недавних слез. Не слез двухчасовой давности, нет, слез, выплаканных только что, в машине, по дороге в ресторан.

Возможно, на парковке перед рестораном она и попыталась замаскировать их следы, но безуспешно. Своими затемненными очками она могла провести персонал в черных фартуках, метрдотеля в костюме-тройке и приткого владельца в белой водолазке, но только не меня.

И в тот же момент я понял, что Бабетта вовсе не собиралась меня обманывать. Она приблизилась ко мне ближе, чем обычно, поцеловала меня почти в губы и заставила посмотреть в ее влажные глаза, чтобы я мог сделать соответствующие выводы.

Она опустила веки и пожала плечами — на языке тела это могло означать только одно: «Мне жаль...»

Не успел я и рта открыть, как Серж протиснулся между нами, слегка оттолкнув свою жену, чтобы с силой пожать мне руку. Раньше он не отличался мощной хваткой, но за прошедшие годы научился приветствовать «простых людей страны» крепким рукопожатием, ведь они никогда не проголосуют за какого-нибудь хлюпика.

— Паул, — произнес он.

И улыбнулся, но без какой бы то ни было эмоции. «Улыбайся», — наверняка убеждал он сам себя. Эта улыбка входила в тот же арсенал, что и рукопожатие. Через семь месяцев то и другое вместе должны были обеспечить ему победу на выборах. Даже если в него будут швырять тухлыми яйцами, улыбка должна оставаться безупречной. Первое, что увидят избиратели, — это улыбку на лице, пусть и перепачканном тортом, брошенным разъяренным демонстрантом.

— Привет, Серж, — сказал я. — Как дела?

За спиной брата Клэр и Бабетта приветствовали друг друга. Они поцеловались — по крайней мере, моя жена расцеловала Бабетту в щеки, — обнялись и посмотрели друг другу в глаза.

Увидела ли Клэр то же, что и я? Распознала ли она те же красные круги отчаяния за тонированными стеклами? Но тут Бабетта рассмеялась и поцеловала воздух у щек Клэр.

Мы сели за стол. Серж — напротив меня, на стороне моей жены, а Бабетта с помощью метрдотеля опустилась на стул рядом со мной. Одна из девушек в черном фартуке ассистировала Сержу, который, перед тем как плюхнуться на стул, еще немного постоял, чтобы обозреть интерьер ресторана.

— В качестве аперитива от заведения у нас сегодня розовое шампанское, — объявил метрдотель.

Я глубоко вздохнул, по всей вероятности слишком глубоко, потому что моя жена посмотрела на меня таким пронзительным взглядом, словно пыталась мне что-то сказать. Она никогда не закатывала глаз, не кашляла и не пихала меня ногой под столом, желая предупредить меня о том, что я ставлю себя (или уже поставил) в глупое положение.

Нет, в ее глазах было какое-то неуловимое выражение, незаметное другим, что-то между усмешкой и внезапной серьезностью.

«Не надо», — сказал ее взгляд.

— Ммм, шампанское, — сказала Бабетта.

— Недурно, — сказал Серж.

— Секундочку, — сказал я.

Закуска

— Речные креветки в уксусе и оливковом масле с добавлением эстрагона и лука-порея, — возвестил метрдотель, указывая мизинцем на тарелку Сержа. — А это лисички с Вогез, — мизинец перелетел через креветки к двум разрезанным вдоль коричневым грибам. Казалось, что лисички сорвали лишь несколько минут тому назад: основания ножек были облеплены чем-то, что, по-моему, могло быть только землей.

Я успел отметить ухоженную руку метрдотеля, когда тот откупоривал заказанную Сержем бутылку шабли; так что мои подозрения не оправдались — ему нечего было скрывать: коротко стриженные ногти без заусенцев, чисто вымытые пальцы без колец не выказывали ни малейших признаков какой-либо болезни. Однако рука чересчур активно орудовала в непосредственной близости от нашей еды, всего на пару сантиметров выше креветок, причем мизинец едва не коснулся лисичек.

Я с ужасом представил эту руку с мизинцем над собственной тарелкой, но подумал, что лучше не нагнетать атмосферу за столом и воздержаться от комментариев.

Вот именно, решил я в тот момент, я буду воздерживаться от комментариев. Сдерживаться, как задерживаешь дыхание под водой, и делать вид, что совершенно посторонняя рука над моей тарелкой — самая что ни есть нормальная вещь на свете.

Кое-что еще сильно действовало мне на нервы — растрачиваемое попусту время. Перед тем как откупорить шабли, метрдотель не торопясь закрепил на столе ведро со льдом (модель, на двух крючках подвешиваемая на край стола, словно детское сиденье), затем продемонстрировал бутылку и этикетку: Сержу, разумеется, поскольку именно он выбирал вино, пусть и с нашего согласия. Эта бесконечная винная церемония меня безумно раздражала.

Точно не вспомню, когда он возомнил себя знатоком вин; по-моему, это произошло довольно спонтанно, просто в один прекрасный день он первым схватил винную карту и пробормотал что-то о «земляном послевкусии» португальских вин из Алентежу. Это было не

что иное, как захват власти, потому что с того дня винная карта стала прерогативой Сержа.

После демонстрации этикетки и одобряющего кивка моего брата метрдотель принялся открывать вино. Тут же выяснилось, что умение орудовать штопором не относится к числу сильных его сторон. Он попробовал завуалировать этот изъян, пожав плечами, улыбнувшись и состроив гримасу, что с ним, дескать, такое случается впервые, но именно гримаса его и выдала.

— Эта бутылка явно не в настроении, — сказал метрдотель, после того как верхняя половина пробки, отломившись, раскрошилась.

Теперь он стоял перед выбором: попытаться вытащить из бутылки другую половину пробки под нашими выжидающими взглядами или же удалиться на кухню за квалифицированной помощью.

Простейшее решение проблемы, к сожалению, отпадало: рукояткой вилки или ложки протолкнуть строптивую пробку через горлышко внутрь бутылки. Тогда в бокалы, возможно, попали бы пробковые крошки, — но что с того? Какая разница? Сколько стоило это шабли? Пятьдесят восемь евро? Эта сумма все равно ничего не значит. В лучшем случае она может означать лишь то, что на следующее утро ты обнаружишь точно такое же вино за 7,95 на прилавке супермаркета «Альберт Хейн».

— Простите, пожалуйста, — сказал метрдотель. — Я принесу новую бутылку.

И не успели мы возразить, как он поспешно ретировался.

— Ну да, — сказал я. — Прямо как в больнице. В больнице тоже надо молиться, чтобы кровь у тебя взяла медсестра, а не врач.

Клэр рассмеялась. Бабетта тоже улыбнулась.

— А мне его жаль, — сказала она.

Только Серж задумчиво и серьезно смотрел перед собой. В выражении его лица было что-то почти удрученное, как будто у него отняли игрушку, занимательную головоломку о винах, урожайных годах и сортах винограда. Неуклюжесть метрдотеля косвенно бросала тень и на него. Ведь это он, Серж Ломан, выбрал шабли с прогнившей пробкой. Он-то уже предвкушал стремительное развитие событий: изучение этикетки, одобряющий кивок, пробный глоток. Особенно последнее. Я вдоволь насмотрелся и наслушался, как он потягивает носом, полощет рот, причмокивает, перекачивает вино языком вперед-

назад, вплоть до задней стенки горла и обратно. Я всегда отводил взгляд от этого моноспектакля.

— Остается только надеяться, что у другой бутылки такого изъяна не окажется, — сказал он. — Было бы обидно, ведь это восхитительное шабли.

Он явно находился в затруднительном положении. Ресторан тоже был выбран им, его здесь *знают*, мужчина в белой водолазке специально вышел из открытой кухни поприветствовать его. Интересно, как бы развивались события, если бы ресторан выбрал я, другой ресторан, в котором он еще не бывал и где метрдотелю или официанту не удалось бы открыть бутылку вина с первого захода; он тогда как пить дать сочувственно ухмыльнулся, покачал головой, — да, я знаю его как облупленного, — смерил бы меня взглядом, в котором ясно читалось: этот Паул всегда приводит нас в самые нелепые места...

Другие известные всей стране политики любили коротать время на кухне, собирали старые комиксы или собственноручно ремонтировали свои лодки. Зачастую выбранное хобби совершенно не сочеталось с имиджем того или иного политика. Некая серая мышь с лицом как скоросшиватель вдруг обожает на досуге готовить по французским рецептам и вот уже красуется на цветной обложке очередного воскресного приложения к национальной газете: вязаными прихватками гордо держит противень с мясным рулетом по-провансальски. Что особенно бросается в глаза помимо фартука с репродукцией картины Тулуз-Лотрека, так это улыбка, призванная донести до читателя полученное от стряпни удовольствие. Вернее, не улыбка, а испуганный оскал, — так непроизвольно скалишься, когда на дороге в тебя врезаются сзади, а ты и рад, что отделался легким испугом, — улыбка нескрываемого облегчения от того, что пресловутый мясной рулет по-провансальски не сгорел в духовке дотла.

Что именно происходило в голове Сержа, когда среди многочисленных хобби он выбрал себе именно винное? Надо бы уточнить. Может, даже сегодня вечером. Я сделал заметку на полях своей памяти, сейчас не самый подходящий момент, но вечер обещал быть длинным.

Раньше он вообще пил только кока-колу, в больших количествах; за ужином он легко мог разделаться с полуторалитровой бутылкой. При этом он громко и продолжительно рыгал, за что его часто выгоняли из-за стола. Отрыжка длилась секунд десять, а то и дольше; словно рокочущие раскаты грома, она поднималась из глубин его желудка, создавая ему определенную популярность на школьном дворе — исключительно среди мальчиков (он уже тогда знал, что девочек отрыжки и газы только отпугивают).

Следующим шагом стало оборудование бывшего чулана под винный погреб. Со стеллажами для бутылок, в которых, по его выражению, зрело вино. Во время званых обедов он читал лекции о разливаемых у них дома винах. Бабетта наблюдала за этим его увлечением с некоторой долей иронии, не воспринимая его всерьез. Помню, как однажды я позвонил Сержу, которого не оказалось дома, и к телефону подошла Бабетта. «Он в долине Луары, дегустирует вина», — сказала она с весьма недвусмысленной интонацией. С такой интонацией женщина сообщает, что ее супруг «вынужден был допоздна задержаться на работе», прекрасно зная, что у того уже больше года роман с секретаршей.

Я уже упоминал, что Клэр умнее меня. Но она никогда не предъявляет мне претензий, что я не дотягиваю до ее интеллектуального уровня. То есть она никогда не ведет себя со мной высокомерно, не вздыхает и не возводит глаза к небу, когда я чего-то не понимаю. Конечно, я могу только гадать, как она отзывается обо мне за моей спиной, но уверен, она никогда не позволит себе такого тона, как у Бабетты: «Он в долине Луары, дегустирует вина».

Совершенно очевидно, что Бабетта тоже гораздо умнее Сержа. Что не так уж и сложно, мог бы добавить я, но не делаю этого, — некоторые вещи говорят сами за себя. Я лишь рассказываю о том, что видел и слышал во время нашего совместного ужина в ресторане.

— Зобная железа ягненка, маринованная в оливковом масле из Сардинии с добавлением рукколы, — провозгласил метрдотель, тыча мизинцем в два микроскопических кусочка мяса в тарелке Клэр. — Помидоры, вяленые под солнцем Болгарии.

Что меня поразило в тарелке Клэр, так это необозримая пустота. Разумеется, я знаю, что в престижных ресторанах качество превалирует над количеством, но пустота в тарелке Клэр явно была вопиющей.

Возникло впечатление, что пустая тарелка провоцирует тебя на замечание, жалобу в адрес открытой кухни. «Но ты же все равно не осмелишься!» — говорила тарелка, смеясь тебе в лицо.

Я напрягся, вспоминая цену, — самая дешевая закуска стоила девятнадцать евро. Цены на главные блюда варьировались в диапазоне от двадцати восьми до сорока четырех. Кроме того, гостям предлагались три варианта комплексного меню по сорок семь, пятьдесят восемь и семьдесят девять евро.

— Горячий козий сыр с кедровыми и грецкими орешками, — рука с мизинцем парила над моей тарелкой. Я подавил искушение ответить: «Я знаю, потому что именно это я и заказал» — и сосредоточился на мизинце. Ближе чем сейчас он в этот вечер ко мне не подбирался, даже когда разливалось вино. В конце концов метрдотель пошел по пути наименьшего сопротивления, вернувшись из кухни с новой, уже откупоренной бутылкой.

После винного погреба и поездки в долину Луары настал черед шестинедельных винных курсов. Отнюдь не во Франции, а в пустующем классе вечерней школы. Свой диплом Серж повесил на самом видном месте. На одном из первых уроков его должны были научить, что содержимое бутылки, пробка которой торчит над горлышком, может не совпадать с тем, что заявлено на этикетке. Недоброжелатели могли подменить вино, разбавить его водой из-под крана или плюнуть в бутылку.

Однако после аперитива от заведения и сломанной пробки Сержу Ломану, видимо, не хотелось дополнительной суеты. Не глядя на

метрдотеля, он вытер губы салфеткой и буркнул под нос, что вино «восхитительно».

В тот момент я отвернулся и посмотрел на Бабетту. Ее глаза под затемненными стеклами очков были направлены на мужа; я не видел, но уверен, что она приподняла бровь, когда услышала его оценку вина, откупоренного на кухне. В машине, по дороге в ресторан, он заставил ее плакать, но сейчас ее глаза уже были не такими опухшими. Я надеялся, что она метнет в него какую-нибудь колкость: у нее это прекрасно получалось, порой она бывала весьма язвительна. Фраза «Он в долине Луары, дегустирует вина» была наимягчайшей формой ее сарказма.

Я мысленно ее воодушевлял. Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Если разобраться, то основательный, вышедший из-под контроля скандал между Сержем и Бабеттой еще до закусок был бы мне, пожалуй, на руку. Я бы произнес примирительные слова, выступил якобы непредвзятым судьей, между тем она бы поняла, что я на ее стороне.

К моему сожалению, Бабетта ничего не сказала. Было почти очевидно, что она проглотила несомненно убийственную реплику по поводу пробки. И все-таки случилось то, что вселило в меня надежду на предстоящий взрыв. По закону драмы, если в первом акте пьесы на стене висит ружье, то в последнем оно непременно должно выстрелить. Я увидел это ружье.

— Салат рапунцель, — произнес метрдотель.

Я следил за мизинцем, замершим в сантиметре над тремя-четырьмя съезжившимися зелеными листиками и расплавленным комком козьего сыра, а потом за рукой, повисшей так близко от меня, что, наклонись я слегка вперед, я смог бы ее поцеловать.

И зачем я заказал это блюдо, если не люблю козий сыр? Не говоря уже о салате рапунцель. На сей раз я благословил экономичные порции: моя тарелка тоже практически была пустой, хотя и не такой пустой, как у Клэр. Я бы мог съесть три листика в один присест или просто оставить их на тарелке, что по сути ничего не меняло.

Этот салат всегда ассоциируется у меня с хомячком (или морской свинкой) в клетке, установленной на подоконнике в нашем классе начальной школы. Наверное, для того, чтобы научить нас ухаживать за животными. Не помню, были ли листочки, которые мы просовывали

по утрам сквозь прутья клетки, листками рапунцеля, — во всяком случае, выглядели они очень похоже. Хомячок (или морская свинка) жевал салат своими шустрыми зубками и потом весь день смиренно сидел в углу клетки. В одно прекрасное утро хомячок (или морская свинка) сдох, так же как и его предшественники: черепашка, две белые мыши и палочники. Но, к сожалению, мы не извлекали урока из столь высокой смертности.

Ответ на вопрос, почему передо мной оказалась тарелка горячего козьего сыра с рапунцелем, был проще, чем может показаться на первый взгляд. Я был последний, у кого официант принимал заказ. Мы не договаривались заранее, кто что возьмет, а может, я просто прозевал этот момент. Как бы то ни было, я планировал заказать вителло тонато, но, к своему ужасу, обнаружил, что выбор Бабетты пал на то же самое блюдо.

Ничего страшного, подумал я, тогда переиграю на устрицы. Но, когда Серж прямо передо мной потребовал устриц, я оказался в тупике. Дублировать чей-то заказ не хотелось, но заказывать то же, что Серж, исключалось категорически. В теории я бы еще мог вернуться к вителло тонато, но только в теории. На практике это означало бы, что я, очевидно, не способен проявить оригинальность и сделать самостоятельный выбор, к тому же Серж заподозрил бы меня в попытке подыграть его жене. Что правда, которая именно поэтому не должна быть столь откровенной.

Мне пришлось снова раскрыть меню. Я притворился, будто хочу только показать официанту выбранное мною блюдо, а сам тем временем судорожно пробегал названия закусок. Но было уже поздно.

— А вы, господин, что желаете? — спросил метрдотель.

— Горячий козий сыр на листьях салата рапунцель, — выпалил я.

Прозвучало уж слишком бойко, с преувеличенной уверенностью в правильности собственного выбора. Серж и Бабетта ничего не заметили, но на лице Клэр отразилось изумление.

Защитит ли она меня от меня самого? Скажет ли она: «Но ты же не любишь козий сыр!»? Я не знал; в тот момент я был под обстрелом слишком многих взглядов, чтобы подать ей какой-то знак, и боялся рисковать.

— Я слышал, козий сыр привезен с домашней фермы, — сказал я, — где козы дни напролет пасутся на воздухе.

После того как метрдотель подробно описал Бабеттино вителло тонато (которое в идеальном мире могло бы быть моим) и удалился, мы наконец возобновили нашу беседу. «Возобновили», наверное, не самое удачное слово, поскольку никто из нас не имел ни малейшего понятия, о чем мы говорили до того, как принесли закуски. В так называемых престижных ресторанах это в порядке вещей: тебя без конца прерывают ради обстоятельных объяснений, в чем смысл кедрового орешка на твоей тарелке, нескончаемых ритуалов откупоривания бутылки и бесконечного подливания в бокал, кстати и некстати.

Скажу больше: я исколесил весь мир, побывал в разных странах и в самых разных ресторанах, но нигде, то есть буквально нигде, не подливают вино в бокал, если об этом не просишь. В других местах это считается неприличным. Только в Голландии официанты подлетают к твоему столику и не только без спросу подливают вино, но и бросают задумчивый взгляд на почти допитую бутылку. «Не пора ли заказать новую?» — прочитывается в этом взгляде. Один мой знакомый, работавший в свое время в голландских «престижных ресторанах», как-то поведал мне следующее. Тактика рестораторов в том, чтобы залить в своих клиентов как можно больше вина — вина, цена которого у них по меньшей мере в семь раз превышает цену от поставщика. Официанты намеренно затягивают перерыв между закуской и горячим: подмечено, что от скуки, дабы убить время, клиенты медленно, но верно напиваются. Закуску, как правило, приносят довольно быстро, иначе посетители начинают выражать претензии, однако между закуской и горячим они уже не в состоянии следить за ходом времени, поскольку достигли нужной кондиции. Не редкость и то, что давным-давно приготовленное горячее не подают до тех пор, пока никто не жалуется, но как только разговоры стихают и публика принимается возмущенно вертеть головами, тарелки поспешно засовывают в микроволновку.

О чем шла речь за нашим столиком до того, как подали закуски? Не то чтобы это было архиважно, ничего существенного мы все равно не обсуждали, но меня раздражала моя забывчивость. Я еще помнил предмет разговора сразу после возни с пробкой и заказа еды, но его содержание напрочь стерлось из моей памяти непосредственно перед тем, как метрдотель водрузил на стол тарелки.

Бабетта записалась в новый спортивный клуб, мы говорили о весе, пользе движения и спортивных увлечениях. Клэр с интересом слушала, а Серж заявил, что не выносит навязчивой музыки в большинстве спортивных клубов. Поэтому он принял решение бегать — в одиночестве, на свежем воздухе, что может быть прекраснее; он делал вид, что додумался до этого без посторонней помощи. Видимо, предпочел забыть о том, что я начал бегать уже много лет тому назад и что он никогда не упускал случая подшутить над «беготней своего младшего братца».

Да, именно об этом мы и говорили, чересчур долго, на мой вкус, но зато мы выбрали безопасную тему — тривиальное начало заурядного ужина. Что было потом — не помню, хоть убейте. Я посмотрел на Сержа, на свою жену и, наконец, на Бабетту. Как раз в тот момент Бабетта воткнула вилку в вителло тонато, отрезала кусочек и поднесла его ко рту.

— У меня что-то вылетело из головы, — сказала она, остановив вилку прямо у открытого рта. — Так вы видели новый фильм Вуди Аллена или нет?

По-моему, это признак беспомощности собеседников — когда разговор сразу заходит о фильмах. То есть мне кажется, что о кинематографе уместнее поболтать ближе к концу вечера, когда уже исчерпаны все темы. Я всегда ощущаю неопределенное беспокойство, когда речь с места в карьер заводят о кино, это как если ты только что проснулся, а за окном уже смеркается.

Самые страшные типы — это те, кто пересказывает фильмы от начала до конца, со всей дотошностью, уделяя каждой картине минут по пятнадцать. Их не волнует, смотрел ты фильм или только собираешься, эти сведения они игнорируют, они уже вошли в раж. Поначалу ты еще изображаешь заинтересованность, но очень скоро отбрасываешь всякую вежливость, открыто зеваешь, пялишься в потолок, ерзаешь на стуле. Ты не брезгуешь никакими средствами, чтобы заставить оратора умолкнуть, но тщетно — он не воспринимает подаваемые ему сигналы, упиваясь собой и собственным повествованием.

Полагаю, это мой брат первым завел речь о новом фильме Вуди Аллена.

— Шедевр, — подытожил он, не удосужась даже спросить у нас с Клэр, смотрели ли мы его или нет. Бабетта поддержала мужа кивком, в прошлые выходные они вместе ходили в кино. Для разнообразия они в чем-то согласились друг с другом.

— Шедевр, — подтвердила она. — Правда-правда, вам обязательно стоит посмотреть.

После чего Клэр сообщила, что мы уже видели этот фильм.

— Два месяца назад, — добавил я, что, по сути, было лишней информацией, но мне хотелось ею поделиться, не в пику Бабетте, а в пику моему брату, дать ему понять, что он здорово отстал со своими «шедеврами».

Потом нас обступили девушки в черных фартуках с закусками и метрдотель с мизинцем, и мы потеряли нить разговора, пока Бабетта не вернулась к нему.

— Отличный фильм, — сказала Клэр, окуная вяленый под болгарским солнцем помидор в лужицу оливкового масла. — Даже

Паулу понравился. Правда, Паул?

Клэр часто привлекает меня к беседе таким образом, что у меня нет пути к отступлению. Теперь все знали, что мне понравился фильм, что даже Паул, которому не нравятся никакие фильмы, не говоря уже о фильмах Вуди Аллена, оценил эту ленту по достоинству.

Серж с полным ртом поднял на меня глаза.

— Шедевр, правда? Фантастика! — Он продолжал жевать, а потом что-то проглотил. — А эта Скарлетт Йоханссон может до конца моей жизни приносить мне завтрак в постель. Ну и красotka!

Услышать, как старший брат называет шедевром фильм, который произвел на тебя благоприятное впечатление, примерно то же самое, что надеть на себя его старую одежду: одежду, из которой он вырос, но которая в твоих глазах прежде всего *старая*. Возможности мои были довольно ограничены: согласиться с тем, что фильм Вуди Аллена действительно шедевр, означало снова нацепить на себя поношенную одежду брата, а принять такое априори нельзя; превосходной степени от слова «шедевр» не существует; в лучшем случае я бы мог попытаться доказать, что Серж не понял фильма, что он напрасно столь высоко его оценил, но это потребовало бы от меня слишком большой изобретательности; к тому же для Клэр мои аргументы были бы шиты белыми нитками, да и для Бабетты тоже.

Поэтому оставалось только одно — основательно сгустить краски, что не представляло особого труда; слабых мест в фильме Вуди Аллена навалом, слабых мест, которые не имеют значения, если фильм тебе понравился, но которые в случае необходимости можно поместить под лупу, дабы раскритиковать его в пух и прах. Клэр сначала поднимет брови, но потом, надеюсь, поймет мой замысел: что я предал наше обоюдное удовольствие от просмотра только ради борьбы против скучной и бездарной болтовни о кино.

Я взял бокал шабли, собираясь сделать полный раздумий глоток, прежде чем приступить к осуществлению плана, но тут меня осенила другая мысль. Что этот недоумок сейчас сказал? О Скарлетт Йоханссон? Что-то про «завтрак в постель», про «красотку». Не знаю, как Бабетта относилась к подобным залихватским мужским комментариям, но Клэр всегда вставала на дыбы, когда мужчины принимались обсуждать «аппетитные попочки» или «грандиозные сиськи». Я не заметил ее реакции на Сержево упоминание о завтраке,

потому как в тот момент смотрел на него самого, но это было и не важно.

У меня складывалось впечатление, что в последнее время он начинает утрачивать связь с реальностью, ведь он со всей серьезностью полагал, что Скарлетт Йоханссон загорится желанием приготовить ему завтрак. Подозреваю, что он смотрит на женщин примерно так же, как на еду, ежедневную горячую еду. Я наблюдал это и раньше. «Я голодный», — говорил Серж всякий раз, когда хотел есть. Он говорил это и тогда, когда мы гуляли на природе, вдали от цивилизации, или когда мчались по автостраде. «Ясно, — отвечал я тогда. — Но в данный момент еды у нас нет». «Но я же *голодный*, — настаивал Серж. — Мне надо поесть *сию же минуту*».

Было что-то печальное в этой тупой решимости, заставляющей его забывать обо всем на свете и нацеленной на одно — утолить голод. В подобные минуты он напоминал животное, наткнувшееся на препятствие, — какую-нибудь безмозглую птицу, упорно пытающуюся вылететь в закрытое окно.

Когда мы наконец отыскивали закусочную, еды ему всегда было мало. Он ел так, словно заправлялся бензином: быстро и энергично прожевывая булочку с сыром или миндальное пирожное, чтобы горячее как можно быстрее достигло желудка, ведь без горячего далеко не уедешь. Длинные трапезы вошли в его жизнь гораздо позже, так же как и увлечение винами, — когда на него вдруг снизошло озарение, что он принадлежит к высшей касте общества; но скорость и энергичность остались прежними — он всегда первым опустошал свою тарелку.

Я бы отдал целое состояние, чтобы хоть одним глазком взглянуть, что творится в их с Бабеттой спальне; однако другая часть моего существа, как раз наоборот, изо всех сил противится столь бредовому желанию и готово выложить не меньшее состояние, чтобы этого избежать.

«Я хочу секса», — наверняка заявляет Серж. А Бабетта жалуется в ответ, что у нее болит голова, что у нее месячные или что сегодня вечером она вообще неспособна думать об этом, о его теле, его руках и ногах, о его запахе. «Но я хочу секса *сейчас*». Предполагаю, что мой брат занимается сексом подобно тому, как поглощает пищу, что он

входит в женщину так же, как засовывает в рот котлету, чтобы на время утолить голод.

— Значит, ты в основном таращился на грудь Скарлетт Йоханссон? — спросил я гораздо грубее, чем собирался. — Или под «шедевром» ты имел в виду что-то иное?

Воцарилась пронзительная тишина. Такого рода тишину услышишь только в ресторанах: когда внезапно обостряется осознание, что вокруг люди, и вдруг отчетливо слышится шелест салфеток и стук вилок за остальными тридцатью столиками, то есть одна-две секунды затишья — и фоновое сопровождение выходит на первый план.

Тишину прервал смех Бабетты; я бросил взгляд на свою растерявшуюся жену, а потом на Сержа: он тоже попытался рассмеяться, но явно неискренне, вдобавок он все еще сидел с набитым ртом.

— Не строй из себя святошу, Паул! — сказал он. — Ну, признай, что она потрясающая цыпа, ты же не слепой!

Я знал, что выражение «потрясающая цыпа» определенно не понравится Клэр. Сама она всегда говорила «красивый мужчина» и никогда «классный мужик». К месту и не к месту употребляемое женщинами в адрес мужчин модное выраженьице «аппетитная задница» слегка ее напрягало. «Это как если бы женщины вдруг все скопом начали курить трубку и плевать на пол», — как-то заметила она.

В глубине души Серж всегда оставался деревенщиной, тем же невоспитанным подростком, которого выгоняли из-за стола за отрывку и газы.

— Скарлетт Йоханссон весьма привлекательная женщина, — сказал я. — Просто мне показалось, что ее внешность ты счел главным достоинством фильма. Поправь меня, если я неправ.

— Ну, по-моему, этот, как его, англичанин, тренер по теннису, который не в силах был выбросить ее из головы, совсем с катушек съехал. Он даже вынужден был ее убить, чтобы не упустить своего.

— Ну вот! — воскликнула Бабетта. — Зачем ты рассказал, они же еще не смотрели!

И снова тишина. Бабетта перевела взгляд с Клэр на меня.

— Фу, черт, совсем забыла. Вы же как раз видели этот фильм!

Теперь мы смеялись все вчетвером — момент разрядки. Слишком расслабляться, однако, не стоило, следовало сохранять бдительность. Дело в том, что Серж Ломан сам был обладателем «аппетитной задницы», и данный факт частенько акцентировался противоположным полом. Он прекрасно знал, что пользуется успехом у женщин, и в этом не было ничего предосудительного; он был фотогеничен, отличался приятной, но опять-таки деревенской наружностью, слишком уж простоватой, вырубленной как бы из одного чурбака, — но есть ведь женщины, которым по вкусу грубая мебель, стол или стул, сколоченные из «аутентичных материалов» — досок от старого хлева в Северной Испании или Пьемонте.

Раньше подружки Сержа уже через несколько месяцев сбегали от него: было в нем что-то постное и прямолинейное, и им быстро надоедала его «смазливая мордашка». Только Бабетта выдержала рядом с ним дольше других, восемнадцать лет, что само по себе можно считать чудом: вот уже восемнадцать лет подряд они ссорятся, поскольку совершенно не подходят друг другу. Впрочем, на каждом шагу встречаются пары, для которых нескончаемые трения и являются движущей силой брака, когда каждый скандал предвещает момент примирения в постели.

И все же порой я не мог отделаться от мысли, что Бабетта просто подписалась на союз с успешным политиком, потому что ей было жаль выкинуть из жизни потраченные на него годы; так ты не откладываешь в сторону дрянную книгу, прочитав ее лишь до половины, но помимо воли домучиваешь до конца в надежде на удачную развязку.

У них было двое своих детей: Рик, ровесник Мишела, и Валери, слегка аутичная девочка тринадцати лет, красивая почти призрачной красотой русалки. И еще был Бо, точный возраст которого установить не удалось — по всей видимости, где-то между четырнадцатью и семнадцатью годами. Бо происходил из Буркина-Фасо и оказался в семье Сержа и Бабетты благодаря одной из программ помощи развивающимся странам. Согласно правилам, ты помогал детям школьного возраста из стран третьего мира, оплачивая их учебники и предметы первой необходимости, а потом «усыновлял» их: сначала на

расстоянии, посылая им письма, фотографии и открытки, а потом по-настоящему, вживую. Отобранные дети находились какое-то время в голландских семьях, и если все шло хорошо, то им разрешали остаться. Вот такая покупка в рассрочку. Это как взять кота из приюта: если он раздерет диван или запишет весь дом, то его можно будет отнести обратно.

Я помню несколько фотографий и открыток, полученных от Бо из далекого Буркина-Фасо. На одной из них, которая мне особенно запомнилась, он стоит перед кирпичной лачугой с крышей из гофрированного листа, черный как смоль парнишка в полосатой рубашке почти до пят, с голыми ногами в резиновых сандалиях. «Большое спасибо моим родителям за нашу школу!» — было старательно выведено внизу красивым почерком.

«Какая прелесть!» — сказала тогда Бабетта, увидев фотографию. Они с Сержем отправились в Буркина-Фасо и сразу, по их словам, влюбились в мальчика.

Затем последовало второе путешествие, заполнение документов, и через несколько недель Бо приземлился в аэропорту Схипхол. «Вы отдаете себе отчет, во что ввязываетесь?» — спросила Клэр, когда процесс усыновления еще находился на стадии открыток. Но этот вопрос вызвал лишь бурю возмущения. Они ведь помогают ребенку! Ребенку, который в своей стране никогда бы не получил таких возможностей, как в Голландии! Да, они хорошо понимают, что делают, — людей, думающих исключительно о себе, на Земле ведь и так хватает.

Их невозможно было обвинить в примитивном эгоизме. Они не были обычными усыновителями, неспособными иметь собственных детей, — Рику тогда уже исполнилось три года, а Валери — несколько месяцев. Они брали в свою семью, абсолютно бескорыстно, третьего ребенка, чужого, социально неблагополучного, предлагая ему новую жизнь в Голландии.

Но тогда что это было? Действительно, во что они ввязывались?

Поскольку Серж и Бабетта запретили нам задавать этот вопрос, мы не задавали и других. Есть ли у Бо биологические родители, разрешившие ему покинуть страну? Или он сирота, предоставленный самому себе? Надо заметить, что Бабетта занималась усыновлением фанатичнее, чем Серж, с самого начала это был всецело ее «проект»,

который она во что бы то ни стало хотела довести до счастливого конца. Она изо всех сил старалась не обделить приемного ребенка материнской любовью.

В конце концов само слово «усыновление» превратилось в табу. «Бо — наш ребенок. Между нашими детьми нет никакой разницы». В такие моменты Серж одобрительно кивал. «Мы любим его наравне с Риком и Валери», — говорил он.

Возможно, он осознавал это уже тогда и все заранее обдумал — я не вправе судить, — но позднее этот «проект» сослужил ему хорошую службу: чернокожий сын из Буркина-Фасо, которого он любил так же, как собственных детей. Этот проект был иного порядка, чем его винное хобби, но производил сходное впечатление. Он укреплял его имидж: Серж Ломан, политик с приемным африканским ребенком.

Он все чаще позировал со своей большой семьей; фотографии получались эффектные: Серж и Бабетта на диване и трое детей у них в ногах. Бо Ломан был живым доказательством того, что этот политик живет не только сугубо личными интересами; что он, по крайней мере раз в жизни, поступил великодушно, ведь двое других его детей зачаты естественным способом, а значит, острой необходимости в усыновлении ребенка из Буркина-Фасо не было. Так что это стало неким косвенным посланием общественному мнению: значит, Серж Ломан не станет руководствоваться чисто эгоистическими соображениями и в прочих областях своей деятельности.

Официантка, похожая на Скарлетт Йоханссон, подливала вина в наши с Сержем бокалы: Клэр и Бабетта свои бокалы еще не допили. На эту операцию у нее ушло довольно много времени, неловкие движения выдавали новенькую. Сначала она вытащила бутылку из ведерка со льдом и протерла ее насухо белой салфеткой, ниспадающей с края ведерка; сам процесс подливания проходил негладко — она стояла под слишком острым углом к стулу Сержа, в результате чего задела локтем голову Клэр.

— Простите, пожалуйста, — извинилась она и покраснела.

Конечно, Клэр тут же успокоила ее, что, мол, ничего страшного не произошло, но девушка так растерялась, что наполнила бокал Сержа аж до краев. Тоже невелика беда — но только не для винного эксперта.

— Ого! — воскликнул мой брат. — Вы что, хотите, чтобы я напился в стельку?

Он отодвинул стул на полметра от стола, как будто девушка пролила полбутылки ему на брюки. Теперь ее окончательно вогнали в краску, она хлопала глазами, словно собираясь расплакаться. Подобно другим девушкам в черных фартуках, она тоже носила предписанный им всем тугий хвост, но благодаря золотистому цвету волос выглядела менее сурово, нежели ее темноволосые коллеги.

У нее было миловидное личико, и я не мог отказать себе в удовольствии вообразить, как она снимет резинку с хвоста, распустит волосы по окончании рабочего дня, такого ужасного рабочего дня, и поспешит рассказать подруге (или приятелю): «Представляешь, со мной сегодня такое случилось! Так глупо... Ты же знаешь, как я ненавижу эту канитель с винным этикетом? Ну так вот, сегодня я опять все испортила. И знаешь кому?» Подруга (или приятель) покачает головой и спросит: «Кому?» Для достижения максимального эффекта девушка выдержит короткую паузу, а затем ответит: «Сержу Ломану!» — «Кому?!» — «Сержу Ломану! Ну, тому, министру. А может, он и не министр, но ты понимаешь, о ком я, его еще вчера показывали в новостях, ну, который, скорее всего, победит на выборах. Ужасно глупо получилось, а его соседке по столу я вдобавок заехала локтем по голове». — «Да ты что?! О господи, ну а потом-то что?» — «Ничего, он был очень любезен, хотя мог бы стереть меня в порошок!»

Очень любезен... Да, он был очень любезен, когда отодвинул свой стул на полметра от стола, поднял голову и только тогда впервые сообразовал посмотреть на девушку. Я заметил, как в сотую долю секунды поменялось его лицо: наигранное возмущение по поводу непрофессионального обращения с его шабли сменилось приветливым, чуть ли не виноватым выражением. Судя по тому, как он растаял, сходство со Скарлетт Йоханссон не ускользнуло и от его внимания. Он видел перед собой «потрясающую цыпу», пунцовую и сконфуженную, безоговорочно сдавшуюся на его милость. И он послал ей свою очаровательную улыбку.

— Ничего страшного, — сказал он, поднимая бокал и расплескивая его содержимое на полупустую тарелку с устрицами. — Вино не пропадет.

— Простите, пожалуйста, — повторила девушка.

— Не переживайте. Сколько вам лет? Вы уже можете голосовать?

Сначала я подумал, что ослышался. Но в этот момент брат повернулся ко мне и сально подмигнул.

— Девятнадцать.

— Ну тогда, если на предстоящих выборах вы отдадите свой голос за нужную партию, мы забудем про этот маленький винный инцидент.

Девушка в очередной раз зарделась, и я снова подумал, что она разрыдается. Я сразу перевел взгляд на Бабетту, но не обнаружил на ее лице никаких признаков недовольства поведением своего мужа. Как раз наоборот, казалось, что эта сцена ее забавляла: политик национального масштаба Серж Ломан, лидер крупнейшей оппозиционной партии, без пяти минут премьер-министр, открыто заигрывает с девятнадцатилетней официанткой, вгоняя ее в краску, — возможно, это и впрямь весело, возможно, таким образом еще раз подтверждался его неотразимый шарм, а Бабетте попросту нравилось быть женой такого человека, как мой брат. В машине, по дороге в ресторан, или на парковке он довел ее до слез. Ну и что? Она же не собирается расстаться с ним после восемнадцати лет совместной жизни? За шесть месяцев до выборов?

Я попробовал поймать взгляд Клэр, но она целиком была поглощена эволюциями переполненного бокала. Прикоснувшись к затылку, куда угодил локоть девушки (возможно, с большей силой, чем нам всем показалось), она спросила:

— Вы летом опять едете во Францию? Или вы еще не определились с планами?

У Сержа и Бабетты был домик в Дордони, где они проводили с детьми каждое лето. Они принадлежали к тем голландцам, которые благоговели перед всем французским: круассанами, багетами, камамбером, французскими марками автомобилей (разъезжая на одной из самых дорогих моделей «пежо»), шансоном и, наконец, французским кинематографом. Между тем они не замечали, что местное население Дордони голландцев на дух не переносит. Многие дома голландских семей были исписаны антиголландскими лозунгами, — по мнению моего брата, дело рук «деградировавшего меньшинства», ведь к ним-то всегда хорошо относились, и в магазинах, и в ресторанах.

— Пока неизвестно, — ответил Серж. — Зависит от того, как все сложится.

Год назад мы заехали к ним по пути в Испанию — в первый и в *последний* раз, как заключила Клэр, когда спустя три дня мы продолжили свое путешествие. Просто мой брат и его жена столько раз нас приглашали, что в какой-то момент нам стало неудобно откладывать визит до бесконечности.

Их дом возвышался на холме, скрытый за деревьями, сквозь кроны которых блестела вдали излучина реки Дордонь. Мы изнемогали от духоты, на улице не было ни ветерка, и даже в тени, возле прохладных стен заднего фасада, стояла нестерпимая жара. Гигантские жуки и синие мухи необъятных размеров истошно жужжали в листве и с такой силой врезались в окна, что дребезжали стекла.

Нас познакомили с каменщиком, пристроившим к дому открытую кухню, с мадам пекаршей и владельцем «самого обычного ресторана, куда навещают только местные жители». «Mon petit frère»,^[2] — представлял меня им Серж. Он чувствовал себя в своей тарелке среди французов, кстати самых что ни на есть обыкновенных. Простые люди были его профессией в Нидерландах, так почему бы и не поработать с ними и здесь тоже?

Единственное, чего он, по-моему, не учитывал, было то, что все эти обыкновенные французы прилично зарабатывали на нем,

состоятельном голландце с его загородным домом, и лишь поэтому соблюдали элементарные нормы вежливости. «Такие дружелюбные, — восторгался ими Серж. — И простые. В Голландии таких нет». Он не видел или не хотел видеть, как каменщик выплюнул зеленый комок жевательного табака на плитку их террасы, после того как назвал цену партии «аутентичной» деревенской черепицы для навеса их кухни. Как мадам пекарше не терпелось поскорее обслужить других клиентов, томящихся в очереди, пока Серж рекомендовал ей своего младшего брата, — клиентов, весьма красноречиво подмигивающих друг другу: до чего спесивые они, эти голландцы! Как общительный владелец ресторанчика, присевший на корточки рядом с нашим столиком, заговорщическим тоном поведал нам, что получил накануне партию свежайших виноградных улиток — у фермера, который уступил их «по специальной цене» исключительно для Сержа и его «симпатичных родственников». Серж не подозревал, что французские гости ресторана довольствовались при этом самым заурядным меню из трех блюд, стоившим вдвое дешевле, чем одна порция наших улиток. О винной дегустации в этом заведении я лучше вообще умолчу.

Клэр и я выдержали у них три дня. За эти три дня мы посетили замок, где вместе с сотней других иностранцев, преимущественно голландцев, целый час промаялись в очереди, прежде чем гид провел нас по двенадцати затхлым комнатам со старыми креслами и кроватями с балдахинами. Остальное время мы коротали в душном саду. Клэр пыталась что-то читать, мне же было жарко даже раскрыть книгу, белизна страниц резала глаза, однако бездельничать тоже не получалось. Серж неутомимо занимался обустройством дома. «К тебе здесь проникают уважением, если ты сам строишь свой дом», — говорил он. За черепицей, привезенной для кухни, он по сорок раз на дню гонял тележку на проселочную дорогу в полутора километрах от дома. Он ни на секунду не задумывался о том, что своей бурной деятельностью лишь отбирает у кровельщика его заработок.

Даже дрова для камина он распиливал собственноручно. Все это порой напоминало рекламный снимок для его предвыборной кампании: Серж Ломан, кандидат от народа, с тележкой, пилой и толстыми бревнами, простой человек, как все, с той лишь разницей, что очень немногие простые люди могут позволить себе загородный дом во Франции. Наверное, именно поэтому он не приглашал

телевизионщиков в свое «поместье», как он сам его называл. «Это мое личное укрытие, — говорил он. — Для меня и моей семьи. Нам тут ни до кого».

Когда он не таскал черепицу и не колол дрова, он собирал смородину или ежевику. Бабетта варила из них варенье: в повязанном на голову крестьянском платке она дни напролет разливала горячую приторную субстанцию по сотням стеклянных банок. Клэр ничего не оставалось, как предложить свою помощь, так же как и я чувствовал себя обязанным ассистировать Сержу с его черепицей. «Помощь нужна?» — спросил я после седьмой тележки. «Не откажусь», — ответил он.

«Когда нам можно будет отсюда уехать?» — спросила Клэр вечером, лежа в постели; мы наконец были одни и, несмотря на жару, могли прижаться друг другу. От ежевики ее пальцы окрасились в синий цвет, синие пятна более темного оттенка виднелись и на волосах, и на щеках. «Завтра, — сказал я. — Нет, послезавтра».

В прощальный вечер Серж и Бабетта пригласили друзей и знакомых на ужин в саду. Среди них не было ни одного француза — исключительно голландцы, обладатели загородных домов по соседству. «Не волнуйтесь, — сказал Серж. — Соберется тесная компания, наименее приятные люди».

Вечером у Сержа в саду стояли, не считая нас, семнадцать голландцев, вооруженных бокалами и тарелками. Престарелая актриса («без работы и без мужа», как просветила меня на следующее утро Клэр), худой как щепка хореограф на пенсии, пивший только минеральную воду «Виттель» из принесенных с собой пол-литровых бутылочек, и гомосексуальная пара писателей, беспрестанно придирающихся друг к другу по любой ерунде.

Бабетта устроила шведский стол с салатами, французскими сырами, колбасой и багетами. Серж в красно-белом клетчатом фартуке, взяв на себя ответственность за барбекю, жарил гамбургеры попеременно с кусочками мяса, перца и лука на шампурах. «Секрет барбекю в хорошем огне, — разъяснил он мне за несколько часов до ужина в тесной компании. — Остальное мелочи». Мне поручили собирать сухие ветки. Серж пил больше, чем обычно, рядом с барбекю он поставил в траву оплетенную бутылку — возможно, он нервничал по поводу того, как все пройдет, хоть и не подавал виду. «В Голландии

сейчас уплетают картошку с подливкой, — сказал он. — Даже мысль об этом мне противна. Ты только посмотри вокруг, вот это жизнь!» — Вилкой для мяса он обвел деревья и кустарники, заслонявшие дом от назойливых посторонних.

Все голландцы, с которыми я общался в тот вечер, рассказывали примерно одно и то же, зачастую даже в одинаковых выражениях. Они не завидовали своим соотечественникам, вынужденным из-за нехватки денег или по другим причинам оставаться в Голландии. «Мы катаемся как сыр в масле», — сказала женщина, много лет, по ее словам, проработавшая в «индустрии похудения».

Посмотрев на фигуры с бокалами в руках в золотистом сиянии факелов, стратегически размещенных Сержем в саду, я вспомнил фразу одного старого актера — как бишь его? — из рекламного телеролика десяти— или двадцатилетней давности: «Еще бы не кататься как сыр в масле, тем более когда сыр — настоящий французский, да еще и к бокалу хорошего коньяку...»

В тот же миг я ощутил запах бурсена, словно мне сунули под нос тост, намазанный этим препротивнейшим суррогатом мягкого французского сыра. Сочетание освещения и запаха бурсена превращали вечеринку брата в бородатый рекламный ролик: как там этот — как бишь его? — на все лады расхваливал суррогат, не имеющий ничего общего с настоящим французским сыром, так и здесь, в сердце Дордони, все притворялись французами при полном отсутствии французов настоящих.

Насчет антиголландских лозунгов они единодушно пожимали плечами. «Хулиганы!» — считала безработная актриса; владелец рекламного бюро, продавший свой бизнес, чтобы навечно поселиться в Дордони, утверждал, что эти акции направлены прежде всего против туристов, набивающих свои кемперы провизией из Голландии и не тратящих ни цента у местных продавцов.

«Мы не такие, — говорил он. — Мы обедаем в их ресторанах, пьем местное перно и читаем их газеты. Без таких, как Серж и ему подобные, здесь каждый второй строитель и сантехник остался бы без работы».

«Не говоря уже о виноделах! — вмешался Серж и поднял свой бокал. — Ваше здоровье!»

Чуть позади, в темной части сада у кустов, тощий хореограф целовался с младшим из писательской пары. Я заметил руку, скользнувшую под рубашку, и отвернулся.

«А что, если авторы лозунгов не ограничатся лозунгами?» — задался я вопросом. Скорее всего, им бы не составило большого труда прогнать отсюда эту трусливую шайку чужаков. При угрозе настоящего насилия голландцы обычно тут же поджигают хвост. Можно было бы начать с выбивания стекол, а потом поджечь парочку загородных домов. Парочку, не больше — ведь в конце концов эти дома должны были перейти в собственность тех, кто имел на них первоочередное право: молодым французским новобранцам, вынужденным из-за подскочивших цен на недвижимость тесниться у родителей. Голландцы напрочь расстроили местный рынок недвижимости, выкладывая баснословные суммы даже за сущие руины. С помощью относительно недорогих французских каменщиков эти руины восстанавливались, чтобы потом большую часть года пребывать в запустении. Удивительно, что до сих пор произошло так мало инцидентов, что аборигены ограничились лишь оскорбительными надписями.

Я окинул взглядом лужайку. Между тем кто-то поставил диск с песнями Эдит Пиаф. Уже не вполне трезвая Бабетта, облаченная в широкое черное полупрозрачное платье, неуверенно пританцовывала под звуки «Non, je ne regrette rien...».^[3] «Если разбитые стекла и поджоги не произведут должного эффекта, нужно будет вывести борьбу на уровень повыше», — подумал я про себя. Под предлогом знакомства с производителем грошового вина можно выманить эдакого голландского «помещика» из дому, чтобы потом посреди кукурузного поля отделать его как следует, не кулаками, нет, чем-нибудь повнушительнее, бейсбольной битой, например, или цепом.

Или, увидев, как один из них пересекает дорогу, возвращаясь из супермаркета с полной сумкой багетов и красного вина, слегка прибавить скорость своего автомобиля. Чистая случайность. «Совершенно неожиданно он вынырнул прямо перед капотом», — всегда можно оправдаться потом или вовсе промолчать, бросив голландца на обочине дороги, словно задавленного зайца, но по приезде домой на всякий случай ополоснуть бампер и крыло. Все средства хороши ради того, чтобы вбить им в голову одну-

единственную мысль: вам здесь не место! Проваливайте к себе домой! Играйте во Францию в собственной стране, с багетами, сырами и красным вином, но не здесь!

«Паул! Паул!»

В центре лужайки Бабетта в своем развевающемся одеянии, в опасной близости от факелов, протягивала ко мне руки. «Милорд!» — гремело из колонок. Танцы. Танцы на траве с моей невесткой. Как сыр в масле. Я огляделся и обнаружил Клэр у стола с сырами.

Беседа с безработной актрисой, она бросила на меня взгляд, полный отчаяния. На вечеринках в Голландии этот взгляд означал: «Пожалуйста, пойдем домой». Но здесь пойти домой мы не могли, обреченные участвовать в этом фарсе до самого конца. Завтра. Завтра мы уедем. Сейчас ее взгляд молил об одном: «Помоги!»

Жестом я заверил свою невестку, что не сейчас, но позже обязательно с ней потанцую, и направился в сторону сырного стола. «Так смейтесь же, милорд! Так пойте же, милорд!» — заливалась Эдит Пиаф. Среди сотни голландцев с их загородными домами в Дордони, без сомнения, найдутся тупоголовые, продолжал я свой внутренний монолог. Такие, кто прячет голову в песок и упорно отказывается понимать, что они здесь нежелательные чужестранцы. Которые вопреки всему будут продолжать настаивать на том, что выбитые стекла, поджоги, избитые и попавшие под колеса соотечественники — дело рук «деградировавшего меньшинства». Может, этих болванов стоит спустить с неба на землю более жесткими методами?

Я вспомнил «Соломенных псов» и «Избавление» — фильмы, которые неизменно ассоциируются у меня с деревенской жизнью. Здесь же, в Дордони, на холме, где мой брат с женой устроили для себя «французский рай», кадры из этих лент всплывали в сознании особенно ярко. В «Соломенных псах» местные жители сначала мелко пакостничают, а потом переходят к страшной мести приезжим, полагающим, что обрели покой в симпатичном домике в шотландской деревушке. В «Избавлении» сельские ребята из Джорджии портят четверым городским приятелям идиллическую прогулку по реке, не останавливаясь перед изнасилованиями и убийствами.

Прежде чем обратиться, актриса оглядела меня с ног до головы. «Ваша жена сказала мне, что вы нас завтра покидаете». Ее голос звучал фальшиво и слащаво, подобно заменителю сахара в

низкокалорийной кока-коле или конфете для диабетиков, от которой, по утверждению на фантике, невозможно поправиться. Я перевел взгляд на Клэр, внимательно изучающую звездное небо над головой. «Да еще и ради Испании».

Я вспомнил одну из своих любимых сцен из «Соломенных псов». Как бы зазвучал этот фальшивый голос, если бы ее обладательницу затащили в сарай двое пьяных французских работяг? Пьяных в стельку, которым что женщина, что развалины дома — все одно. Помнила бы она еще свою роль в тот момент, когда рабочие задали бы этой руине капремонт? Вернулся бы к ней ее голос, начни они обдирать ее по частям?

Вдруг в другом конце сада, не в темном углу у кустов, где хореограф лапал одного из писателей, а ближе к дому, возле тропинки, ведущей к проселочной дороге, поднялся шум.

Их было человек пять. Французы, это я определил сразу, хотя и не скажу наверняка, по каким признакам: скорее всего, по одежде, в которой было что-то деревенское, но не квазинебрежное и неряшливое, как у голландцев, играющих здесь во Францию. У одного из мужчин за плечом висело охотничье ружье.

Может, дети действительно попросили разрешения слинять с вечеринки, чтобы прошвырнуться по деревне, как продолжал утверждать на следующее утро Мишел. Во всяком случае, в последние несколько часов они не попадались мне на глаза. Дочь Сержа Валери почти весь вечер провела у телевизора на кухне, после чего пришла пожелать нам спокойной ночи и поцеловала в обе щеки своего дядю Паула.

И вот Мишел с поникшей головой оказался зажат между двумя французами; черные волосы, отпущенные им в это лето до плеч, закрывали лицо; один из французов схватил его за предплечье. Сына Сержа, Рика, тоже держали, хоть и не так крепко, словно он уже не представлял опасности.

Вообще-то удерживать приходилось в основном Бо, усыновленного мальчугана из Буркина-Фасо, благодаря программе поддержки школы с гофрированной крышей и стараниям его новых родителей оказавшегося — с промежуточной остановкой в Голландии — среди голландцев в Дордони. Он вырывался и лягался,

пока двое других французов не заломили ему руки за спину и наконец не повалили на землю, лицом в траву на лужайке моего брата.

«Месье, месье! — слышался голос Сержа, размашистым шагом приближавшегося к группе мужчин. Он уже прилично принял на грудь, и ровная походка явно давалась ему с трудом. — Месье! Что происходит?»

К тому времени, когда я вернулся из туалета, горячее еще не подали. Зато на столе красовалась новая бутылка вина.

Антураж туалета тоже был тщательно продуман: по-видимому, тут задались вопросом об истинном смысле слова «ватерклозет». Потому что всюду журчала вода, не только в стальном подвесном писсуаре во всю стену, но и по обрамленным в гранитные рамы зеркалам в человеческий рост. Все это по идее должно было вписываться в некую концепцию, вместе с черными фартуками официанток, их тугими хвостами, лампочкой ар-деко над пюпитром, экологически чистым мясом и полосатым костюмом метрдотеля, суть которой, правда, не очень понятна. Так бывает с некоторыми дизайнерскими очками, ничего не добавляющими к личности их владельца, но привлекающими внимание исключительно к себе: мы — очки, не смейте об этом забывать!

Вообще-то особой нужды у меня не было, просто хотелось на какое-то время отлучиться из-за стола, скрыться от этого пустословия про кино и отпуск, но стоило мне пристроиться около нержавеющей писсуара с журчащей водой под аккомпанемент тихой фортепьянной музыки, как я тут же почувствовал сильный позыв.

В тот же миг я услышал, как дверь отворилась и в уборную кто-то вошел. Я не из тех, у кого в присутствии посторонних вдруг пропадает всякое желание мочиться, однако у меня этот процесс ощутимо затормаживается. Я проклинал себя, что стоял перед открытым писсуаром, а не в закрытой кабине с унитазом.

Посетитель откашлялся и принялся напевать мелодию, в которой секундой позже я узнал песню «Killing me softly».

«Killing me softly with his song...»... черт побери... как же зовут исполнительницу?.. Ага, вспомнил — Роберта Флэк! Я молил Бога, чтобы посетитель занял отдельную кабинку, но краем глаза заметил, что он примостился перед стеной в метре от меня. И тут же до меня донесся ясный и чистый звук мощной струи, льющейся на журчащую по стене писсуара воду.

То была струя чрезвычайно уверенная, струя, свидетельствующая о несокрушимом здоровье ее обладателя, который в детстве, скорее

всего, побеждал в соревнованиях на дальность, достреливая аж до другой стороны канавы.

Я повернулся — это был бородач, сидевший за соседним столиком со своей чересчур молодой спутницей. В тот же самый момент бородач посмотрел на меня. Мы кивнули друг другу, как полагается, если стоишь перед писсуаром в метре друг от друга. Губы бородача скривились в усмешке. Торжествующей усмешке, подумал я, типичной для человека с мощной струей, усмешке превосходства над людьми, испытывающими затруднения, справляя малую нужду.

Ведь мощная струя всегда считалась признаком мужественности, не так ли? Дающей преимущественное право при выборе женщины? И наоборот, вялое капанье указывает на то, что там внизу что-то явно засорилось. В самом деле, не оказалось бы само продолжение человеческого рода под угрозой, если бы женщины не руководствовались в своем выборе здоровым плеском мощной струи?

В писсуаре не было перегородок, мне стоило лишь опустить глаза, чтобы увидеть пенис бородача. Судя по струе, я представлял себе большой, бесстыжий, толстый член с выступающими голубыми венами на темно-серой грубой коже, член, владелец которого мог впасть в искушение провести отпуск в кемпинге для nudистов или, по крайней мере, приобрести самую откровенную модель узких плавок из тончайшего материала.

Из-за стола я вышел просто потому, что больше не выдержал. Поговорив про отпуск в Дордони, мы перешли к теме расизма. Клэр поддержала мою точку зрения — что камуфлирование и замалчивание расизма лишь усугубляет проблему, а не способствует ее разрешению. Даже не взглянув на меня, моя жена поспешила на выручку:

— Я думаю, Паул имеет в виду...

Так она начала — с изложения того, что, по ее мнению, я намеревался сказать. В устах кого-то другого это, возможно, прозвучало бы унизительно, или покровительственно, или снисходительно, как будто я сам не в состоянии облечь свои убеждения в понятную собеседникам форму. Но в устах Клэр фраза «Я думаю, Паул имеет в виду...» означала лишь то, что она начала терять терпение от скудоумия наших сотрапезников и их неспособности воспринять столь ясно и доходчиво изложенные ее мужем факты.

В очередной раз речь зашла о кино. Клэр сочла картину «Угадай, кто придет к обеду?» самым расистским фильмом из всех ею виденных. Сюжет фильма хорошо известен. Дочь состоятельной белой пары (Спенсер Трэйси и Кэтрин Хепберн) приводит в родительский дом своего нового возлюбленного. К ужасу родителей, жених (Сидни Пуатье) оказывается чернокожим. Во время обеда постепенно выясняется, что чернокожий жених — не просто негр, а интеллектualan, преподающий в университете и в духовном плане превосходящий белых родителей невесты, заурядных буржуа с массой расистских предрассудков.

— Вот в этих-то предрассудках и зарыта собака, — сказала Клэр. — Ведь родители невесты знают о неграх лишь понаслышке, из передач по телевидению; все они в их представлении — тунеядцы, попрошайки и преступники. К счастью для них, будущий зять — «адаптированный» негр, он носит костюм-тройку, прямо как белый. Чтобы как нельзя больше походить на белых.

Серж смотрел на мою жену во время ее монолога с выражением заинтересованного слушателя, однако по его позе можно было догадаться, что ему нелегко внимать женщине, не попадающей ни под одну из четких категорий: «грандиозные сиськи», «аппетитная попочка» или «завтрак в постель».

— Лишь гораздо позднее в кино стали фигурировать неадаптированные негры, — продолжала Клэр. — Негры в бейсбольных кепках и фанфаронских автомобилях, жестокие негры из бедных районов. Но зато настоящие. Во всяком случае, не тусклая копия белых.

В этот момент мой брат кашлянул. Выпрямив спину, он придвинулся к столу — словно ища микрофон. Да, теперь каждым своим движением он вдруг снова перевоплотился в национального политика, без пяти минут лидера нашей страны, собравшегося взять слово, чтобы удостоить ответом женщину из публики в заднем ряду.

— А что ты имеешь против адаптированных негров, Клэр? — спросил он. — Из твоих слов следует, что лучше пусть они остаются самими собой, пусть убивают друг друга в своих гетто за пару граммов кокаина. Без малейшей перспективы на будущее.

Я посмотрел на свою жену. Мысленно я воодушевлял ее нанести моему брату сокрушительный удар. Просто уму непостижимо, как он

умудрялся протаскивать программу своей партии даже в обычный спор о людях и их различиях. Будущее... Пустой звук, треп для избирателей.

— Я говорю не о будущем, Серж, — сказала Клэр. — Я говорю о том, какое представление мы — голландцы, белые, европейцы — имеем о других культурах. О том, чего мы боимся. Представь, что на улице к тебе приближается группа темнокожих типов в бейсболках и пружинящих «найках» с воздушной подушкой, — не захочется ли тебе ретироваться? А если они будут одеты прилично? Как ты и я? Или как дипломаты? Или как офисные клерки?

— Я никогда не сбегаю на другую сторону улицы. Я уверен, что мы должны ко всем относиться одинаково. Ты говоришь о наших страхах. В этом я с тобой согласен. Если бы мы наконец перестали бояться, мы бы скорее достигли взаимопонимания.

— Серж, у нас тут не политические дебаты, и я не твой оппонент, которого ты должен переспорить относительно «будущего» и «взаимопонимания». Я твоя невестка, жена твоего брата. Мы здесь просто общаемся — как друзья. Как родственники.

— Речь идет о праве быть жлобом.

Вновь повисла звенящая тишина, можно было бы услышать, как пролетает муха, если бы не шум за другими столиками. Не буду утверждать, что все головы мгновенно повернулись в мою сторону, как иногда пишут в книгах. Но некоторое внимание почувствовалось. Бабетта хихикнула.

— Паул! — сказала она.

— Я просто вспомнил старую телепередачу, — сказал я. — Название, правда, вылетело из головы.

Название-то я не забыл, но упоминать его не хотелось. Мой брат наверняка бы сделал какое-нибудь саркастическое замечание и тем самым расстроил бы мой план. «Я и не знал, что ты смотришь подобные программы...», — мог бы парировать он. Или что-то в этом роде.

— В передаче рассказывалось о гомосексуалистах. Интервьюировали какую-то женщину, которая соседствовала с двумя молодыми геями; они жили в квартире на верхнем этаже и иногда приглядывали за ее кошками. «Милейшие юноши!» — восхищалась женщина. То есть она имела в виду, что хоть соседи и были педиками,

но тот факт, что они заботились о ее питомцах, доказывал их принадлежность к нормальным людям. Женщина самодовольно улыбалась, ведь отныне все знали об ее толерантности. О том, что она считала своих соседей милейшими юношами, пускай они и вытворяли друг с другом всякие непристойные вещи. Вещи, по сути, достойные порицания, нездоровые и противоестественные. Сплошное извращение, короче говоря, единственным оправданием которому служила бескорыстная забота об ее кошках.

Я прервался на секунду. Бабетта улыбнулась. Серж несколько раз удивленно повел бровью. А Клэр, моя жена, смотрела на меня весело, как всегда, когда понимала, куда я клоню.

— Чтобы вникнуть в смысл слов этой женщины, — продолжил я, не услышав никаких комментариев, — следует рассмотреть ситуацию с другой стороны. Если бы двое милейших гомосексуалов не приходили кормить ее кошек, а, напротив, обстреливали их камнями или бросали им с балкона отравленные свиные обрезки, то она считала бы их обычными грязными педерастами. Вот что, по-моему, хотела сказать Клэр, рассказывая о фильме «Угадай, кто придет к обеду»: то, что дружелюбный Сидни Пуатье был таким же «милейшим юношей». Что режиссер фильма ничем не отличается от той женщины из телевизионной передачи. Вообще-то Сидни Пуатье играет образцового негра. Он должен служить примером для других проблемных и докучливых негров. Опасных негров, грабителей, насильников и наркодельцов. Пусть и они напялят на себя такой же красивый костюм, как у Сидни, и будут вести себя как идеальные зятья, тогда мы, белые, заключим их в объятия.

Бородач вытирал руки. Я тем временем застегнул ширинку. Сделав вид, что выполнил свою задачу, хоть и совершенно беззвучно, я прямым курсом направился к выходу. Моя рука уже сжимала дверную ручку из нержавеющей стали, как вдруг у меня за спиной раздался голос:

— Вашему другу не тяжело сидеть в ресторане, будучи столь известной личностью?

Я остолбенел. Не отпуская дверной ручки, я обернулся. Бородач вытирал руки бумажными салфетками. Губы снова сложились в ухмылку — на этот раз не победоносную, скорее робкую. Я ничего плохого не имею в виду, говорила ухмылка.

— Он не мой друг, — сказал я.

Ухмылка исчезла. Руки застыли в воздухе.

— Простите, — сказал он. — Мы просто видели вас за одним столиком. Мы, моя дочь и я, подумали, что лучше вести себя непринужденно и не нервировать его своими взглядами.

Я промолчал. Упоминание о дочери обрадовало меня больше, чем я сам себе признавался. Несмотря на свою бесстыдную струю, бородач, оказывается, не сумел подцепить тридцатилетнюю женщину.

Он выбросил ворох скомканных салфеток в металлический мусорный бак — это была модель с самозакрывающейся крышкой, и ему не сразу удалось разобраться в принципе ее действия.

— Я подумал... — сказал он. — Я подумал, можно ли мне и моей дочери сфотографироваться с господином Ломаном? Мы оба убеждены, что нашей стране необходимы перемены. Моя дочь изучает политологию.

Из кармана пиджака он извлек блестящий плоский фотоаппарат.

— Это ведь одна секунда, — сказал он. — Я понимаю, что он здесь в частном порядке, я не хотел бы ему мешать. Моя дочь... моя дочь никогда не простит мне, что я осмелился даже заикнуться об этом. Это она первая сказала, что в ресторане не принято тарашиться на известного политика. Что его следует оставить в покое во время редких моментов личной жизни. А уж тем более не лезть с ним

фотографироваться. С другой стороны, я уверен, что она была бы в восторге. Запечатлеться на фото с самим Сержем Ломаном!

Я поднял на него глаза. Интересно, подумал я, каково дочери иметь отца, лица которого не разглядишь под бородой? Лопнет ли у нее терпение в один прекрасный день или она уже привыкла к такому его облику, как привыкаешь к уродливым обоям в своей комнате?

— Никаких проблем, — сказал я. — Господину Ломану приятно общаться со своими сторонниками. Сейчас мы ведем весьма важные переговоры, но вы держите меня в поле зрения. Я подам вам знак, когда настанет подходящий момент для фотографии.

Когда я вернулся из туалета, за столом царило напряженное молчание — я что-то явно пропустил.

Я вошел в обеденный зал следом за бородачом, загораживавшим мне вид, и лишь подойдя вплотную к нашему столику, заметил, как за ним тихо.

Нет, сперва мое внимание привлекло что-то другое: рука Бабетты в руке моей жены. Серж тупо смотрел в пустую тарелку.

Только сев на место, я сообразил, что Бабетта плачет. То был беззвучный плач, с едва уловимым подергиванием плеч и дрожью в руке, которую держала Клэр.

Я встретился с Клэр глазами. Моя жена бросила красноречивый взгляд на Сержа. Как раз в тот момент он оторвался от тарелки и пожал плечами.

— Тебе не повезло, Паул, — сказал он. — Может, тебе стоило подольше побыть в туалете.

Бабетта резко вырвала руку из руки Клэр и, схватив салфетку с колен, бросила ее на тарелку.

— Редкостная ты все-таки сволочь! — сказала она Сержу, отодвинула стул и зашагала мимо столиков в направлении туалетов — или в направлении выхода, подумал я. Хотя вряд ли бы она вот так запросто покинула ресторан, не надеясь, что кто-то из нас все-таки последует за ней.

И действительно, мой брат уже приподнялся на своем стуле, но Клэр его опередила.

— Позволь мне, Серж, — сказала она и поспешила следом за Бабеттой, которая тем временем уже скрылась из виду; я так и не понял, что она предпочла — туалетную комнату или свежий воздух.

Мы с братом посмотрели друг на друга. Он попробовал улыбнуться, но безуспешно.

— Это... — начал он. — У нее... — Он огляделся вокруг и наклонился поближе ко мне. — Это именно то, о чем ты думаешь, — сказал он еле слышно.

Что-то случилось с его головой. И с его лицом. Это была все та же голова (и то же лицо), но она как будто парила в воздухе, лишенная

тела и всякой мысли. Как мультипликационный персонаж, из-под которого только что выбили стул. Долю секунды персонаж продолжает висеть в воздухе, пока не сообразит, что стула под ним больше нет.

Если с таким лицом он будет раздавать листовки на рынке, подумал я, листовки для простых людей, призывающие голосовать за него на предстоящих выборах, то к нему никто не подойдет. Его лицо можно было сравнить с новым безупречным автомобилем, обреченным, выехав от дилера, тут же задеть какой-нибудь столб или поцарапать крыло. Никто не захочет купить такую машину.

Серж сел напротив меня. На стул Клэр, моей жены. Через брючную ткань он, несомненно, ощущал оставленное ею тепло. Эта мысль привела меня в бешенство.

— Так легче говорить, — сказал он.

Я промолчал. Мне нравилось наблюдать, как он беспомощно барахтается. Я не собирался бросать ему спасательный круг.

— В последнее время она страдает от... никогда не любил этого слова, — сказал он. — От климакса.

Он сделал паузу. Скорее всего, он рассчитывал на то, что я стану развивать тему. О Клэр и ее климаксе. Но это его не касалось.

— Гормоны, — продолжил он. — То ей жарко и она открывает настежь все окна, то вдруг без причины рыдает.

Он повернулся, все еще озадаченный, в сторону туалета и выхода, потом снова ко мне.

— Наверно, ей и в самом деле лучше поговорить об этом с другой женщиной. Ты же знаешь, женщины понимают друг друга. В такой момент от меня только хуже будет.

Он усмехнулся. Я не усмехнулся ему в ответ. Он поднял руки и встряхнул их. Затем поставил локти на стол и соединил кончики пальцев.

— Вообще-то нам надо поговорить кое о чем другом, Паул, — сказал он.

Я почувствовал внутри нечто холодное и жесткое, нечто сидевшее во мне целый вечер, но ставшее сейчас еще холоднее и жестче.

— Нам надо поговорить о наших детях, — сказал Серж Ломан.

Я кивнул. Обернулся и снова кивнул. Бородач то и дело поглядывал в нашу сторону. На всякий случай я кивнул еще раз. Бородач ответил мне кивком.

Я видел, как он отложил нож и вилку, как наклонился к дочери и шепнул ей что-то на ухо. Дочь быстро схватила сумку и принялась в ней рыться. Ее отец вынул из кармана камеру и встал.

Горячее

— Виноград, — сказал метрдотель.

Его мизинец застыл в полусантиметре от гроздочки круглых миниатюрных плодов. Сначала я решил, что это смородина или что-то в этом роде, я не очень разбираюсь в садовых ягодах — на мой взгляд, большая их часть несъедобна.

Вместе с фиолетовым салатным листом виноград украшал полупустую тарелку с основным блюдом — «филе цесарки в нежнейшем немецком беконе». Те же аксессуары обрамляли горячее Сержа, только мой брат заказал турнедо. О турнедо много не расскажешь — мясо как мясо, но, поскольку метрдотелю полагалось комментировать каждое блюдо, он поведал нам о его происхождении. Об «экологической ферме», где животные разгуливали «на свободе», пока их не зарезали.

Я заметил на лице Сержа признаки нетерпения. Судя по ним, он явно испытывал острое чувство голода: кончиком языка он облизывал верхнюю губу, как изголодавшаяся собака из мультфильма, и потирал руки; посторонний мог бы предположить, что Серж потирал руки в предвкушении наслаждения, но это было не так. Мой брат никогда не наслаждался, просто перед ним на столе стояло турнедо и его следовало съесть как можно быстрее: желательно сию минуту!

Исключительно чтобы подразнить брата, я расспросил метрдотеля о виноградной грозди.

Бабетта и Клэр еще не вернулись, но данный факт Сержа не смущал.

— Они сейчас подойдут, — заверял он, когда не меньше четырех девушек в черных фартуках принесли наше горячее.

Метрдотель предложил подождать с сервировкой, пока не появятся дамы, но Серж с порога отверг это предложение.

— Ставьте, пожалуйста, — сказал он, облизываясь и потирая руки.

Мизинец метрдотеля начал с моего завернутого в бекон филе цесарки, а затем метнулся к гарнирам — удерживаемым коктейльной шпажкой «слоям лазаньи с рикоттой и баклажаном», похожим на миниатюрный клубный сэндвич, и пронзенному пружиной

кукурузному початку. Пружина, вероятно, предназначалась для того, чтобы взять кукурузу, не запачкав при этом пальцев; забавное зрелище, или нет, скорее вычурное, нарочитая шутка повара. Пружина была хромированная и выступала с обоих концов лоснящегося маслом початка сантиметра на два. Я не люблю кукурузу и всегда питал отвращение к обглаживанию початка: в желудок ничего не попадает, половина застрекает в зубах, а масло капает с подбородка. К тому же я никак не могу отделаться от мысли, что кукуруза — это в первую очередь корм для свиней.

После того как метрдотель описал экологическую ситуацию на ферме, где обитала корова, из которой приготовили турнедо для Сержа, он объявил, что вернется попозже, чтобы сделать пояснения к блюдам наших дам. И тут я, показывая на гроздь, спросил:

— Это смородина?

Серж уже воткнул вилку в турнедо. Он собирался отрезать от него кусок, его правая рука с остро заточенным ножом взметнулась над тарелкой. Метрдотель уже отвернулся от нашего столика, но мгновенно повернулся обратно. Пока мизинец приближался к грозди, я наблюдал за лицом Сержа.

Оно выражало крайнее нетерпение. Нетерпение и раздражение по поводу очередной задержки. Он не видел проблемы в том, чтобы приняться за свой бифштекс без Бабетты и Клэр, но наличие чужой руки вблизи наших тарелок приводило его в замешательство.

— Что на тебя нашло? — спросил он, когда метрдотель наконец удалился и мы снова остались вдвоем. — С каких это пор ты стал интересоваться ягодами?

Он отрезал внушительный ломоть мяса и отправил его в рот. Не прошло и десяти секунд, как ломоть был проглочен, после чего Серж на некоторое время уставился перед собой, будто ожидая, пока мясо достигнет желудка.

Я поднялся.

— Что опять? — спросил Серж.

— Пойду посмотрю, куда они подевались, — ответил я.

Сначала я решил поискать их в дамском туалете. Осторожно, чтобы никого не напугать, я приоткрыл дверь.

— Клэр?

Помещение было точной копией мужского туалета, не считая отсутствия писсуара вдоль стены. Нержавеющая сталь, гранит и фортепьянная музыка. Единственное отличие составляла ваза с белыми нарциссами между раковинами. Мне вспомнился владелец ресторана и его белая водолазка.

— Бабетта?

Произнесенное вслух имя моей невестки было всего лишь формальностью, оправданием моего появления в дверном проеме женского туалета на случай, если в кабинках действительно кто-то есть.

Минуя гардероб и девушек за пюпитром, я направился к выходу. На улице было приятно тепло, между макушками деревьев висела полная луна, пахло травами, навевающими смутные воспоминания о средиземноморских ароматах. Чуть поодаль, там, где кончался парк, мелькали огни проезжающих мимо машин и трамваев. А еще дальше, за кустами, светились окна кафе, где в этот самый момент обыкновенные люди довольствовались ребрышками.

Я дошел до конца гравийной дорожки с электрическими факелами и свернул влево, на тропинку, огибающую ресторан. Справа через канаву был перекинут мостик, ведущий в кафе, слева находился прямоугольный пруд. Вдали, там, где пруд растворялся в сумерках, я заметил что-то напоминавшее стену, но при ближайшем рассмотрении оказавшееся живой изгородью в человеческий рост.

Я снова взял влево и прогулялся вдоль пруда; свет из ресторанных окон плескался в темной воде, отсюда открывался вид на обеденный зал. Я прошел еще немного и остановился.

Разделяющее нас расстояние составляло не более десяти метров, однако я мог видеть своего брата за нашим столиком, а он меня нет. Сам я, в ожидании горячего, не раз посматривал в окно, но с наступлением сумерек разглядеть удавалось немного; зато в окне отражался почти весь ресторан. Если бы Серж прижался лицом к

стеклу, он заметил бы просто чей-то черный силуэт на другой стороне пруда.

Я огляделся, но никаких следов Клэр и Бабетты не обнаружил. Судя по всему, парк был пуст. Мой брат тем временем положил на тарелку нож и вилку и вытер рот салфеткой. Самой тарелки отсюда видно не было, но бьюсь об заклад, она была пуста: брат утолил свой голод. Серж поднес бокал к губам и сделал глоток. В этот момент бородач с дочерью встали из-за стола. По дороге к выходу они притормозили рядом с Сержем: бородач протянул руку, дочь улыбнулась, а Серж поднял бокал на прощание.

Несомненно, они хотели еще раз поблагодарить Сержа за фотосессию; Серж вел себя с ними крайне обходительно, мгновенно войдя в образ известного всей стране политика, политика, всегда остающегося самим собой, обыкновенного человека, как ты и я, с которым везде можно переброситься словечком, потому что манией величия он не страдает.

Наверно, я был единственным, кто заметил складку раздражения между бровями брата в тот момент, как бородач обратился к нему:

— Простите, пожалуйста, но ваш... ваш... этот господин заверил меня, что вам не составит труда...

Через секунду складка разгладилась, после чего Серж Ломан предстал перед нами кандидатом, за которого каждый готов отдать свой голос, будущим премьер-министром, чувствующим себя совершенно свободно среди обычных людей.

— Конечно, конечно! — живо отозвался он, когда бородач замахал фотоаппаратом и указал на свою дочь.

— Как вас зовут? — спросил Серж у дочери.

Она не отличалась ослепительной красотой и не принадлежала к тому типу женщин, при виде которых у моего брата загорались глаза и распушался хвост, как, например, перед неловкой официанткой, похожей на Скарлетт Йоханссон. Но у нее было милое лицо, точнее, умное лицо, поправил я сам себя, даже слишком умное, чтобы захотеть фотографироваться с моим братом.

— Наоми, — ответила она.

— Присядьте-ка рядом, Наоми, — сказал Серж, и, когда девушка села на свободный стул, он обнял ее за плечи.

Бородач отступил на несколько шагов назад.

— Еще разок, — сказал он после того, как сработала вспышка, и повторно щелкнул кнопкой.

Фотосъемка вызвала переполох в обеденном зале, хотя гости за соседними столиками усердно изображали, что никакой фотосъемки нет. Однако, как и в момент прихода Сержа в ресторан, они, делая вид, будто ничего не происходит, как раз этим и подчеркивали — еще как происходит! Их поведение можно было сравнить с аварией, мимо которой ты проезжаешь не останавливаясь, потому что не выносишь вида крови, или нет, возьмем что-нибудь помельче: сбитое животное на обочине дороги, замеченное тобою уже издалека, — по мере приближения к нему ты упорно отводишь от него взгляд. Тебя не прельщает вид крови и наполовину вывалившихся кишок. Поэтому ты смотришь в другую сторону, на небо, на цветущий куст в поле — на что угодно, только не на обочину дороги.

Серж держался весьма раскованно: обняв девушку за плечи, он привлек ее к себе, так что их головы почти касались друг друга. Фотография, безусловно, получилась эффектная, лучшего снимка девушка и пожелать не могла. Но мне подумалось, что Серж не был бы таким душкой, окажись на месте Наоми Скарлетт Йоханссон (или похожая на нее официантка).

— Бесконечно вам благодарны, — расшаркивался бородач. — Больше не отнимем у вас ни минуты. Вы же здесь в частном порядке.

Наоми не проронила ни слова; она отодвинула стул и встала рядом с отцом.

Уходить, однако, они не торопились.

— Такое с вами часто случается? — более тихим и доверительным голосом спросил бородач, слегка наклоняясь вперед, так что его голова оказалась прямо над нашим столом. — Что люди вот так запросто подходят к вам и просят сфотографироваться на память?

Складка раздражения между бровями вернулась. «Чего еще им надо?» — ворчала складка. Бородач с дочерью получили свое и теперь пусть проваливают ко всем чертям.

И здесь я с ним впервые согласился. Я часто бывал свидетелем того, как народ задерживался возле Сержа Ломана, оттягивая момент прощания. Да, они всегда хотели большего, фотографии или автографа им было уже мало, им требовалось нечто эксклюзивное — эксклюзивное отношение. Они искали истории. Чтобы на следующий

день поделиться ею с другими: знаете, кого мы вчера встретили? Да, его. Такой обаятельный, такой простой. Мы думали, что после съемки он захочет побыть один. Отнюдь! Он пригласил нас за свой столик и настоял, чтобы мы выпили с ним вина. На это не каждый способен. Он исключение. Мы проговорили с ним допоздна.

Серж смотрел на бородача, складка между бровями приобрела четкие контуры, но посторонним могло показаться, что он просто жмурится от света. Он перекидывал нож туда-сюда на скатерти. Я знал, что его мучает, я часто бывал рядом с ним в таких ситуациях, чаще, чем хотелось бы: мой брат мечтал, чтобы его оставили в покое; он уже проявил великодушие, увековечился в обнимку с дочерью бородача, он вел себя естественно и непринужденно, голосующие за Сержа Ломана голосуют за непринужденного премьер-министра.

Но теперь, в присутствии бородача, ожидающего продолжения светской беседы, чтобы в понедельник похвастаться этим знакомством перед коллегами на работе, Сержу приходилось сдерживаться. Одна саркастическая ремарка могла свести на нет все предыдущие заслуги и уничтожить кредит доверия. Все его пропагандистское наступление пошло бы насмарку. Бородач рассказал бы своим коллегам, каким напыщенным индюком показался ему Серж Ломан, возомнивший о себе невесть что; они с дочерью хотели только щелкнуться с ним, чтобы потом тут же исчезнуть. Среди коллег нашлись бы и такие, которые после рассказа бородача не стали бы больше голосовать за Ломана и запустили бы слух о спесивом, недоступном политическом лидере — а дальше пресловутый эффект снежного кома. Как это происходит со всеми сплетнями, эпизод из вторых-третьих-четвертых уст принимал бы все более гротескные очертания. Что, мол, Серж Ломан оскорбил двоих представителей народа: отца с дочерью, вежливо попросивших его сфотографироваться с ними; а в дальнейших версиях будущий премьер может их вообще выгнать на улицу.

Несмотря на то что мой брат сам напросился на эти неприятности, в тот момент я ему сочувствовал. Я всегда понимал кино — и поп-звезд, которые набрасывались на папарацци, подстерегающих за углом дискотеки, и разбивали им фотокамеры. Если бы Серж решил разозлиться и набить бородачу его трусливую харю, покрытую отвратительной и в то же время смехотворной гномьей

растительностью, он мог бы рассчитывать на мою стопроцентную поддержку. Я бы заломил бородачу руки за спину, подумал я про себя, чтобы Серж смог сосредоточиться на его физиономии; он должен был вложить в кулаки всю свою силу, ведь ему предстояло пробиться сквозь бороду.

Отношение Сержа к вниманию общественности было, мягко выражаясь, двойственным. В те минуты, когда Серж являлся публичным достоянием, выступая в провинции, отвечая на вопросы своих избирателей перед телекамерами или радиомикрофонами, раздавая листовки на рынке, общаясь с народом или принимая на трибуне аплодисменты, нет, что я говорю, бурные овации, длящиеся по несколько минут, как на последнем партийном конгрессе (на сцену даже летели цветы, якобы спонтанно, но на самом деле как элемент режиссуры его пиарщика), — во время всех этих событий Серж сиял от счастья.

Каждый раз я поражался: как мой брат, этот мужлан, которому «надо поестъ сию же минуту», без удовольствия, одним махом поглощающий свой турнедо, этот остолоп, на которого любая тема, не касающаяся лично его персоны, нагоняет скуку, — как этот же человек на сцене, в лучах прожекторов, буквально начинает светиться — другими словами, как он преобразуется в харизматичного лидера. «У него особая аура, — заявила однажды ведущая молодежной телепрограммы в интервью женскому журналу. — Находясь рядом с ним, ощущаешь нечто особенное».

Случайно мне довелось посмотреть один из выпусков этой программы и понаблюдать за тактикой Сержа. Во-первых, он улыбался, он всегда улыбается, к чему сам себя приучил; правда, при этом его глаза остаются стеклянными, а значит, и улыбка — деланой. Но это не важно: он улыбается, и людям это нравится. Во-вторых, большую часть программы он держал руки в карманах — поза не безучастная или скучающая, но скорее непринужденная, будто он стоит на школьном дворе (что вполне вписывалось в формат передачи, снимавшейся в молодежном центре). Староватый для ученика, он мог сойти за любимого преподавателя, «своего в доску», которому можно довериться, не стесняясь при нем словечек «круто» или «сука», преподавателя без галстука, который во время поездки с классом в Париж тоже не прочь слегка поддать в гостиничном баре. Изредка

Серж вынимал руку из кармана, чтобы проиллюстрировать тот или иной пункт своей партийной программы, но делал это так, словно хотел погладить волосы ведущей, отдав должное ее прическе.

Но во внеслужебной обстановке поведение его менялось. Тогда у него было особое выражение лица, характерное для всех знаменитостей: заходя куда-нибудь в частном порядке, он никогда не смотрел в глаза встречным, его взгляд блуждал по сторонам, не задерживаясь ни на одном человеке, а удостоивая вниманием лишь потолки, лампы, столы, стулья, картины на стене или вообще устремляясь в пустоту. При этом Серж ухмылялся, зная, что все на него смотрят или как раз намеренно не смотрят, что, по сути, одно и то же. Иногда ему сложно было разделить свою жизнь на личную и публичную. Как, например, сейчас, в ресторане, — во время частного ужина он таки умудрился урвать себе кусочек общественного внимания.

Он посмотрел на бородача, потом на меня, складка исчезла. И в следующее мгновение он выудил из кармана пиджака мобильный телефон.

— Прошу прощения, — сказал он, изучая дисплей. — Я должен ответить на звонок.

Виновато улыбнувшись бородачу, он нажал кнопку и поднес телефон к уху.

При этом ни бородач, ни Наоми, ни я не слышали старомодного звонка или современной мелодии — вполне возможно, что в ресторанном гомоне ни один из нас не услышал, как зазвонил мобильник Сержа, а может, звук вообще был выключен, а сигнал переведен в режим вибрации.

Мог ли кто-нибудь заподозрить Сержа в обмане? Только не бородач, которому сейчас предстояло уйти несолоно хлебавши. Конечно, он мог бы усомниться в подлинности звонка, у него было полное право полагать, что его разыграли. Однако, как показывает опыт, обычно люди так не думают. Иначе это подпортит их рассказ, ведь они только что снялись с будущим премьер-министром Голландии, перебросились с ним парой слов, а он, как-никак, человек занятой.

— Да, — сказал Серж в телефон. — Где?

Он уже не смотрел на бородача и его дочь, для него они уже не существовали. Должен признаться, что играл он убедительно.

— Я сейчас в ресторане, — сказал он и взглянул на часы. — Раньше двенадцати не получится.

Я почувствовал себя обязанным уделить внимание бородачу. Я выполнял роль медсестры, выпроваживающей пациента из медицинского кабинета, поскольку врача уже ожидает следующий больной. Я сделал многозначительный жест, позволяющий бородачу и его дочери удалиться, не потеряв при этом лица.

— В такие моменты спрашиваешь себя, зачем мне все это надо, — вздохнул Серж, когда мы снова остались вдвоем, и спрятал свой мобильник. — Боже, такие вот прилипалы — сущее наказание! Была бы еще девушка симпатичная... — Он подмигнул мне. — Ой, извини, Паул, я забыл, что такие недотроги как раз в твоём вкусе.

Он хихикнул собственной шутке, и я хихикнул вместе с ним, поглядывая на дверь в надежде увидеть Клэр и Бабетту. И тут Серж снова посерьезнел — быстрее, чем я рассчитывал. Он поставил локти на стол и соединил кончики пальцев.

— О чем мы с тобой говорили? — спросил он.

Вот тогда нам и принесли горячее.

А сейчас? Сейчас я стоял на улице и смотрел на своего брата, в одиночестве скучающего за нашим столиком. Трудно было не поддаваться искушению провести здесь, в парке, остаток вечера, а еще лучше не возвращаться назад вообще.

Вдруг что-то заверещало, сначала я не понял что; верещание напоминало сигнал мобильного телефона, но не моего.

И все-таки мелодия доносилась из кармана моего пиджака, причем из правого; сам я левша и всегда кладу свой мобильник в левый. Сунув правую руку в карман, я нащупал, рядом с привычными ключами от дома и вскрытой пачкой «Стиморола», предмет, который мог быть только телефоном.

Еще до того как я вынул его, я сообразил, в чем дело. Каким образом сотовый Мишела попал в мой пиджак, я не помнил, но факт оставался фактом: кто-то пытался дозвониться Мишелу. Больше не стесненная закрытым пространством моего кармана, мелодия звучала теперь довольно громко, настолько громко, что я испугался, как бы ее не услышали на другом конце парка.

— Черт! — выругался я.

Разумнее всего было, конечно, дождаться, пока мелодия не стихнет сама по себе и автоматически не включится голосовая почта. С другой стороны, мне не терпелось снова побыть в тишине.

К тому же мне было интересно, кто звонит.

Я взглянул на дисплей, чтобы прочесть имя абонента, но необходимость в этом отпала. В темноте на дисплее вспыхнула фотография, и, хотя снимок был расплывчатым, я без труда узнал лицо собственной жены.

По какой-то причине Клэр звонила нашему сыну, и был только один способ докопаться до этой причины.

— Клэр? — сказал я, сдвинув крышку телефона.

Никто не ответил.

— Клэр? — повторил я, оглядевшись вокруг. А что, если моя жена сейчас вынырнет из-за дерева и все это окажется шуткой, смысл которой, правда, я пока не улавливал?

— Папа?

— Мишел! Ты где?

— Дома. Я искал... я не мог... А где ты???

— В ресторане. Мы же тебя предупреждали. Но как... — «Как у меня оказался твой мобильник?» — хотел спросить я, но вовремя прикусил язык.

— А почему у тебя мой мобильник? — спросил мой сын, не с возмущением, а скорее с удивлением.

Его комната перед уходом в ресторан, его мобильник на столе... Что ты там делал? Ты говорил, что искал меня. Зачем? Был ли тогда мобильник сына у меня в руках? Или я положил его обратно на стол? Просто так. Я искал тебя. Возможно ли?.. Но тогда я должен был быть в пиджаке. А дома я никогда не ношу пиджаков. Я попытался сообразить, почему я отправился в комнату сына в пиджаке.

— Понятия не имею, — сказал я как можно небрежнее. — Я удивлен не меньше тебя. То есть наши телефоны, конечно, похожи, но не мог же я...

— Я его обыскался, — прервал меня Мишел. — Поэтому набрал свой номер, чтобы услышать, где он зазвонит.

Фотография его матери на дисплее. Он звонил с домашнего телефона: всякий раз, когда на его сотовый поступал звонок с домашнего телефона, на дисплее высвечивалась фотография его матери. «Не отца, — пронеслось у меня в голове. — Не нас обоих». В тот же самый момент я представил, как нелепо выглядела бы фотография родителей, сидящих как голубки на диване в гостиной: счастливый брак. Мне звонят папа и мама. Папа и мама хотят со мной поговорить. Папа и мама любят меня больше всех на свете.

— Извини, дружище. По глупости я сунул в карман твой мобильник вместо моего. Твой отец стареет.

С домом ассоциировалась мама. Клэр. Я не обижался, в каком-то смысле я даже успокоился.

— Мы не задержимся надолго. Через пару часов он снова будет у тебя.

— Вы где? А, вы ужинаете, ты уже сказал. В том ресторане, что в парке напротив кафе? — Мишел назвал кафе для простых людей. — Это недалеко.

— Не беспокойся. Ты скоро его получишь. Максимум через час.

Звучал ли мой голос по-прежнему бодро и весело? Или же в моем тоне сквозило нежелание встречаться с сыном в ресторане?

— Слишком долго. Мне... мне нужны кое-какие номера, мне надо кое-кому звякнуть.

Он смутился или мне показалось?

— Давай я посмотрю. Какой номер тебе нужен?

Нет, тон был выбран неверно. Этаким дружбаном-папочкой я быть не хотел, папочкой, которому позволено копаться в телефоне сына, поскольку «у них нет друг от друга секретов». Слава богу, Мишел до сих пор называл меня папой, а не Паулом. Меня всегда коробило, когда семилетние дети обращались к отцу «Йорис», а к матери «Вилма». В этом есть фальшивая непринужденность, в конце концов всегда оборачивающаяся против самих же родителей. От «Йориса» и «Вилмы» всего один шаг к «Я же просил арахисовую пасту, Йорис!». После чего бутерброд с шоколадной стружкой отправлялся в мусорное ведро.

В своем окружении я достаточно часто встречал родителей, глуповато хихикающих в ответ на подобные заявления своих детей. «Современные дети слишком рано вступают в подростковый возраст», — легкомысленно бросали они в свое оправдание, не умея или боясь посмотреть правде в глаза. В глубине души они, конечно, надеялись, что дети, называя родителей по имени, будут больше и дольше их любить.

Отец, предлагающий поискать номер в мобильном телефоне своего пятнадцатилетнего сына, зашел бы слишком далеко. Он тут же обнаружил бы, сколько девушек значится у него в списке и какие пикантные фоновые изображения загружены для дисплея. Нет, у моего сына и меня как раз таки были собственные секреты, мы уважали личную жизнь друг друга, мы стучались друг другу в комнату, когда дверь оказывалась закрыта. И мы не разгуливали нагишом по квартире и не выходили из ванной, не прикрывшись полотенцем, потому что нам, дескать, нечего скрывать, как принято в семьях «Йориса и Вилмы».

Но я уже копался в телефоне Мишела. И обнаружил вещи, не предназначенные для моих глаз. С точки зрения Мишела, оставлять у меня свой телефон еще на час было смертельно опасно.

— Нет, папа. Я сейчас приеду за ним.

— Мишел? — сказал я, но сын уже отключился. — Черт! — крикнул я во второй раз за этот вечер, и в тот же момент из-за живой изгороди появились Клэр и Бабетта. Моя жена обнимала Бабетту за плечи.

За считанные доли секунды я принял решение не прятаться в кустах, а выйти им навстречу. Ведь все могло бы кончиться плачевно. Клэр могла увидеть, как я прижимаю к уху телефон Мишела, и заинтересовалась бы, с кем это я разговариваю (втайне от всех!), уединившись в саду.

— Клэр! — Я помахал им и двинулся в их сторону.

Бабетта все еще промокала глаза носовым платком, но слез больше видно не было.

— Паул... — сказала моя жена.

Назвав мое имя, она посмотрела на меня и, возведя взор к небу, издала воображаемый вздох. Я знал, что это означало, я уже не раз видел это выражение на ее лице, например тогда, когда ее мать приняла недавно слишком большую дозу снотворного в доме престарелых.

«Это еще хуже, чем я думала», — говорили глаза и вздох.

Бабетта, убрав носовой платок, тоже посмотрела на меня:

— О, Паул, дорогой мой Паул...

— Горячее уже подали, — сообщил я.

В мужском туалете никого не было.

Я проверил все три кабинки — они были пусты.

— Вы идите и приступайте к горячему, — сказал я Клэр и Бабетте при входе в ресторан. — Я вас догоню.

Я забрался в самую дальнюю кабинку и запер дверь на замок. Для проформы спустил штаны и сел на стульчак; трусы я снимать не стал.

Вытащив мобильный телефон Мишела из кармана, я сдвинул крышку.

На дисплее высветилось окошко, которого в саду я не заметил:

«2 пропущенных звонка. Фасо».

Фасо? Господи, ну и имечко! Явно не настоящее...

И тут до меня дошло. Естественно! Фасо! Так Рик и Мишел называли своего новоявленного брата и кузена Бо. Соединив имя и название страны.

Бо Фасо. Б. Фасо из Буркина-Фасо.

Они придумали это прозвище пару лет назад. Во всяком случае, я впервые услышал его на дне рождения Клэр.

— Тебе еще, Фасо? — спросил Мишел, протягивая Бо красную пластмассовую миску с попкорном.

Серж, стоявший неподалеку, вмешался.

— Пожалуйста, — сказал он, — прекрати. Его зовут Бо.

Самого Бо его новая кличка, казалось, вовсе не смущала.

— Все о'кей, пап, — сказал он моему брату.

— Нет, не о'кей, — настаивал Серж. — Тебя зовут Бо. Фасо! Это... это мне не нравится.

Наверняка Серж хотел сказать: «Это дискриминация», но вовремя передумал.

— Но, пап, прозвища есть у всех.

У всех. Бо хотел быть как все.

После того случая я редко слышал, чтобы Мишел и Рик употребляли это прозвище прилюдно. Но, судя по всему, оно продолжало жить своей жизнью, проникнув даже в список номеров сотового Мишела.

Зачем Бо/Фасо звонил Мишелу?

Я мог бы прослушать голосовую почту, вдруг Бо оставил сообщение, но тогда бы Мишел сразу понял, что я шарил в его телефоне. Мы оба пользовались услугами «Водафона», я знал наизусть все тексты голосовой почты. Фраза «у вас одно новое сообщение» после первого же прослушивания менялась на «у вас одно прослушанное сообщение».

Я нажал на «меню», затем перешел в «мои папки» и потом на «видео».

Появилось подменю: 1) видео; 2) скаченные видео; 3) любимые видео.

Так же как и несколько часов (вечность) назад в комнате Мишела, я выбрал третий вариант: «любимые видео». То была даже не вечность, а переломный момент, подобно переломному моменту до или после войны.

Первый кадр последнего видео обрамляла синяя рамка; это ролик, который я посмотрел вечность тому назад. Я кликнул на предыдущий ролик.

Станция. Платформа на станции. Наверное, на станции метро. Да, на наземной станции метро, где-то в спальном районе, судя по высоткам на заднем плане. Может, в районе Слотерфаарт или на юго-востоке Амстердама.

Если быть до конца откровенным, я сразу же узнал эту станцию метро и сообразил, на какой она ветке. Вот только трезвонить об этом я не стану, в данный момент это совершенно бесполезно.

Камера была опущена вниз и следила за парой белых кроссовок, поспешно перемещающихся по перрону. Спустя какое-то время камера поползла вверх, и в кадре появился мужчина лет шестидесяти, хотя и не возьмусь утверждать наверняка; в любом случае было ясно, что обладатель белых кроссовок не он. Камера приблизилась к его небритому, в пятнах лицу. Лицу бродяги, бомжа.

Я снова ощутил холодок, как прежде в комнате Мишела, ледяной холод, сковывающий тебя изнутри.

Рядом с головой нищего показалось лицо Рика. Сын моего брата усмехнулся в камеру. «Дубль первый, — сказал он. — Мотор!»

И без предупреждения ударил мужчину в ухо. Удар оказался довольно сильный, голова свесилась набок, мужчина скривился от

боли и поднял обе руки к ушам, словно готовясь защититься от следующего удара.

— You're a piece of shit, motherfucker!^[4] — крикнул Рик на далеко не безупречном английском, словно голландский актер в американском кино.

Камера придвинулась так близко, что небритое лицо бомжа заполнило весь дисплей. Он моргал влажными красными глазами, что-то неразборчиво мыча.

— Скажи «Jackass»,^[5] — раздался другой голос за кадром, в котором я незамедлительно узнал голос собственного сына.

Голова бродяги исчезла, и на экране снова возник Рик. Мой племянник смотрел в камеру и тупо скалился.

— Don't try this at home,^[6] — сказал он и еще раз замахнулся, самого удара видно не было.

— Скажи «Jackass», — услышал я голос Мишела.

И вновь голова бродяги; высотки на заднем плане исчезли, сменившись серым бетоном и рельсами под ним, — судя по всему, мужчина уже лежал на платформе. С закрытыми глазами и дрожащими губами.

— Jack... jack... ass, — произнес он.

На этом фильм кончался. В наступившей тишине слышалось лишь журчание воды по стене-писсуару.

— Нам надо поговорить о наших детях, — сказал Серж.

Когда это было? Час тому назад? Два?

Больше всего мне хотелось остаться здесь до утра, пусть меня найдут уборщики.

Я поднялся.

Войти в обеденный зал мне не хватало духу.

В любой момент мог объявиться Мишел (пока, во всяком случае, его еще не было — за столом сидели только Клэр, Бабетта и Серж).

Я быстро отступил в сторону, скрывшись за большой пальмой. По-моему, никто не обратил на меня внимания.

Уж лучше встретить Мишела здесь, подумал я. В коридоре или в гардеробе, а еще лучше на улице, в саду. Точно, надо отправиться Мишелу навстречу, дабы избежать возможных вопросов со стороны его матери, дяди и тети.

Я развернулся и, миновав девушку за пюпитром, очутился на улице. Какого-то четкого плана у меня не созрело. Надо что-то сказать моему сыну. Но что? Я решил сначала подождать, с чем придет он; я загляну в его глаза, решил я, в его честные глаза, не умеющие лгать.

Побродив по тропинке с электрическими факелами, я свернул налево. Скорее всего, Мишел выберет тот же путь, что и мы, по мостику напротив кафе. Конечно, в парк можно попасть и с другой стороны, с главного входа, но тогда ему придется дольше колесить на велосипеде в темноте.

Около мостика я остановился и огляделся. Никого. Свет факелов тут едва брезжил, тусклый и желтоватый, не ярче пары свечных огоньков.

У сумерек были свои преимущества. В темноте мы не сможем посмотреть друг другу в глаза — вдруг тогда Мишел скорее расскажет правду?

А потом? Что я буду делать с этой «правдой»? Я протер глаза. Как бы то ни было, при встрече с сыном взгляд мой должен быть ясным. Я сложил руку ковшиком, поднес ко рту, выдохнул и понюхал. Да, изо рта несло алкоголем — пивом и вином, хотя, по моим подсчетам, до сих пор я выпил не больше пяти бокалов. В этот вечер я как раз собирался сдерживаться, чтобы не дать Сержу повода издеваться над моей вялостью, — я себя знал, к концу вечера мой пыл, как правило, угасает, и, если бы брат снова начал разговор о детях, я не смог бы ему достойно ответить.

Я бросил взгляд на другой конец мостика и на огни кафе за кустами на противоположной стороне улицы. Не останавливаясь проехал трамвай, потом все опять стихло.

— Давай поторапливайся! — сказал я вслух.

Именно в этот момент, как бы очнувшись от звука собственного голоса, я вдруг отчетливо осознал, что мне предстоит.

Я вынул мобильник Мишела из кармана и отодвинул крышку.

Нажал на иконку «прочитать сообщения».

Прочел обе эсэмэски: в первой упоминался телефонный номер абонента, не оставившего голосового сообщения; во втором говорилось, что тот же самый абонент наговорил новое сообщение.

Сравнил время получения обеих эсэмэсок. Между первой и второй прошло всего две минуты. Сообщения были получены, когда я беседовал по телефону со своим сыном.

Я удалил эсэмэски.

Затем зашел в голосовую почту.

Позже, когда Мишел получит свой телефон, он не обнаружит на дисплее пропущенных звонков, а значит, не будет прослушивать голосовую почту. Во всяком случае, какое-то время.

— Yo!^[7] — услышал я после того, как привычный женский голос объявил о наличии одного нового и двух уже прослушанных сообщений. — Yo, ты собираешься перезванивать или как?

Yo! Примерно полгода назад он решил косить под афроамериканца, натягивая на себя бейсболку «New York Yankees» и пользуясь соответствующей лексикой. После того как его привезли из Африки, он прекрасно овладел голландским, причем не голландским языком плебеев, а языком окружения моего брата, что называется безупречным голландским, то есть голландским высшего общества — голландским теннисных кортов и хоккейных клубов.

В один прекрасный день Бо наверняка посмотрел на себя в зеркало и решил, что Африка — синоним чего-то жалкого и нуждающегося в помощи. С другой стороны, голландцем он все равно никогда бы не стал, несмотря на идеальное произношение. Вполне объяснимо, что он ищет свою идентичность за пределами Голландии, по ту сторону Атлантического океана, в черных пригородах Нью-Йорка и Лос-Анджелеса.

И все же с самого начала что-то мне безумно во всем этом претило. В этом усыновленном мальчике моего брата мне отчаянно не нравилось его ханжество, его жуликоватая манера эксплуатировать собственную непохожесть в отношениях с приемными родителями, сестрой, братом и кузеном.

Раньше, еще малышом, он чаще Рика или Валери заползал в слезах на колени к матери. Бабетта гладила Бо по его черной головке, нашептывая в утешение ласковые слова и одновременно озираясь вокруг в поисках виновника его горя.

И почти всегда сразу находила.

— Что случилось с Бо? — с укором спрашивала она у своего биологического сына.

— Ничего, мама, — говорил Рик. — Я только посмотрел на него.

— Вообще-то ты просто расист, — сказала Клэр, когда я дал волю своему возмущению в адрес Бо.

— Отнюдь! — защищался я. — Я был бы расистом, если бы симпатизировал этому лицемеру исключительно из-за его цвета кожи и происхождения. Позитивная дискриминация. И если бы я экстраполировал лицемерие нашего сводного племянника на Африку в целом и Буркина-Фасо в частности, тогда я тоже был бы расистом.

— Шутка, — сказала Клэр.

На мостик выехал велосипед. Велосипед с фарой. Я видел лишь силуэт за рулем, но собственного сына я даже в темноте узнал бы из тысячи. То, как он склонился к рулю, точно гонщик, небрежность, с которой он вихлял вправо-влево без малейшего движения корпуса; это движения... хищника, вдруг промелькнуло у меня в голове. Вообще-то атлета, собирался я сказать. Собирался подумать. Спортсмена.

Мишел занимался футболом и теннисом; полгода назад он записался в фитнес-клуб. Он не курил, практически не употреблял алкоголь и не принимал наркотиков. «Эти тормознутые» — так называл он своих одноклассников, куривших травку, и мы с Клэр, конечно, ликовали. Мы были рады иметь сына, который не обнаруживал признаков проблемного поведения, редко прогуливал школу и всегда делал домашние задания. На уроках он не блистал, не высовывался и никогда не лез из кожи вон, но, с другой стороны, никто никогда на него не жаловался. В целом он учился на «хорошо», только по физкультуре всегда успевал на «отлично».

«Прослушанное сообщение», — доложила голосовая почта.

Только теперь я осознал, что по-прежнему стою с телефоном Мишела. Мишел уже доехал до середины мостика. Я отвернулся и двинулся обратно, к ресторану; надо как можно скорее прервать соединение и сунуть мобильный сына обратно в карман.

«Сегодня вечером, — произнес голос Рика. — Сделаем это сегодня. Позвони. Пока».

Затем женский механический голос уточнил время и дату оставленного сообщения.

Позади я услышал хруст велосипедных колес по гравию.

«Прослушанное сообщение», — повторил женский голос.

Мишел меня обогнал. Что он видел? Мужчину, вальяжно прогуливающегося по парку? С прижатым к уху мобильником? Или он видел своего отца? С мобильником или без?

«Привет, дорогой», — услышал я в своем ухе голос Клэр в тот момент, когда мимо меня промчался мой сын. У освещенной грунтовой дорожки он слез с велосипеда. Оглядевшись, двинулся к стоянке велосипедов слева от входа.

«Через час буду дома. В семь часов мы с папой идем в ресторан, я прослежу за тем, чтобы задержаться до полуночи. Значит, вы должны сделать это сегодня вечером. Папа ничего не знает и, надеюсь, не узнает. Пока, дорогой. До скорого. Целую».

Мишел запер велосипед на замок и направился ко входу в ресторан. Голосовая почта объявила дату (сегодня) и время (два часа дня) последнего сообщения.

«Папа ничего не знает».

— Мишел! — крикнул я, молниеносно спрятав телефон в карман.

Он остановился и оглянулся. Я помахал.

«И, надеюсь, не узнает».

Мой сын зашагал в мою сторону. Мы одновременно оказались в самом начале гравийной тропинки. Здесь было очень светло. «Может, столько света — это как раз то, что мне нужно», — подумал я.

— Привет, — сказал он.

На нем была черная шапочка «Nike», на шее болтались наушники, шнур от которых исчезал за воротником стеганой куртки «Dolce & Gabbana»; на нее он спустил все карманные деньги, так что на белье и носки не осталось ни цента.

— Привет, дружище, — сказал я. — Вот, решил встретить тебя на улице.

Мой сын посмотрел на меня. Своими честными глазами. Своим бесхитростным взглядом. Папа ничего не знает.

— Ты кому-то звонил? — сказал он.

Я не ответил.

— С кем ты разговаривал?

Он старался говорить непринужденно, но в его тоне чувствовался напор. Такого тона мне слышать еще не доводилось — меня охватил озноб.

— Я набрал твой номер, — сказал я. — Хотел узнать, куда ты запропастился.

А произошло вот что. Перечислю факты.

Однажды вечером, месяца два назад, трое молодых людей возвращались домой с вечеринки. С вечеринки, устроенной в столовой средней школы, где учились двое из них. Эти двое были сводными братьями — один из них был приемным сыном.

Третий учился в другой школе. Он приходился им двоюродным братом.

Несмотря на то что кузен практически не брал в рот спиртного, в тот вечер он опрокинул несколько банок пива. Вместе с двумя другими. Братья танцевали с девушками. С разными девушками, поскольку постоянных подружек у них на тот момент не было. У приемного имелась пассия, и большую часть вечера он целовался с ней, уединившись в темном углу.

Когда трое юношей покинули вечеринку (в час им велели быть дома), подружка осталась в школе ждать своего отца, который обещал за ней заехать.

Уже давно перевалило за полночь, но юноши знали, что еще укладываются в рамки дозволенного. Было обговорено заранее, что кузен останется ночевать у братьев, поскольку его собственные родители укатили на пару дней в Париж.

По дороге домой им приспичило пропустить еще по стаканчику пива в кафе. Так как наличности было в обрез, они отправились на поиски банкомата, который и обнаружили на полпути между школой и домом. Банкомат находился в закутке, за стеклянной дверью.

Один из сводных братьев, родной сын своих родителей — назовем его «биологическим братом», — идет снимать деньги. Кузен и приемный остаются ждать на улице. Не проходит и минуты, как «биологический брат» возвращается.

— Уже? — удивляются двое.

— Да нет, — говорит брат, — блин, я чуть не обделался от страха.

— Почему? — спрашивают двое.

— Там кто-то лежит. Спит, в спальном мешке, блин, я чуть не наступил ему на голову.

Как в точности развивались дальнейшие события и тем более кто явился их зачинщиком, доподлинно неизвестно. Все трое в один голос утверждали лишь то, что в закутке с банкоматом нестерпимо воняло. Блевотиной, потом и еще чем-то, что все трое приняли за трупный запах.

Это важно: дурно пахнувший вызывает гораздо меньше симпатии, зловоние порой ослепляет; и, хотя пахнуть человеку свойственно, это умаляет его достоинство. Что, безусловно, не служит оправданием случившегося, но и замалчивать сей факт тоже не следует.

Итак, трое юношей хотят снять деньги, немного, на заключительный пивной раунд в кафе. Но стоять в этой вони невыносимо, здесь и десяти секунд не выдержать — тут же начинается тошнить, как будто по полу разлили помои.

Но там лежит человек: он дышит и даже похрапывает во сне.

— Пошли поищем другой банкомат, — предлагает приемный.

— Черта с два, — говорят двое других. — Что за хрень: невозможно снять деньги только потому, что кто-то здесь отсыпается с бодуна и воняет.

— Да ладно вам, — пробует убедить их приемыш, — пошли отсюда.

Нет, двое других не столь слабохарактерны, они не обязаны рыскать по всему району в поисках другого автомата, они будут снимать деньги здесь. В закуток входит кузен и начинает тормошить спящего:

— Эй, просыпайтесь! Подъем!

— Я пошел, — говорит приемыш, — не нравится мне все это.

— Не дури, — говорят ему двое других, — одна минута, потом дерябнем пивка.

Приемыш повторяет, что ему все это противно, к тому же он устал и пива ему расхотелось. Садится на велосипед и уезжает.

Сводный брат пытается его удержать.

— Подожди! — кричит он ему вслед.

Но тот в ответ лишь отмахивается и исчезает за углом.

— Оставь его, — говорит кузен. — Он зануда. Чистоплюй. Слабак.

Они заходят в закуток вдвоем. «Биологический брат» дергает за край спального мешка.

— Эй, просыпайтесь! Блин, — говорит он, — какая же вонь!

Его кузен пинает спальный мешок. Это не трупный запах, скорее и впрямь запах из мусорных пакетов, полных пищевых отходов — обглоданных куриных костей и плесневелых кофейных фильтров.

— Вставайте!

Их обуревают упрямое желание: снять деньги именно здесь — и точка. Разумеется, они уже немного выпили на школьной вечеринке. Их упертость сродни упрямству захмелевшего автомобилиста, уверяющего, что он прекрасно справится с управлением, или с настырностью гостя у тебя на дне рождения, вымаливающего «последний стаканчик», чтобы потом в седьмой раз рассказать тот же анекдот.

— Поднимайтесь, здесь же банкомат.

Они еще вежливы, несмотря на вонь, от которой слезятся глаза, они обращаются к спящему на «вы». Незнакомец, скрытый спальным мешком, несомненно, старше их. А значит, надо обращаться «господин» — хоть он и бомж, по всей вероятности, но все-таки господин.

Из спального мешка впервые раздаются звуки под стать ситуации: кряхтение, вздохи, неразборчивое бормотание. Как будто разбудили ребенка, которому ужас как неохота идти в школу. Звуки сменяются движением: кто-то потягивается и пытается выпростать из спального мешка голову или какую-нибудь другую часть тела.

Молодые люди еще не придумали, как поступить, они слишком поздно соображают, что вообще-то им совсем не хочется знать, кто прячется в спальном мешке. До сих пор перед ними было лишь препятствие, мешающее снять деньги в банкомате, дурно пахнущее препятствие, которое требуется устранить. А теперь им придется вступить в разговор с кем-то, кого насильно вырвали из сна. Кто знает, что снится бездомным: крыша над головой, горячий обед, жена, дети, дом с подъездной аллеей, ласковая собака, виляя хвостом несущаяся навстречу?

— Убирайтесь, пидоры!

Они вздрагивают. Голос не соответствует ожиданиям. Они представляли себе мужика — заросшего, потного, взлохмаченного, беззубого. Но раздавшийся голос вроде как женский...

В тот же самый момент в спальном мешке снова происходит копошение: одна рука, другая и, наконец, голова. Черные жидкие волосы с проседью, через которые просвечивает череп. Мужчины лысеют иначе. Лицо грязное, небритое, вернее, покрытое некой растительностью, но явно не мужской.

— Убирайтесь! Сволочи!

Голос сиплый. Женщина машет рукой, словно отгоняя мух. Женщина. Двоюродные братья ошарашенно смотрят друг на друга. Вот сейчас бы им и уйти. Позже оба будут вспоминать эту минуту. Тот факт, что в спальном мешке лежит женщина, все меняет.

— Пошли отсюда, — и в самом деле говорит «биологический брат».

— Черт бы вас побрал! Проваливайте! — кричит женщина. — Катитесь отсюда!

— Заткнись, — говорит кузен. — Закрой пасть, я сказал!

Он собирается пнуть спальный мешок, но пространство ограничено, он с трудом удерживает равновесие и, промахнувшись, попадает носком ботинка женщине под нос. Толстые, опухшие пальцы с черными ногтями хватаются за нос. Кровь.

— Сволочи! — надывается голос, так громко и хрипло, что заполняет собой все пространство. — Убийцы! Гады!

Брат тянет кузена к выходу:

— Пойдем отсюда.

Они выходят на улицу.

— Грязные ублюдки! — доносится до них из-за стеклянной двери все тот же голос, уже чуть более приглушенный, но все равно разлетающийся по всей улице.

Уже поздно, улица пуста, лишь в трех-четырех окнах еще горит свет...

— Я не хотел... — говорит кузен. — Меня прорвало. Черт, сука!

— Да уж, — говорит брат, — блин, вот разоралась-то!

Из закутка еще сыплется ругательства, благодаря закрытой двери смодулированные в яростное шипение.

Внезапно оба раздражаются смехом, истерическим хохотом. Потом им будут вспоминаться собственные разгоряченные, возмущенные лица, шипение за стеклянной дверью и свой гомерический хохот. Они не могут остановиться, они держатся за стену, чтобы не упасть, а

потом друг за друга. Они бросаются друг другу на шею, их тела сотрясаются от смеха.

— Сволочи! — Брат имитирует хриплый голос женщины. — Ублюдки!

Кузен брякается на колени, а потом валится на землю:

— Перестань! Пожалуйста! Я сейчас умру!

Возле дерева стоят мешки с мусором и другие предметы, очевидно приготовленные для мусороуборочной машины: офисный стул на колесиках, картонная коробка от домашнего кинотеатра, настольная лампа и кинескоп. Все еще гогоча, они берут стул и шагают с ним к банкомату.

— Грязная шлюха!

Они швыряют стул на спальный мешок, где тем временем снова затаилась женщина. Кузен распахивает дверь, другой идет за лампой и двумя до упора набитыми мусорными пакетами. Из спального мешка снова показывается голова женщины, волосы спутались в сальные колтуны, на лице борода или наросшая грязь. Она пробует столкнуть с себя стул. Первый мусорный пакет летит ей прямо в лицо, голова, отклонившись назад, ударяется о стальную урну, подвешенную на стене. Теперь кузен бросает лампу. Старомодную модель с круглым абажуром и складной ножкой. Абажур попадает ей точно в нос. Странно, что она больше не кричит, что юношам больше не слышно ее сиплого голоса. Она лишь осоловело клюет носом, когда второй мусорный пакет бьет ей по голове.

— Грязная шлюха, катись дрыхнуть в другое место! Найди себе работу!

Их обуревают новый приступ хохота.

— Работу! — кричит брат.

— Работу, работу, работу!

Кузен снова подходит к дереву и мусорным мешкам. Он отпихивает коробку из-под домашнего кинотеатра, за ней валяется канистра. Защитного цвета, такие часто вешают на багажник джипа. Кузен проверяет канистру — пустая. Неудивительно, кто станет выбрасывать полную канистру?

— Нет, нет, что у тебя на уме? — волнуется брат.

— Да ничего, она пустая, а что ты подумал?

Женщина тем временем приходит в себя.

— Хулиганье! У вас совесть есть? — произносит она внезапно нормальным голосом, голосом из далекого прошлого.

— Здесь воняет, — говорит двоюродный брат, — мы сейчас выкурим это амбре.

Он поднимает канистру над головой.

— Ладно, хорошо, можно мне наконец поспать?

Кровь из носа уже не течет. Кузен кидает канистру и (кто знает, может намеренно) промахивается, канистра приземляется на безопасном расстоянии от женщины. Раздается страшный грохот, но в целом ущерб меньше, чем от мусорных мешков и настольной лампы...

Спустя две недели в телепередаче «Внимание: розыск!» будет хорошо видно, как, метнув канистру, двое молодых людей выскакивают на улицу. Их долго нет. На кадрах, запечатленных установленной в закутке камерой видеонаблюдения, женщины в спальном мешке не видно. Камера направлена на дверь, на посетителей; остальное пространство закутка остается за кадром.

В тот вечер, когда Клэр и я впервые увидели по телевизору эти кадры, Мишел был наверху, у себя в комнате. Мы с Клэр сидели на диване в гостиной, с газетой, бутылкой красного вина и остатками ужина. К слову сказать, данное происшествие уже было описано во всех газетах, освещено в выпусках новостей, но отснятые кадры обнародовали впервые. То были шокирующие кадры, нечетко зафиксированные камерой видеонаблюдения. До тех пор все лишь клеймили хулиганов позором. Куда только катится наш мир? Беззащитная женщина... нынешняя молодежь... строгое наказание — да, слышались даже призывы вернуть смертную казнь.

Все эти пересуды шли до передачи «Внимание: розыск!». До нее происшествие было всего лишь сообщением, пусть и жутким, но сообщением, обреченным, как и все подобные, на забвение: со временем острые углы сотрутся, и сама история, не первостепенной важности, бесследно канет в прошлое.

Но кадры с камеры изменили все. Молодые люди — виновники — обрели лица, пусть даже из-за плохого качества отснятого материала не сразу узнаваемые; к тому же оба были в шапочках, натянутых до бровей. Зрителям открылось, однако, нечто другое: они увидели, как юноши кайфовали, как они сгибались пополам от смеха, обстреливая

беспомощную женщину мусорными мешками, лампой, стулом и канистрой. Даже несмотря на отсутствие звука, было заметно, как они подбадривают друг друга, когда мешки достигают цели, как они выкрикивают ругательства в адрес бездомной женщины, остающейся за кадром.

Особенно коробил смех. Именно тогда заработала коллективная память: эта гогочущая шпана потребовала в ней своего места. В десятке самых страшных событий нашей коллективной памяти они заняли восьмое место, уступив вьетнамскому полковнику, по решению полевого суда стрелявшему в голову активисту Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, но опередив китайца, пытавшегося с помощью полиэтиленовых пакетов задержать танки на площади Тяньаньмэнь.

И еще один немаловажный аспект. Несмотря на скрывающие лица шапочки, было видно, что оба юноши — явно из благополучных семей. Трудно сказать, что именно на это указывало: что-то неуловимое в их одежде, в их облике. Белые мальчики. Не те отморозки, что поджигают машины и устраивают этнические разборки, а приличные мальчишки из состоятельных семей. Мальчишки, которых мы встречаем каждый день. Такие, как наш племянник. Или как наш сын.

Я отчетливо помню мгновение, когда я ясно осознал, что речь идет не просто о представителях юного поколения типа нашего племянника и нашего сына, а непосредственно о нашем сыне (и нашем племяннике). Я обмер. Могу с точностью до секунды указать на том видео момент, когда я отвел взгляд от экрана и искоса посмотрел на Клэр. Поскольку следствие еще продолжается, я не стану раскрывать, что именно заставило меня с ужасом узнать собственного сына, забивающего бездомную женщину мусорными мешками и стульями. Гогочущего. Не буду вдаваться в подробности, ведь теоретически у меня еще есть возможность все отрицать. Вы узнаете в этом молодом человеке Мишела Ломана? На этом этапе следствия я еще могу отрицательно покачать головой. Это сложно подтвердить... Кадры весьма размыты, я не осмелюсь подтвердить под присягой...

Последовали другие кадры видео — смонтированные (моменты, когда ничего не происходило, были вырезаны). Раз за разом двое молодых людей входили в закуток и швыряли вещи.

Самое страшное ожидало нас в финале, о котором заговорила вся Голландия. Сначала летела пустая канистра, затем герои фильма вышли на улицу, вновь вернулись и бросили что-то еще — непонятно что именно: зажигалку? спичку? Видна была лишь вспышка, в одно мгновение засветившая весь кадр, в результате чего изображение побелело и исчезло. Потом оно возобновилось: двое молодчиков что есть мочи удирают с места происшествия.

На последних кадрах видно было немного. Ни дыма ни огня. Взрыв канистры не повлек за собой пожара. Но именно это отсутствие действия на экране и пугало. Поскольку самое важное камера не зафиксировала, его приходилось додумывать самим.

Бездомная погибла. Судя по всему, мгновенно. Как только бензиновые пары из канистры взорвались у самого ее лица. Или спустя несколько минут. Может, попробовала выкарабкаться из спального мешка, а может, и нет. За кадром.

Так вот, я искоса взглянул на Клэр. Если бы она повернула голову и посмотрела на меня, я бы все понял. Значит, она увидела то же, что и я.

И в этот момент Клэр повернула голову и посмотрела на меня.

Я затаил дыхание, или, точнее, я набрал в грудь воздуха, чтобы хоть что-то выдать из себя. Что-нибудь — я еще не знал, какие слова подобрать, слова, которые изменили бы нашу жизнь.

Клэр взяла бутылку вина и посмотрела на свет: вина оставалось от силы полбокала.

— Допьешь? — спросила она. — Или откроем новую?

Мишел сунул руки в карманы куртки; было непонятно, повелся ли он на мой обман: он повернулся в сторону ресторана, так что я не видел его лица.

— Где мама? — спросил он.

Мама. Клэр. Моя жена. Мама предупредила сына, что папа ничего не знает. И не узнает.

Сегодня вечером в кафе моя жена спросила меня, не заметил ли я в поведении нашего сына чего-то странного. Некоего отчуждения, уточнила она. «Вы же ведете с ним чисто мужские беседы, — предположила она. — Может, дело в девушках?»

Неужели Клэр лишь разыграла озабоченность поведением Мишела? Предназначались ли ее вопросы только для того, чтобы выведать степень моей информированности: имею ли я хоть маломальское представление о том, что вытворяли на досуге наш сын и племянник?

— Мама в ресторане, — ответил я. — С...

Я чуть было не сказал с «дядей Сержем и тетей Бабеттой», что, учитывая обстоятельства, прозвучало бы чересчур по-детски. «Дядя» Серж и «тетя» Бабетта канули в прошлое, далекое прошлое, в котором мы еще были счастливы, подумалось мне. Только бы Мишел не заметил моих дрожащих губ и влажных глаз.

— ...с Сержем и Бабеттой, — закончил я. — Нам только что принесли горячее.

Мишел нащупывал что-то в кармане куртки. Или мне показалось? Может, он искал свой мобильник? Он не носил часов, а время смотрел на телефоне. Мы не вернемся до полуночи, заверила его Клэр. Так что вечер ваш. Может, после моего сообщения о том, что мы приступили к горячему, ему понадобилось взглянуть на часы? Сколько времени «до полуночи» оставалось в его распоряжении, чтобы осуществить задуманное?

Тон, так напугавший меня полминуты назад, исчез, когда он спросил о маме. Где мама? «Дядя» и «тетя» устарели и ассоциировались лишь с днями рождения и вопросами типа «Кем ты

хочешь быть, когда вырастешь?». Но мама оставалась мамой. Мама навсегда останется мамой.

Я набрался смелости — пора действовать. Я вытащил из кармана мобильный телефон Мишела. Он посмотрел на мою руку и закрыл глаза.

— Ты видел, — сказал он. В его голосе больше не слышалось угрозы, скорее — усталость, смирение.

— Да, — сказал я, пожав плечами, словно желая сказать: «Ничего не поделаешь, старик». — Мишел...

— Что ты видел? — Он взял у меня телефон и отодвинул крышку.

— Ну... банкомат... и бомжа на станции метро... — Я усмехнулся — довольно глупо и совершенно не к месту, но я решил выбрать именно такую тактику: прикинуться простачком, таким недотепой, которого вовсе не удивляет тот факт, что его сын избивает бродяг и поджигает бездомных. Мне не составит труда изобразить наивного отца, в конце концов именно таким я и был. — Jackass... — сказал я, продолжая ухмыляться.

— Мама знает? — спросил он.

— Нет, — покачал я головой.

«А что именно она должна знать?» — хотел я уточнить, но вопрос был бы преждевременным. Я вспомнил вечер, когда кадры из закутка с банкоматом впервые показали по телевизору. Клэр предложила тогда откупорить новую бутылку вина. После чего отправилась на кухню. Тем временем ведущая программы «Внимание: розыск!» призвала позвонить по указанному номеру всех, кто располагает какой-либо информацией, способной помочь в поиске преступников. «Вы, конечно, можете обратиться и в полицейский участок по месту жительства», — сказала она, глядя с экрана благородно-обескураженным взглядом. «Куда только катится этот мир?» — говорил взгляд.

После того как Клэр устроилась с книжкой в постели, я поднялся наверх. Под дверью комнаты Мишела блестела полоска света. Помню, как целую минуту я топтался в коридоре. Я серьезно размышлял над тем, по какому сценарию будут развиваться события, если я вообще ничего не скажу. Если я просто, как ни в чем не бывало, буду жить дальше. Я думал о счастье — о счастливых семьях и о глазах своего сына.

Но потом я подумал о телезрителях: учениках школы Рика и Бо, которые в тот вечер гуляли с ними на вечеринке и, возможно, тоже посмотрели эту программу. Я подумал о людях из нашего района, с нашей улицы: соседях и владельцах магазинов, которым был знаком молчаливый, но всегда вежливый молодой человек со спортивной сумкой, в стеганой куртке и шапочке.

В последнюю очередь я подумал о своем брате. Он не отличался проницательностью, скорее наоборот. Если опросы общественного мнения не врут, то на следующих выборах он станет нашим новым премьером. Смотрел ли он передачу? А Бабетта? Для посторонних наши дети, заснятые камерой видеонаблюдения, были неузнаваемы, убеждал я сам себя, но родители-то узнают своих детей из тысячи: на переполненном пляже, на игровой площадке, на нечетких черно-белых изображениях...

— Мишел? Ты еще не спишь?

Отозвавшись на мой стук, Мишел открыл дверь.

— Тьфу ты, черт, пап! — воскликнул он, увидев мое лицо. — Что случилось?

Потом все закрутилось, и довольно быстро, во всяком случае быстрее, чем я предполагал. В каком-то смысле он, похоже, был даже рад, что теперь может поделиться своей тайной.

— Черт, — повторил он несколько раз. — Черт, все-таки как-то неловко... говорить с тобой об этом.

Прозвучало это весьма обиденно: как если бы мы обсуждали с ним подробности соблазнения им девушки на школьной вечеринке. По сути, он был прав, до сих пор я и не пытался вызвать его на откровенность. Именно от меня исходила эдакая корректность. Как если бы я, его отец, предоставлял ему свободу не делиться со мной ничем болезненным.

— Но мы же не знали! — воскликнул он. — Откуда нам было знать, что в канистре еще что-то осталось? Она была пустая, клянусь тебе, она была пустая.

Имела ли какое-то значение неосведомленность моего сына и племянника о том, что пустые канистры взрывоопасны? Ведь это общеизвестный факт. Может, они попросту притворялись невеждами? Газообразование, бензиновые пары... предостережение — не

подносить спичку к пустой канистре... запрет пользоваться мобильным телефоном на бензоколонке из-за опасности возгорания.

Так?

Но я не стал оспаривать доводы Мишела, пытавшегося доказать свою невиновность. Был ли он и в самом деле невиновен? Считается ли невиновным человек, бросающий настольную лампу в голову другого человека и ненароком его поджигающий?

— Мама знает? — спросил он тогда.

Я покачал головой. Так мы и стояли в его комнате друг против друга, молча, спрятав руки в карманы. Я не задавал вопросов. Я не спросил даже, что на него нашло. Какой бес в него вселился, когда он начал обстреливать стульями и мешками бездомную женщину.

Оглядываясь назад, я все более убеждаюсь, что именно тогда созрело мое решение. Мне вспомнился случай, когда восьмилетний Мишел запустил мячом в витрину велосипедного магазина и разбил ее. Мы вместе направились к владельцу магазина, чтобы возместить причиненный ущерб. Но владелец не удовлетворился нашей честностью. Он разразился злобной тирадой в адрес всех хулиганов, которые изо дня в день гоняют в футбол у дверей его магазина и норовят попасть мячом в его витрины.

— Рано или поздно все равно разбили бы, — пожаловался он. — Эта шваль добилась своего.

Пока мы слушали его нравоучения, я держал Мишела за руку. Мой восьмилетний сын опустил глаза и, виновато понурился, тербил мои пальцы.

И тут меня прорвало:

— Да заткнитесь же вы наконец! — сказал я.

Владелец магазина, находившийся за прилавком, сначала подумал, что ослышался.

— Что вы сказали? — спросил он.

— Ты все правильно расслышал, кретин! Я зашел сюда с сыном предложить тебе денег за твою долбаную витрину, а не слушать, как ты ругаешь детей и футбол. Что ты себе позволяешь, болван?! Подумаешь, запустили мячом в стекло! Это не дает тебе права обзывать восьмилетнего ребенка швалью. Я пришел сюда, чтобы возместить ущерб, но теперь не заплачу ни цента. Сам разбирайся со своей витриной.

— Господин, я не позволю вам меня оскорблять! — сказал хозяин магазина, намереваясь выйти из-за прилавка. — В конце концов, стекло разбил не я!

Рядом с прилавком стоял велосипедный насос, классическая модель, с деревянной подставкой. Я наклонился и взял насос.

— Лучше стой, где стоишь, — сказал я спокойно. — Пока речь только об окне.

Что-то в моем голосе, помню как сейчас, заставило моего оппонента сперва замереть на месте, а потом вернуться за прилавок. Я и вправду действовал невозмутимо. Я не кричал, и рука, державшая велосипедный насос, не дрожала. Торговец велосипедами назвал меня «господином»; возможно, я так и выглядел, хотя господином и не был.

— Эй-эй, — сказал он. — Только без глупостей!

Я почувствовал руку Мишела в своих пальцах. Он снова их стиснул, на сей раз еще сильнее. Я тоже сжал его пальцы.

— Сколько стоит новое стекло?

Продавец нервно заморгал.

— Я застрахован, — сказал он. — Просто...

— Меня это не интересует. Я спросил, сколько стоит новое стекло.

— Сто... сто пятьдесят гульденов. Всего двести, включая стоимость работы и прочее.

Чтобы вытащить купюры из кармана, мне пришлось отпустить руку Мишела. Я положил две сотовые банкноты на прилавок.

— Пожалуйста, — сказал я. — Вот зачем я пришел, а не затем, чтобы выслушивать несусветную чушь о маленьких футболистах.

Велосипедный насос я водрузил на место. Я почувствовал усталость и раскаяние. Ощущение, схожее с тем, когда не попадаешь по теннисному мячу: хотел нанести противнику сокрушительный удар, да промахнулся.

В глубине души я сожалел, что владелец магазина так быстро пошел на попятную. Думаю, что мою усталость как рукой бы сняло, если бы я пустил в ход велосипедный насос.

— Ну вот, мы решили проблему. Правда, дружок? — сказал я по дороге домой.

Мишел снова сдавил мои пальцы, но ничего не ответил. В его глазах стояли слезы.

— Что случилось, малыш? — спросил я.

Я остановился и опустил перед ним на колени. Он кусал губы и только теперь разрыдался.

— Мишел! — утешал его я. — Мишел, послушай. Не расстраивайся. Это был плохой дядя. Я ему об этом сказал. Ты не сделал ничего дурного. Подумаешь, разбил стекло. Ты же не нарочно. С каждым может случиться. А он не имеет права так грубо о тебе отзываться.

— Мама, — всхлипнул он, — мама...

Я почувствовал, как внутри меня что-то застыло, или нет, лучше сказать, напряглось, натянулось до предела — зонтик, палатка, парашют, — так что я уже никогда не смогу выпрямиться.

— Мама? Ты хочешь к маме?

Он отчаянно закивал и начал тереть заплаканные щеки.

— Тогда пойдем скорее к маме, — сказал я. — Давай обо всем ей расскажем? Обо всем, что мы оба натворили?

— Да, — пискнул он.

Выпрямившись, я и вправду услышал, как у меня внутри что-то лопнуло — в позвоночнике или глубже. Я взял сына за руку, и мы пошли дальше. На углу нашей улицы я снова взглянул на него: лицо Мишела все еще было мокрым и красным от слез, но рыдания прекратились.

— Ты видел, как испугался тот дядя? — спросил я. — Нам и делать-то ничего не надо было. Даже платить было не обязательно. Но это было бы неприлично. За любую поломку, пусть даже нечаянную, надо расплачиваться.

Мишел молчал, пока мы не дошли до двери нашего дома.

— Папа?

— Да?

— А ты действительно хотел ударить того дядю? Насосом?

Я уже вставил ключ в замочную скважину, но тут мне снова пришлось сесть перед ним на корточки.

— Послушай, — сказал я. — Это был нехороший дядя, ненавидящий всех детей. Не важно, вмазал бы я ему насосом или нет. Важно то, что я *собрался* ему вмазать и этого хватило.

Мишел серьезно на меня посмотрел; я тщательно выбирал слова, чтобы в очередной раз не довести его до слез. Но слезы уже высохли,

он внимательно меня выслушал и медленно кивнул.

Я обнял его и прижал к себе.

— Давай не будем рассказывать маме про насос? — предложил я. — Пусть это останется нашим маленьким секретом.

Он снова кивнул.

Позже в тот же день они отправились с Клэр за покупками. Вечером за ужином он был тихим и мрачным. Я подмигнул ему, но он не ответил.

После ужина Клэр уселась на диван у телевизора, она хотела досмотреть какой-то фильм.

— Я уложу Мишела, — предложил я.

Вместе мы немного полежали на его кровати, болтая о том о сем: о футболе, о новой компьютерной игре, на которую он сейчас копил деньги. Я решил больше не возвращаться к инциденту в велосипедном магазине.

Я поцеловал его и уже намеревался выключить свет, как он бросился мне на шею. Он вложил в объятия всю свою силу, прижавшись головой к моей груди.

— Папа, — сказал он. — Папочка.

— Знаешь, как мы поступим? — сказал я в тот вечер в его комнате, после его клятвенного признания, что они с Риком не собирались никого поджигать. («Это была шутка, — сказал он и наморщил нос. — Знал бы ты, как там воняло...»)

Я кивнул, утвердившись в своем решении. Я сделал то, что следовало сделать отцу, — я поставил себя на место своего сына. Я влез в его шкуру, представив себе, как он возвращался домой после вечеринки вместе с Риком и Бо. Как хотел снять деньги в банкомате за стеклянной дверью.

Я пытался спрогнозировать свою собственную реакцию на смердящее живое существо в спальном мешке, развалившееся на полу; на тот простой факт, что некто (я намеренно не употребляю здесь таких слов, как «бомж» или «бродяга») ничуть не сомневается, что в таких вот закутках он имеет право преспокойно спать, и свирепеет при появлении двух молодых людей, пытающихся убедить его в обратном; он негодует, что его разбудили, — реакция баловня, уверовавшего, что все дозволено.

Упоминал ли Мишел, что женщина в спальном мешке временами изъяснялась вполне «благопристойно»? Правильный выговор, приличное воспитание, благополучная семья. До сих пор подробности биографии бездомной не раскрывались. Видимо, на то имелись свои причины. Может, речь шла о белой вороне, вылетевшей из именитой и зажиточной семейки, где командирский тон был нормой жизни?

К тому же дело происходило в Голландии. Не в Бронксе, не в трущобах Йоханнесбурга и не в Рио-де-Жанейро. Голландия славится системой социальной поддержки, исключаяющей необходимость ютиться по углам.

— Знаешь, как мы поступим? — сказал я. — Мы пока никому об этом не расскажем. Оставим все как есть.

Несколько секунд мой сын не отрывал от меня взгляда. Возможно, он чувствовал себя слишком взрослым для того, чтобы в эмоциональном порыве воскликнуть «папочка», но помимо страха в его глазах прочитывалась благодарность.

— Ты так считаешь? — спросил он.

И вот мы снова молча, глаза в глаза, стояли в саду перед рестораном. Мишел несколько раз сдвигал крышку своего мобильного и наконец положил его в карман.

— Мишел... — начал я.

Он не смотрел на меня, отвернувшись в сторону темного парка.

— Мне некогда, — сказал он. — Я должен идти.

— Мишел, почему ты не рассказал мне об этих роликах? Или по крайней мере о том одном? Тогда? Когда была возможность?

Он почесал нос, шаркнул белыми кроссовками по гравию и пожал плечами.

— Мишел?

— Не важно, — ответил он потупившись.

На долю секунды я подумал, что, будь я другим отцом, я бы рассердился: «Еще как важно!» Однако для наставлений было уже поздно, поезд ушел — в тот вечер, после просмотра телепрограммы, в его комнате. А скорее всего, гораздо раньше.

Несколько дней назад, незадолго до приглашения Сержа в ресторан, я еще раз посмотрел в Интернете тот выпуск передачи «Внимание: розыск!». Я решил подготовиться и прийти на ужин во всеоружии.

— Нам надо поговорить, — сказал Серж.

— О чем? — спросил я, снова прикинувшись дурачком.

На другом конце провода послышался глубокий вздох.

— Думаю, ты догадываешься о чем, — сказал он.

— Бабетта в курсе? — спросил я.

— Да, поэтому хотелось бы поговорить вчетвером. Это касается нас всех. Это наши дети.

Я обратил внимание, что он, в свою очередь, не поинтересовался, осведомлена ли Клэр. По-видимому, он был в этом уверен или вообще не задавался подобным вопросом. Потом он назвал ресторан, где его знают, где семимесячные листы ожидания не будут для него помехой.

В курсе ли Клэр, задумался я, глядя на сына, действительно собравшегося уходить.

— Мишел, подожди-ка, — сказал я. «Нам надо потолковать», — сказал бы другой отец — не такой, как я.

Итак, я повторно просмотрел видеозапись: гогочущие молодые люди, швыряющие настольную лампу и мусорные мешки в невидимую бездомную женщину. А в конце: вспышка света от взрыва бензопаров, юнцы, удирающие во все лопатки, номера телефонов и приглашение связаться с полицейским участком по месту жительства.

Я сосредоточился на последней части фильма, когда летела канистра и еще что-то, оказавшееся (как я сейчас уже знал) зажигалкой. «Зиппо», зажигалка с крышкой, гасящей пламя с характерным щелчком. Как к двум некурящим юнцам попала зажигалка? Я о многом не спрашивал просто потому, что не считал нужным (или не хотел) обо всем знать, но от этого вопроса не удержался. «Чтобы давать другим прикурить, — без колебаний ответил Мишел. — Девушкам, например, — добавил он, очевидно заметив мой непонимающий взгляд. — Если девушка просит огонька для косяка или „Мальборо лайт“, а у тебя в кармане нет зажигалки, пиши пропало — шанс упущен».

Я дважды прокрутил последнюю часть. После световой вспышки молодые люди скрываются за стеклянной дверью. Дверь медленно захлопывается — конец фильма.

Во второй раз я вдруг увидел то, чего прежде не замечал. Я кликнул мышью на кадр, на котором Мишел и Рик исчезают за дверью. Затем выбрал функцию замедленного просмотра и начал скрупулезно изучать кадр за кадром.

Нужно ли описывать физические ощущения, сопровождавшие мое открытие? Думаю, они говорят сами за себя. Выпрыгивающее из груди сердце, пересохшие губы и язык, ледяная сосулька, пронзившая мозг от макушки до верхнего отдела позвоночника, до той полости без костей и хряща у самого основания черепа.

Остановив последний кадр, я обнаружил внизу справа что-то белесое, не бросающееся в глаза, ведь зритель убежден, что самое страшное уже позади. Лампа, мусорные мешки, канистра... настало время покачать головой и выразить свое возмущение: молодежь, мир, беззащитная женщина, убийство, видеоклипы, компьютерные игры, трудовые колонии, ужесточение наказаний, смертная казнь.

Изображение застыло, а я исследовал интересующий меня предмет. На улице кромешная тьма, в стеклянной двери отражается часть интерьера закутка: серый плиточный пол, сам банкомат с кнопками, названием фирмы, логотипом банка, которому он принадлежит.

В теории белесый фрагмент мог быть отражением люминесцентной трубки — одного из объектов, которыми швырялись в бездомную.

Но только в теории. Обнаруженный мною предмет находился снаружи, на улице. Обычному зрителю он вообще не был виден, тем более во время трансляции передачи «Внимание: розыск!» по телевизору. Чтобы его разглядеть, следовало, как я, останавливать и анализировать каждый кадр...

Одним словом, следовало знать, что видишь. И я знал, поскольку сразу же идентифицировал белесый предмет.

Я увеличил изображение, ставшее более размытым и бесформенным. Непроизвольно в голове возник сюжет фильма «Фотоувеличение» Микеланджело Антониони, в котором фотограф, увеличивая снимок, обнаруживает лежащий под кустом пистолет, впоследствии оказавшийся орудием убийства. Но на компьютере увеличивать бесполезно. Я снова уменьшил изображение до нормальных размеров и взял со стола лупу.

Орудую лупой, важно было найти оптимальное расстояние. По мере приближения или, наоборот, удаления от экрана изображение становилось более четким.

Я лишь утвердился в своих подозрениях — это была кроссовка. Обычная белая кроссовка, в какие обуто бесчисленное множество людей — включая моего сына и моего племянника.

На долю секунды я задумался: допустим, одна кроссовка ведет к десяткам тысяч обладателей кроссовок, однако десятки тысяч пар кроссовок едва ли способны привести к одному конкретному человеку.

Но нет, не это заставило меня замереть. Речь шла о послании или, лучше сказать, о смысле белой кроссовки перед стеклянной дверью банкомата. А точнее, о смыслах.

Вооружившись лупой, я еще раз подробно изучил предмет. При ближайшем рассмотрении цвет выше кроссовки слегка отличался от

фона: чернота улицы в этом месте словно светлела. Скорее всего, это был фрагмент ноги, штанина обладателя кроссовки, попавшей в кадр.

Они вернулись. Это было первым смыслом. Второй смысл заключался в том, что полиция, с согласия редакции программы «Внимание: розыск!» или без него, решила не выпускать в эфир последние кадры.

Конечно, все возможно. Конечно, кроссовка могла принадлежать кому-то еще, а не Мишелу или Рику, случайному прохожему, оказавшемуся у банкомата спустя полминуты после того, как молодые люди сделали ноги. Однако это представлялось маловероятным, учитывая поздний час и район на городской окраине. К тому же этот прохожий стал бы свидетелем происшествия. Одним из важных свидетелей, которых телеведущая и призывала обратиться в полицию.

Взвесив все «за» и «против», я понял, что критику выдерживает одно-единственное объяснение, которое я уже нашел (возня с лупой и окончательный вывод заняли в реальности не больше пары секунд). Они вернулись. Мишел и Рик вернулись, чтобы собственными глазами полюбоваться на содеянное.

Что меня действительно встревожило, так это факт сокрытия дальнейших кадров от телевизионной аудитории. Я пытался понять зачем. Может, на них Мишела или Рика (или обоих) можно опознать? Но тогда эти кадры тем более следовало выпустить в эфир!

«А что, если они не представляют никакой ценности?» — подумал я с надеждой. Нет, решил я. Они не могут быть несущественными. Возвращение преступников на место преступления само по себе уже веское основание, чтобы не вырезать эти кадры из программы.

Значит, там действительно было зафиксировано нечто такое, о чем не следовало сообщать зрителям, о чем знали только полиция и сами виновники преступления.

Где-то я читал, что полиция сознательно не публикует некоторые факты расследования, как, например, тип орудия убийства или улики на теле жертвы. Иначе какие-нибудь психи возьмут на себя ответственность за преступление или попробуют его повторить.

Впервые за прошедшие несколько недель я усомнился: а видели ли сами Мишел и Рик материал с камеры видеонаблюдения? В тот вечер, после телепрограммы «Внимание: розыск!», я рассказал о ней Мишелу, о том, что их действия отслеживала камера, но что на кадрах

они практически неузнаваемы. Добавив, что пока рано пороть горячку. В последующие дни мы вообще не возвращались к этой теме. Я считал, что так будет лучше: молчать и не растравлять рану.

Я надеялся, что проблема рассосется сама собой, что по прошествии времени внимание к тому трагическому случаю ослабнет, людей захватит какая-то другая новость и взрыв канистры сотрется из их коллективной памяти. Где-то случится вооруженный конфликт, а еще лучше террористический акт, с большим количеством жертв среди гражданского населения, и люди примутся сокрушенно качать головами. Нескончаемая вереница карет «скорой помощи», искореженные вагоны поездов или метро, снесенный взрывной волной фасад десятиэтажного здания — только таким образом бездомная из банкомата сможет отойти на второй план как пустячный инцидент на фоне крупной катастрофы.

Вот какие надежды питали меня в первые недели. Что новость вскоре устареет — может, даже через месяц, в любом случае через полгода, а уж через год — почти наверняка. Со временем полицию поглотят всякие-разные неотложные дела. Следствие уже не будет вестись столь тщательно, следователей загрузят другой работой, что же до того въедливого следователя-одиночки, который годами корпит над нераскрытыми преступлениями, то на его счет я не питал иллюзий: он существует только как герой телесериалов.

Через полгода-год мы снова заживем счастливой семьей. Конечно, небольшой шрам останется, но он не мешает нашему счастью. Просто надо немного подождать. Соблюдать обычный жизненный распорядок. Время от времени ходить в ресторан, в кино, на футбольный матч с Мишелом. Вечерами, за ужином, я внимательно наблюдал за своей женой. Я искал мельчайшие отклонения в ее поведении, указывающие на то, что она тоже увязывает телесюжет с нашим семейным счастьем.

— В чем дело? — спросила она однажды вечером; наверное, я слишком уж откровенно за ней следил. — Почему ты на меня так смотришь?

— Ни в чем, — ответил я. — Разве я на тебя смотрел?

Клэр рассмеялась, она накрыла мою руку своей и легонько сжала мои пальцы.

В такие моменты я всегда избегал своего сына. Я не желал никаких понимающих взглядов или подмигиваний, никаких проявлений нашей общей с ним тайны. Я хотел, чтобы все шло своим чередом. Общая тайна давала бы нам преимущество над Клэр, его матерью, моей женой. Но в каком-то смысле мы бы тогда от нее отделились, что представляло более серьезную опасность для счастья нашей семьи, нежели вся эта история с банкоматом.

Без понимающих взглядов, без подмигиваний нет и самой тайны, рассуждал я. Все случившееся мы, вероятно, не сможем полностью выкинуть из головы, но со временем нам удастся от него абстрагироваться. А вот тайну следует забыть. Чем скорее, тем лучше.

Таков был мой план. Перед тем как я повторно просмотрел передачу «Внимание: розыск!» и обнаружил белую кроссовку.

Потом я действовал по наитию. Я подумал, что, может, найду еще какой-нибудь материал. А что, если вырезанные кадры, по ошибке или нет, отыщутся на каком-нибудь другом сайте?

Я зашел на YouTube. Шанс был невелик, но попробовать стоило, рассуждал я. Я напечатал название банка, которому принадлежал банкомат, а за ним слова, «death»^[8] и «homeless».^[9]

Появилось тридцать четыре ссылки. Я пробежался по заставкам. Первый кадр почти везде был одним и тем же: хохочущие лица двух юнцов в шапочках. Отличались только названия и краткий сопроводительный текст. От незатейливого «Dutch Boys (название банка) Murder»^[10] до напыщенного «Don't try this at home — Fire Bomb Kills Homeless Woman».^[11] Все фильмы пользовались безумной популярностью — посещения исчислялись тысячами.

Я кликнул на один из роликов, представляющий собой ускоренный монтаж — полет настольной лампы, мусорных мешков и канистры. Потом просмотрел еще парочку. В фильме «(название города) Hottest New Tourist Attraction: Put Your Money on Fire!»^[12] слышался закадровый смех. Всякий раз, когда в бездомную женщину летел очередной предмет, раздавался взрыв хохота. Во время финальной вспышки хохот превращался в истерику, сопровождающуюся бурными овациями.

Большинство видео заканчивались этой вспышкой и беглецами.

Теперь уже не припомню, почему я кликнул на следующий ролик. Казалось, он ничем не отличался от предыдущих тридцати трех. Первый кадр был примерно таким же: двое смеющихся юнцов в шапочках, только здесь они поднимали стул для броска.

Возможно, меня привлекло название — «Люди в черном 3». Не столь развеселое по сравнению с другими. К тому же первое и, как впоследствии оказалось, единственное название, которое указывало не на происшествие, а (пусть и косвенно) на его участников.

«Люди в черном 3» начинались с брошенного стула, за которым летели мусорные мешки, лампа и канистра. Но отличие от предыдущих фильмов было налицо. Каждый раз, когда молодые люди (или один из них) довольно четко появлялись в кадре, ролик замедлялся. В этот момент звучала зловещая музыка, словно бы гудок или скорее низкий и протяжный звук, как в фильмах о кораблекрушениях и затонувших подводных лодках. В итоге внимание зрителей целиком приковывалось к фигурантам происшествия, Мишелу и Рикю, а не к их действиям.

«Кто эти молодые люди?» — именно этот вопрос, казалось, был лейтмотивом фильма. Их поступки нам уже известны, но вот кто они сами?

Неожиданная развязка ожидала меня в самом конце. После вспышки света и захлопывающейся двери изображение чернело. Я уже собирался перейти к следующему видеоролику, однако заметил, что, согласно таймеру на экране, «Люди в черном 3» длятся 2 минуты 58 секунд, а прошло только 2 минуты 38 секунд.

Как бы проходил наш ужин в ресторане, если бы в тот момент я и в самом деле закрыл окно с этим видео?

Ответ: в неведении. Ну, то есть в относительном неведении. Несколько дней, от силы недель или месяцев, я бы продолжал жить грезами о счастливых семьях. Мне стоило лишь на один вечер поместить свою семью рядом с семьей моего брата, увидеть, как Бабетта старается скрыть слезы за темными очками и как безрадостно Серж проглатывает свой бифштекс, чтобы потом вернуться домой в обнимку с моей женой, ощущая себя счастливой супружеской парой.

Однако черное на экране сменилось серым. Снова появилась стеклянная дверь, но теперь ее снимали снаружи. Качество изображения резко ухудшилось — записывала явно камера мобильного телефона.

Белая кроссовка.

Они вернулись.

Они вернулись, чтобы запечатлеть то, что учинили.

— Черт, ну и дерьмо! — сказал голос за кадром (Рик).

— Вот блин! — вторил ему другой голос (Мишел).

Камера была направлена в нижний конец спального мешка, окутанного сизым дымом. И мучительно медленно двигалась вдоль

мешка вверх.

— Пошли отсюда (Рик).

— Ну хоть уже не так воняет (Мишел).

— Мишел... пошли...

— Давай, встань рядом. Скажи «Jackass». Хоть это сделаем.

— Я пошел...

— Нет, слюняй, ты останешься!

У головной части спального мешка камера замерла. Изображение снова окрасилось в черный цвет. На экране красным шрифтом появился следующий текст:

Люди в черном 3

Продолжение

Скоро на экране

Несколько дней я ждал. Мишела часто не было дома, свой мобильный он всегда брал с собой; лишь сегодня, перед выходом в ресторан, мне выпала возможность добраться до его мобильного. Пока он в саду клеивал велосипедную камеру, я поднялся в его комнату.

Честно говоря, я был убежден, что он стер видео. Я питал смутную надежду, что не увижу ничего нового сверх того, что уже видел в Интернете.

Но я ошибался.

Всего несколько часов назад я посмотрел продолжение.

— Мишел, — обратился я к сыну, которому не терпелось поскорей уехать. — Мишел, тебе следует стереть эти фильмы. Тебе давно стоило это сделать.

Он остановился и снова зашаркал белой кроссовкой по гравию.

— Папа... — Он хотел продолжить, но лишь покачал головой.

В обоих роликах я слышал и видел, как он муштрует своего двоюродного брата и как командир покрикивает на него. Именно на это и намекал Серж, утверждая, что Мишел оказывает на Рика плохое влияние. Я всегда это отрицал, считая, что мой брат нашел легкий способ снять с себя ответственность за поведение своего сына.

Но несколько часов назад (а на самом деле уже гораздо раньше) я убедился в правдивости его слов. Мишел был лидером, он отдавал приказы, а Рик их выполнял. Откровенно говоря, я одобрял такое распределение ролей. Лучше так, чем наоборот, утешал себя я. Мишела никогда не дразнили в школе, вокруг него всегда вились покорные дружки, дорожившие его покровительством. Из собственного опыта я знал, как страдают родители тех детей, которых травят одноклассники. Я никогда не страдал.

— Знаешь, что еще лучше? — сказал я. — Выбросить мобильник. Туда, где его не смогут найти. Сюда, например. — Я махнул рукой в сторону мостика, откуда он только что приехал. — В воду. Если хочешь, в понедельник купим тебе новый. Сколько этому лет? Скажем, что его украли, восстановим сим-карту, и тогда в понедельник ты станешь обладателем новейшего «Samsung» или «Nokia», на твой вкус...

Я протянул ему руку ладонью кверху.

— Хочешь, я сам его выброшу? — предложил я.

Он не сводил с меня глаз. Глаз, выражение которых я так хорошо знал. Однако сейчас они выражали лишь раздражение по поводу того, что я завожусь по пустякам, что веду себя как надоедливый папаша, донимающий сына вопросами типа «в котором часу ты вернешься с вечеринки?».

— Мишел, речь идет не о какой-нибудь там вечеринке, — выпалил я быстрее и громче, чем собирался. — Речь идет о твоём

будущем.

«Будущее» — абстрактное понятие, я тут же пожалел, что использовал это слово.

— Зачем, черт возьми, вы выложили этот фильм в Интернете?

Только не ругаться, наставлял я сам себя. Иначе получится дешевая комедия, чего я терпеть не могу. Я сейчас повысил голос до крика, который могли услышать при входе в ресторан, в гардеробе или у пюпитра.

— Это что, круто? Или смело? Или это тоже не важно? «Люди в черном 3»! Чем, черт возьми, вы занимаетесь?

Он сунул руки в карманы куртки и опустил голову в черной шапочке, так что я почти не видел его глаз.

— Это не мы, — ответил он.

Дверь ресторана распахнулась, раздался смех, какие-то люди вышли на улицу. Двое одетых с иголочки мужчин и женщина в серебристом платье с глубоким вырезом на спине, с такой же серебристой сумочкой на плече.

— Ты так ему и сказал? — спросила женщина, слегка пошатываясь на серебристых шпильках. — Эрнсту?

Один из мужчин вынул из кармана связку ключей от машины и подбросил ее в воздух.

— Не веришь? — спросил он, вытянув руку и пытаясь поймать ключи.

— Ты с ума сошел! — захихикала женщина.

Хрустя гравием, они прошли мимо нас.

— Кто в состоянии сесть за руль? — спросил другой мужчина, после чего все трое снова расхохотались.

— Так, подожди-ка, — сказал я, после того как троица дошла до конца гравийной дорожки и свернула влево в направлении мостика. — Вы поджигаете бездомную женщину и записываете все это на мобильник. На твой мобильник. Потом снимаете того алкоголика на станции метро.

Мужчина, избитый моим сыном и племянником на станции метро, в моем монологе вдруг сам собой превратился в алкоголика. Возможно, алкоголик больше заслуживал побоев.

— А потом это появляется в Интернете. Ведь вы этого и добивались? Вы искали аудиторию?

Выложено на YouTube видео про алкоголика? Я засомневался.

— Алкоголик уже тоже в Сети?

Мишел вздохнул.

— Пап! Ты не слушаешь!

— Я слушаю. Внимательно, даже слишком внимательно. Я...

Дверь ресторана вновь отворилась, мужчина в строгом костюме огляделся по сторонам, затем на несколько шагов удалился от выхода и, скрывшись в темноте, закурил.

— Черт! — выругался я.

Мишел развернулся и зашагал к велосипеду.

— Ты куда? Мы еще не договорили.

Но Мишел не остановился, он вынул из кармана ключ и вставил в велосипедный замок. Я взглянул на курящего мужчину у входа в ресторан.

— Мишел, — сказал я тихо, но настойчиво, — ты не можешь вот так просто уехать. Как мы поступим? Есть ли еще какие-то фильмы, которые я не видел? Мне нужно просмотреть весь YouTube или ты все-таки мне расскажешь?..

— Папа! — Мишел резко обернулся и схватил меня за руку. — Ты когда-нибудь заткнешься?

Я ошалело уставился на своего сына. Его честные глаза выражали сейчас — не буду ходить вокруг да около — исключительно ненависть. Я поймал себя на том, что даже отвел взгляд — в сторону курящего мужчины.

Я ухмыльнулся — несомненно, то была глупая ухмылка.

— Уже затыкаюсь, — сказал я.

Мишел отпустил мою руку; закусив губу, он покачал головой.

— Господи! Ты вообще умеешь общаться по-человечески?!

Я ощутил колющую боль в груди. Любой другой отец тут же возмутился бы: «Это кто здесь, интересно, ведет себя не по-человечески? А? Кто?» Но я был не таким отцом, как все. Я знал, к чему клонит мой сын. Как бы я сейчас хотел обнять его и прижать к себе. Но, скорее всего, он с отвращением меня бы оттолкнул. Я знал, что подобное физическое отречение подействовало бы на меня слишком сильно, я бы расплакался и не смог остановиться.

— Дорогой мой мальчик, — сказал я.

Только без нервов, уговаривал я сам себя. Мне следует его выслушать. Я вспомнил слова Мишела о том, что я его не слушаю.

— Я весь внимание, — сказал я.

Он снова покачал головой и решительно вывел свой велосипед с парковки.

— Подожди! — сказал я, пытаюсь сдержаться. Я даже отступил на шаг, словно не желая его задерживать. Но непроизвольно дотронулся до его руки.

Мишел посмотрел на мою руку как на экзотическое насекомое, а потом перевел взгляд на меня.

Мы близки к чему-то, отметил я про себя. К чему-то, что потом уже не вернешь. Я убрал руку.

— Мишел, есть кое-что еще, — сказал я.

— Папа, пожалуйста.

— Тебе звонили.

Он вытаращил на меня глаза. Меня бы не удивило, если бы в следующую секунду я почувствовал его кулак у себя на лице: костяшки его пальцев на моей скуле, из носа потекла бы кровь, зато некоторые вещи бы прояснились.

Но ничего не случилось.

— Когда? — хладнокровно поинтересовался он.

— Мишел, прости меня. Я не должен был этого делать... все из-за этих фильмов... я хотел тебе... я пытался...

— Когда? — Мой сын снял ногу с педали и снова поставил на гравийную дорожку.

— Недавно, это было сообщение. Я его прослушал.

— От кого?

— От Б... от Фасо. — Я пожал плечами и усмехнулся. — Вы ведь так его называете? Фасо?

Я отчетливо видел, как лицо моего сына окаменело. Было слишком темно, но я бы дал голову на отсечение, что оно побелело.

— Что ему было нужно? — спросил он спокойно. Нет, не спокойно. Он старался говорить бесстрастно, почти равнодушно: подумаешь, звонил сводный кузен.

Но он выдал себя. Для него важно было другое: то, что отец прослушивает оставленные ему сообщения. Что я переступил черту. Любой другой отец трижды подумал бы, прежде чем прослушать

голосовую почту своего сына. Я тоже трижды подумал. Я предполагал, что Мишел придет в ярость и разорется. Это было бы в порядке вещей.

— Ничего, — сказал я. — Он попросил тебя перезвонить.

«Своим бодрым голосочком», — хотел добавить я.

— О'кей, — кивнул Мишел. — О'кей.

И тут я вдруг кое о чем вспомнил. Когда Мишел, позвонив на собственный мобильник, наткнулся на меня, он сказал, что ищет какой-то номер. Именно за этим он и приехал в ресторан — ему понадобился конкретный номер. Теперь-то я догадывался, чей именно.

— Ты сказал, что я тебя не слушаю, — начал я. — Но я слушал. Когда мы говорили о видео на YouTube.

— Ну и?

— Ты сказал, что это не вы разместили фильмы на YouTube.

— Нет.

— Тогда кто это сделал? Кто?

Иногда ответ содержится в самом вопросе.

Я посмотрел на своего сына. Наши взгляды встретились.

— Фасо? — спросил я.

— Да, — ответил он.

В повисшем безмолвии были слышны лишь звуки, доносившиеся из парка и с улицы на противоположной стороне пруда: глухие хлопки птичьих крыльев, набирающий скорость автомобиль, одиночный удар церковного колокола. Мы молча смотрели друг на друга.

Не осмелюсь уверенно утверждать, но мне показалось, что глаза Мишела наполнились слезами. Его взгляд стал недвусмысленным. «Понял наконец?» — вопрошал взгляд.

В тот же момент у меня в кармане зазвенел телефон. Зазвенел и завибрировал. В последние годы у меня ухудшился слух, поэтому я установил в своем мобильнике звонок старомодного черного бакелитового телефона, который слышно за версту.

Я вытащил сотовый из кармана, намереваясь его отключить, но, увидев на дисплее имя абонента, все-таки ответил:

— Да?

Жестом я попросил Мишела не уезжать, но тот, облокотившись на руль велосипеда, похоже, больше не спешил.

— Ты где? — спросила Клэр. На фоне ресторанного шума ее голос звучал тихо, но настойчиво. — Где ты так долго пропадаешь?

— Я на улице.

— Что ты там делаешь? Мы уже почти закончили с горячим. Я думала, ты сразу к нам присоединишься.

— Я тут с Мишелом.

Вообще-то я хотел сказать «с нашим сыном», но передумал.

— Я сейчас приду, — сказала Клэр.

— Нет, подожди! Мишелу уже пора...

Но связь прервалась.

«Папа ничего не знает и, надеюсь, не узнает». Я представил себе, как сейчас моя жена выйдет из ресторана и мы заглянем друг другу в глаза. Смогу ли я выдержать ее взгляд, как несколько часов назад в кафе для простых людей, когда она завела разговор о странном поведении Мишела?

Одним словом, я хотел знать, были ли мы еще счастливой семьей.

Мои мысли вернулись к видеоролику о подоженной бездомной женщине. О том, как он попал на YouTube.

— Мама придет? — спросил Мишел.

— Да.

Возможно, то была игра воображения, но в его голосе послышалось облегчение, когда он спросил о маме. Будто ему надоело торчать тут с отцом. С отцом, который все равно не в состоянии ему помочь. Мама придет? Да. Мне следовало поторопиться. Мне нужно было взять его под свою защиту на той единственной территории, где это было еще реально.

— Мишел! — начал я, снова положив руку ему на плечо. — Что знает Бо... Фасо?.. Откуда ему известно про этот фильм? Он же тогда уехал домой? То есть...

Мишел метнул взгляд на двери ресторана, словно призывая мать поторопиться и избавить его от этой мучительной аудиенции с отцом. Я в свою очередь посмотрел туда же. У подъезда что-то изменилось, но я не сразу сообразил что именно. Курящий мужчина, догадался я. Он исчез.

— Просто, — сказал Мишел.

Просто. Он всегда говорил так раньше, когда терял куртку или оставлял школьный портфель на футбольном поле, а мы спрашивали его, как так получилось. Просто... Просто забыл. Просто оставил.

— Я просто отправил их Рика по электронке. А Фасо переписал их с компьютера Рика. Потом выложил кусок ролика на YouTube и теперь грозитя обнародовать остальное, если мы ему не заплатим.

Я мог бы задать ему много вопросов; на секунду я задумался, о чем бы в такой ситуации спросил своего сына любой другой отец.

— Сколько? — спросил я.

— Три тысячи.

Я остолбенел.

— Он хочет купить скутер, — сказал Мишел.

— Мама! — Мишел бросился Клэр на шею и прижался лицом к ее волосам. — Мама, — повторил он.

Мама пришла. Я смотрел на сына и жену. И думал о счастливых семьях. Как часто я был свидетелем их объятий и никогда не пытался в них втиснуться: это тоже была составляющая нашего счастья.

Погладив Мишела по спине и черной шапочке, Клэр переключилась на меня.

«Что тебе известно?» — спросил ее взгляд.

«Все», — ответил мой.

«Почти все», — поправился я, вспомнив оставленное Клэр сообщение на автоответчике.

— Зачем ты приехал сюда, дружок? — спросила Клэр. — Я думала, у тебя встреча.

Глаза Мишела искали моей поддержки; Клэр ничего не известно о фильмах, убедился я в тот момент. При всей ее осведомленности о существовании фильмов она не знала.

— Он приехал за деньгами, — сказал я, глядя на Мишела.

Клэр удивленно подняла брови.

— Я занял у него денег, хотел вернуть еще до ужина, но совсем забыл.

Мишел потупил взор и заскрипел белой кроссовкой по гравию. Моя жена молчала, глядя на меня.

— Полсотни, — уточнил я, вынув банкноту из кармана и протянув ее Мишелу.

— Спасибо, пап, — сказал Мишел, положив деньги в карман куртки.

Клэр глубоко вздохнула и взяла Мишела за руку:

— Тебе не пора?.. — Потом обратилась ко мне: — Пойдем за стол. Все уже о тебе волнуются.

Обняв на прощание нашего сына (Клэр трижды его расцеловала), мы смотрели ему вслед, пока он крутил педали по направлению к мостику. На середине мостика он, показалось, хотел обернуться и помахать нам, но лишь приподнял руку.

После того как он скрылся из виду, Клэр спросила:

— Когда ты узнал?

Я подавил искушение задать ей тот же самый вопрос — «А ты?» — и ответил:

— Во время передачи «Внимание: розыск!».

Она ласково взяла мою руку — так же, как только что брала руку Мишела.

— Ох, дорогой, — вздохнула она.

Я повернулся, чтобы видеть ее лицо:

— А ты?

Клэр держала теперь обе мои руки. Встретившись со мной глазами, она попробовала улыбнуться — то была улыбка из счастливого прошлого.

— Ты же понимаешь, что я прежде всего думала о тебе, Паул, — сказала она. — Я не хотела... я полагала, что для тебя это будет слишком серьезным ударом. Я боялась... что ты снова... ну ты понимаешь, о чем я.

— Когда? — тихо спросил я. — Когда ты обо всем узнала?

Клэр сжала мои пальцы.

— В тот самый вечер, — сказала она. — Сразу после всего случившегося у банкомата.

Я вперился в нее взглядом.

— Мишел мне позвонил, — сказала Клэр. — Сразу. И спросил моего совета.

Однажды, когда я еще работал учителем, я рассказывал классу о Сталинградской битве.

Я смотрел на детей, на их головы, в которых исчезают мои слова.

— Гитлер решил овладеть Сталинградом, — вещал я. — Хотя со стратегической точки зрения мог пойти напрямиком на Москву. Но его привлекало название города, данное в честь его врага Иосифа Сталина. Взятие этого города нанесло бы Сталину колоссальный психологический удар.

Я остановился и снова оглядел класс. Некоторые ученики записывали за мной, другие просто слушали, устремив на меня либо заинтересованные, либо остекленевшие взгляды (первых больше, чем вторых, утешал я сам себя, хотя по большому счету, осознал я в тот же миг, меня это уже не волнует).

Я подумал об их будущих жизнях.

— Вот такая нерациональная мотивация ведет порой к победе, — сказал я. — Или к поражению.

Когда я еще работал... Мне до сих пор с трудом дается эта фраза. Я мог бы подробно изложить, что давным-давно, в далеком прошлом, у меня были иные планы на жизнь, но я не стану этого делать. Кому какое дело, в чем они заключались? Во всяком случае, фраза «когда я еще работал» мне больше по душе, чем «когда я учительствовал» или — еще хуже — «когда я работал в системе образования», любимая фраза бывших учителей, считающих себя настоящими профи.

Не стану уточнять, где именно я преподавал. Это тоже никого не касается. Ведь это как клеймо. «А, он преподавал там-то и там-то, — скажут люди. — Это многое объясняет». Однако, что именно это объясняет, им и самим невдомек. Я учитель истории. Я был учителем истории. Десять лет назад я завершил свою карьеру. Вынужден был завершить, хотя ни то ни другое в моем случае не отражает всей правды. Распространяться о которой в любом случае не стоит.

Все началось в поезде, следовавшем в Берлин. Начало конца, начало (вынужденного) конца моей карьеры. Весь процесс длился от силы два-три месяца. Стоило ему начаться, как он стал набирать бешеную скорость. Подобно злокачественной болезни.

Задним числом я не жалею об этом — моя деятельность на преподавательском поприще и так затянулась. Я сидел в пустом вагоне и глядел в окно. Первые полчаса мимо проносились лишь березы, но потом их сменили спальные районы какого-то городка. Я смотрел на дома и садики у самого полотна железной дороги. В каком-то садике сушились белые простыни, в другом висели качели. Стоял холодный ноябрьский день. На улице не было ни души. «Может, тебе взять отпуск? — предложила Клэр. — Поезжай куда-нибудь на недельку». Она заметила мою повышенную раздражительность. Наверняка из-за работы, из-за школы. «Для меня загадка, как ты выдерживаешь такую нагрузку, — сказала она. — Не стоит во всем винить себя». Мишелу тогда не исполнилось и четырех, он три дня в неделю посещал детский сад, и эти три дня целиком принадлежали Клэр. Неделю они легко справятся вдвоем.

Я колебался сперва между Римом и Барселоной, с их пальмами и кафешками, но в конце концов остановил свой выбор на Берлине, прежде всего потому, что никогда там не был. Поначалу я испытывал приятное возбуждение от предстоящей поездки. В компактный чемодан я упаковал минимум вещей. Возбуждение длилось вплоть до вокзала, где поезд в Берлин уже ждал отправления. Поначалу все шло как по маслу. Я без сожаления провожал глазами блочные дома и промышленные зоны. Мелькали пейзажи с коровами, каналами, высоковольтными мачтами, но мой взгляд был по-прежнему устремлен вперед. Затем возбуждение сменилось чем-то иным. Я подумал о Клэр и Мишеле. О расстоянии, нас разделяющем. Я представлял себе Мишела на детском велосипедном сиденье, Клэр — перед входом в детский сад, ее руку с ключом от нашей двери.

К тому времени, как поезд въехал на немецкую территорию, я уже несколько раз сходил в вагон-ресторан за свежим пивом. Пути назад не было.

Как раз в этот момент я увидел дома и садики. Повсюду живут люди, подумал я. Их так много, что они заселяют каждый свободный клочок земли, обустривая свое жилье даже у железной дороги.

Из гостиничного номера я позвонил Клэр, стараясь говорить непринужденно.

— Что случилось? — сразу спросила Клэр. — С тобой все в порядке?

— Как дела у Мишела?

— Хорошо. Он слепил из пластилина слоника. Вот, послушай, он сам тебе расскажет. Мишел, тебя папа к телефону...

Нет, хотел сказать я. Не надо.

— Папа...

— Привет, малыш. Мама говорит, ты слепил слоника?

— Папа?

Я должен был подобрать какие-то слова. Но не мог.

— Папа, ты простудился?

В последующие дни я силился изображать из себя заинтересованного туриста. Я прогуливался возле развалин Берлинской стены, обедал в ресторанах, где, согласно путеводителю, питаются простые берлинцы. Хуже всего было вечерами. Я стоял перед окном своего номера и смотрел на уличное движение, на тысячи огней, на спешащих неведомо куда людей.

У меня было две возможности: продолжать стоять у окна или оказаться в людской толпе. Я мог бы притвориться, что тоже куда-то спешу.

— Тебе понравилось? — спросила Клэр, когда неделю спустя я снова прижал ее к себе. Сильнее, чем собирался. Но все равно недостаточно сильно.

Через несколько дней навязчивые мысли стали одолевать меня и в школе. Поначалу я еще мог внушать себе, что это как-то связано с моим отъездом.

Но со мной явно творилось что-то неладное.

— Можно задаться вопросом, сколько людей сейчас населяло бы нашу планету, не случись Вторая мировая война, — сказал я, выписывая на доске число 55 000 000. — Если бы все просто продолжали заниматься любовью. Подсчитайте-ка к следующему уроку.

Я знал, что приковал к себе множество взглядов; возможно даже, что на меня уставился весь класс. Я усмехнулся. И посмотрел в окно. Вентиляция школьного здания регулировалась централизованно. Окна не открывались.

— Пойду подышу свежим воздухом, — объявил я и вышел из класса.

Не знаю, кто первым пожаловался директору школы — ученики или родители. Как бы то ни было, в один прекрасный день меня вызвали на ковер.

Директор, человек старой закалки, представлял собой редкий по сегодняшним меркам экземпляр: голова с косым пробором, венчающая коричневый костюм в елочку.

— До меня дошли жалобы по поводу содержания уроков истории, — сказал он, предложив мне сесть на единственный стул напротив его письменного стола.

— От кого?

Директор окинул меня взглядом. Над его головой висела карта Нидерландов, разделенных на двенадцать провинций.

— В данный момент это не столь важно, — сказал он. — Речь идет о...

— Это важно. Жалобы поступили от родителей или от самих учеников? Детей обычно мало что волнует, а вот родители любят капать на мозги начальству.

— Паул, речь идет о том, что вы сказали о жертвах Второй мировой войны. Поправьте меня, если я неправильно выразился.

Я откинулся на спинку стула, во всяком случае попробовал откинуться: то был жесткий стул с прямой спинкой, не приглашающий к вольным позам.

— Вы довольно пренебрежительно отозвались об этих жертвах, — продолжал директор. — Вы намекнули даже, что они сами во всем виноваты.

Директор взглянул на листок бумаги у него под носом.

— Здесь написано... — начал он, но прервался, покачал головой, снял очки и сжал двумя пальцами переносицу. — Поймите, Паул, жалуются и в самом деле родители. Родители всегда жалуются. Уж я-то знаю! Как правило, дело и яйца выеденного не стоит. Обязательно ли посещать уроки физкультуры во время месячных? Продаются ли в буфете яблоки? И тому подобные пустяки. Речь редко заходит о содержании уроков как таковых. А вот сейчас зашла. И это подрывает

авторитет нашей школы. Для всех нас было бы лучше, если бы вы просто придерживались школьной программы.

Я вдруг почувствовал легкое покалывание в шее.

— А в чем, собственно, я отклонился от школьной программы? — спросил я спокойно.

— Здесь написано... — Директор снова зашелестел листком. — Почему бы вам самому мне не рассказать? Паул, как именно вы выразились на уроке?

— Ничего такого из ряда вон я не сказал. Я предложил им решить простые арифметические задачи. Сколько подлецов приходится на сотню честных граждан? Сколько отцов орет на своих детей? У скольких придурков воняет изо рта? Сколько бездельников всю жизнь сетуют на то, что с ними якобы поступили несправедливо? Оглянитесь вокруг, сказал я. Скольких своих одноклассников вы не хотели бы больше видеть завтра в этом классе? Вспомните своих родственников, надоедливого дядю с его пустой болтовней на днях рождения, его сына-кретина, избивающего собственного кота. Подумайте, какое облегчение вы бы испытали (да и не только вы, но и вся ваша семья), если бы этот зануда или его отпрыск подорвались на mine или погибли под авиабомбой. Исчезли бы с лица земли. А теперь представьте себе бесчисленные жертвы всех прошедших до сих пор войн — я не имел в виду лишь Вторую мировую, я часто привожу ее в пример, потому что эта война производит на школьников наибольшее впечатление, — и подумайте о тысячах, может, десятках тысяч мертвых, совершенно никчемных людей. Даже исключительно с точки зрения статистики, все погибшие не могли быть поголовно героями. Поэтому несправедливость заключается в том, что подлецы наравне с героями причисляются к списку невинных жертв. Что их имена тоже выгравированы на военных памятниках.

Я остановился, чтобы перевести дух. Насколько хорошо я знал этого директора? Он позволил мне выговориться, но о чем это свидетельствовало? А что, если он уже давно принял решение меня уволить?

— Паул... — Он снова надел очки и уставился на край стола. — Можно задать вам личный вопрос?

Я не ответил.

— Паул, может быть, вам надоело? — спросил директор. — Я имею в виду — преподавать. Поймите меня правильно, я ни в чем вас не упрекаю, рано или поздно это происходит со всеми нами. В какой-то момент мы идем в класс как на каторгу. И задумываемся о бессмысленности нашей профессии.

Я пожал плечами и вздохнул.

— Я тоже пережил подобный момент в своей жизни. Когда еще сам был учителем. Крайне неприятное ощущение. Напрочь выбивает почву из-под ног. Разрушает все идеалы. Может, и вы сейчас испытываете нечто похожее, Паул? Вы еще верите в то, что делаете?

— Я всегда ставил учеников во главу угла, — ответил я правдиво. — Я всегда старался привить им хоть какой-то интерес к моему предмету, исходя прежде всего из собственного опыта. Я не втирался к ним в доверие дешевыми байками. Я помнил о том времени, когда сам был учеником средней школы. О том, что меня интересовало.

Директор улыбнулся и откинулся на спинку кресла. Он-то мог себе это позволить, а я вынужден был сидеть по струнке, как какой-нибудь школяр.

— В бытность моего обучения из уроков истории мне особенно запомнились египтяне, греки и римляне, — сказал я. — Александр Македонский, Клеопатра, Юлий Цезарь, Ганнибал, троянский конь, переход Ганнибала со слонами через Альпы, морские сражения, гладиаторские бои, гонки на колесницах, громкие убийства и самоубийства, извержение Везувия, а также красота храмов, арен и амфитеатров, фресок, бань, мозаик, вневременная красота, до сих пор вдохновляющая нас на то, чтобы отправиться в отпуск на Средиземное море, а не в Манчестер или Бремен. Однако с приходом христианства античная культура потихоньку начала чахнуть. В конце концов, я даже радовался, что так называемые варвары взяли и все уничтожили. А потом жизнь вообще надолго замерла, это я тоже хорошо помню. Средние века, отвратительный период, когда за исключением нескольких кровавых осад почти ничего не происходило. И наконец, история Нидерландов! Восьмидесятилетняя война — помню, как в глубине души я надеялся на победу испанцев. Шанс забрезжил, когда убили Вильгельма Оранского, но религиозные фанатики добились таки победы. И над «нижними землями» надолго опустилась тьма.

Помню еще, как учитель истории из года в года кормил нас обещаниями рассказать о Второй мировой войне. «Вторую мировую войну мы будем проходить в шестом классе», — говорил он. Но и в шестом мы не продвинулись дальше Вильгельма I и отделения Бельгии от Нидерландов, так и не добравшись до вожделенной войны. Нам рассказали немного об окопной войне, но Первая мировая, если не считать факта массового уничтожения человеческих жизней, наводила на нас тоску. Нам не хватало действия. Позже я не раз слышал, что Вторая мировая война так и осталась за пределами школьной программы. Самый интересный период последних пятнадцати столетий, в том числе и для Нидерландов, где со времен ухода римлян вплоть до 1940 года не происходило ничего значительного. Ну с кем ассоциируется Голландия в других странах? С Рембрандтом. С Ван Гогом. С художниками. Единственная голландская историческая фигура, пробравшаяся, так сказать, на международную арену, — это Анна Франк.

Директор в очередной раз переложил бумаги на своем рабочем столе и принялся что-то листать. Это «что-то» было мне смутно знакомо. Оно лежало в прозрачной папке, куда ученики обычно складывали свои работы.

— Фамилия «...» вам что-нибудь говорит, Паул? — спросил директор.

Он назвал фамилию ученицы из моего класса. Я опускаю эту фамилию не намеренно. Еще тогда я решил ее забыть. У меня это получилось.

Я кивнул.

— Вы еще помните, что вы ей сказали?

— В общих чертах.

Он захлопнул папку и отложил ее в сторону.

— Вы поставили ей двойку, и, когда она спросила почему, вы сказали...

— Двойка была абсолютно справедливой, — перебил его я. — А работа — халтурной. Работы такого качества лучше вообще мне не сдавать.

Директор улыбнулся, но какой-то жиденькой, кислой улыбкой.

— Должен признаться, что качество меня тоже не очень впечатлило, но речь о другом. О...

— Помимо Второй мировой войны я рассказываю им о послевоенной истории, — снова прервал его я. — Корея, Вьетнам, Кувейт, Ближний Восток, Израиль, Шестидневная война, Четвертая арабо-израильская война, Палестина. Все это мы проходим на уроках. И после этого я получаю работу о государстве Израиль, где собирают апельсины и в сандалиях танцуют у костра. Про жизнерадостный народ и прочий бред про пустыню, где сейчас снова зацвели цветы. В то время как там ежедневно погибают люди и взрываются автобусы. Куда это годится?

— Она пришла ко мне в слезах, Паул.

— Я бы тоже заплакал, если бы накропал такой вздор.

Директор поднял на меня глаза. Я уловил в его лице нечто, чего не замечал раньше: нечто отстраненное или, вернее, ничего не выражающее, вроде его костюма в елочку. Он снова откинулся на спинку кресла, еще глубже, чем в первый раз.

«Он отдаляется, — подумал я. — Не отдаляется, — поправил я сам себя, — а прощается».

— Паул, таких вещей не говорят пятнадцатилетним девочкам, — сказал он.

Теперь отстраненные нотки звучали и в его голосе. Он не вступал со мной в дискуссию, он сообщал мне свое мнение. Уверен, что, спроси я его в тот момент, почему нельзя говорить таких вещей, он бы ответил: «Потому что нельзя».

Я подумал о девочке. О ее милом, но чересчур веселом лице. Веселом без повода. То был бесполой оптимизм — такой же, как в ее полуторастраничной работе на тему сбора апельсинов.

— Это лексикон футбольных фанатов, а не школьных преподавателей, — продолжил директор.

Не важно, что именно я сказал той девочке. Это имеет лишь косвенное отношение к делу. Иногда с языка срываются слова, о которых потом мы, вероятно, сожалеем. Или нет, не сожалеем. Мы рубим сплеча, а собеседники проносят наши слова через всю свою жизнь.

В мыслях снова всплыл образ девочки. Когда я выступил со своей речью, ее радостное лицо треснуло, как ваза. Или как стекло — от чересчур мощного звука.

Я посмотрел на директора и почувствовал, как моя рука сжалась в кулак. Непроизвольно. Мне больше не хотелось продолжать этот разговор. Наши мнения бесповоротно разошлись. Между нами зияла пропасть. Я смотрел на директора и представлял, как мой сжатый кулак вот-вот врежется в его серую физиономию. Костяшками прямо под нос, во впадину между ноздрями и верхней губой. Как сломаются зубы, потечет кровь и моя точка зрения наконец станет ясна. Но я сомневался, разрешится ли на этом наш спор. Вовсе не обязательно ограничиваться одним ударом, я мог бы как следует отделать это ничего не выражающее лицо. По правде говоря, мое положение уже давно пошатнулось. С самого первого дня, когда я переступил порог этой школы, мое положение стало зыбким. Оставалось лишь ждать. Все мои преподавательские часы были не чем иным, как отсрочкой.

Вопрос заключался в том, стоит вмазать директору или нет. Превратив его таким образом в жертву. Предмет всеобщего сочувствия. Я подумал об учениках, которые столбятся у окна, когда за ним приедет машина «скорой помощи». А она приедет, на тумаки я не поскуплюсь. Ученикам станет жаль его.

— Паул? — сказал директор, меняя позу в кресле.

Он что-то почувствовал. Он почувствовал запах жареного. Он готовился отразить первый удар.

А что, если «скорая» не успеет? Не включит сирену, например, подумал я про себя. Я глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Нужно было срочно на что-то решаться, иначе поезд уйдет. Я мог бы его убить. Собственноручно. Грязная работенка, это правда, но не хуже потрошения дичи. Индейки, поправил я себя. Я знал, что у него жена и уже взрослые дети. Возможно, я окажу им услугу. Вполне возможно, что им тоже уже приелась эта постная рожа. На похоронах они будут горевать, но потом, уже на поминках, облегчение возобладает.

— Паул?

Я посмотрел на директора и улыбнулся.

— Можно задать вам еще один личный вопрос? — спросил он. — Может... У вас дома все в порядке?

Дома. Я продолжал улыбаться, в то же время думая о Мишеле. Мишелу было почти четыре. За убийство в Голландии дадут лет восемь, рассчитал я. Ерунда. За хорошее поведение и добросовестный

труд в тюремном саду можно уже лет через пять выйти на свободу. Тогда Мишелу исполнится девять.

— Как дела у вашей жены... У Карлы?

У Клэр, мысленно исправил я директора. Ее зовут Клэр.

— Отлично, — ответил я.

— А у детей? Тоже?

У детей. Даже этого не мог запомнить, болван! Конечно, все про всех знать нереально. Вся школа знала, что учительница французского живет с подругой. Потому что это не укладывалось в стереотипные рамки. Но остальные? Остальные вполне укладывались. Имели мужа-жену-детей. Или одного ребенка. Мишел катается на четырехколесном велосипеде. Если я угожу за решетку, то пропущу момент, когда он захочет снять боковые колеса.

— Замечательно, — сказал я. — Иногда вдруг с удивлением замечаешь, как же быстро они вырастают.

Директор водрузил локти на стол и сцепил пальцы, даже не подозревая, что секунду назад был на волосок от гибели.

Ради Мишела. Ради Мишела я не стану распускать руки.

— Паул. Я знаю, что вам, наверное, будет неприятно это слышать. Но я все-таки скажу. Я рекомендую вам встретиться с Ван Диреном. Школьным психологом. И потом взять длительный отпуск. Чтобы прийти в себя. Думаю, вам это необходимо. Нам всем в какой-то момент приходится брать тайм-аут.

Я чувствовал себя на удивление спокойно. Спокойно и устало. Никакого насилия не предвидится. Буря, в ожидании которой официанты в кафе заносят внутрь стулья, убирают навесы, прошла стороной. В глубине души нам жаль. Ведь гораздо интереснее увидеть, как ветер срывает крыши с домов, выворачивает деревья и поднимает их в воздух. В фильмах о торнадо, ураганах и цунами есть что-то умиротворяющее. Это, разумеется, ужасно, мы все научились считать это ужасным, но мир без катастроф и насилия (природного и человеческого) был бы невыносим.

Сейчас директор, целый и невредимый, вернется домой. Вечером сядет ужинать со своей женой и детьми. Своей безликостью он заполнит стул, который еще минуту назад рисковал остаться пустым. Никому не придется звонить в «Скорую» или в морг.

Вообще-то я знал это с самого начала. С того момента, когда он спросил о моей семье. Как дела дома? Обычно такие вопросы задают, когда хотят от тебя избавиться. Кому какое дело до моей семьи? Сродни вопросу: «Было вкусно?» Хотя на самом деле всем до лампочки.

Директор справедливо изумился, когда я без лишних пререканий согласился встретиться со школьным психологом. И обрадовался. Нет, я не позволю просто так меня выгнать. Я поднялся, давая понять, что сказать мне больше нечего.

У двери я протянул ему руку. И он ее пожал. Он пожал руку, которая могла бы перевернуть его жизнь или попросту ее оборвать.

— Я рад, что... — Он не закончил предложения. — Передайте наилучшие пожелания... вашей жене.

— Карле, — сказал я.

Через несколько дней я отправился на прием к школьному психологу. Господину Ван Дирену. Дома я рассказал все как есть. Я предупредил Клэр, что в ближайшее время буду меньше работать. Что психолог прописал мне транквилизаторы. Сразу после первой беседы, длившейся от силы полчаса.

— Кроме того, — сказал я Клэр, — он посоветовал мне носить солнцезащитные очки.

— Солнцезащитные очки?

— Он сказал, что я слишком впечатлителен и что очки будут приглушать внешние раздражители.

Я утаил лишь малую толику правды. Что защитило меня от откровенной лжи.

Психолог упомянул фамилию немецкого невролога. В честь которого назвали открытый им синдром.

— Можно подключить терапию, — серьезно посмотрев на меня, сказал Ван Дирен, — но проблема гнездится на уровне нейронов. Как правило, с помощью умело подобранных лекарств вполне удастся удерживать заболевание под контролем.

Потом он поинтересовался, есть ли у меня родственники с похожими жалобами или симптомами. Я подумал о своих родителях, о бабушках и дедушках. Прошелся по бесконечному списку дядей и тетей, двоюродных братьев и сестер, стараясь не забывать при этом слова Ван Дирена: данный синдром часто протекает бессимптомно, так что большинство людей функционируют в нормальном режиме, в крайнем случае слегка замыкаясь в себе, а в компаниях они либо задают тон беседе, либо молчат.

Я покачал головой. Я никого не мог припомнить.

— Вы спрашиваете про моих родственников, — сказал я. — Значит, этот недуг передается по наследству?

— Когда как. Каждый случай индивидуален. У вас есть дети?

Я не сразу осознал всю серьезность этого вопроса. До сих пор я думал лишь о генетическом материале, предшествующем моему рождению. Сейчас я впервые задумался о Мишеле.

— Господин Ломан?

— Минуточку.

Я подумал о моем четырехлетнем сыне. Вспомнил пол его комнаты, усеянный игрушечными машинками. Впервые в своей жизни я проанализировал то, как он возится со своими машинками. Смогу ли я когда-нибудь взглянуть на его занятия без задних мыслей?

А в детском саду? Они не замечали ничего необычного? Я напряг память, может, кто-то упоминал о том, что Мишел не играет с другими детьми или проявляет какие-то странности в поведении. Нет, ничего особенного про него не говорили.

— Сколько вам требуется времени, чтобы ответить на вопрос, есть у вас дети или нет? — улыбнулся психолог.

— Нет, — сказал я. — Просто...

— Может, вы еще только планируете их завести?

Не моргнув глазом я ответил:

— Да. А что, вы бы не советовали? В моем случае?

Ван Дирен поставил локти на стол и сцепил пальцы под подбородком.

— Ну почему же. На сегодняшний день существует высокая степень вероятности выявления подобных отклонений задолго до рождения ребенка. Путем обследования во время беременности или амниоцентеза — взятия пробы околоплодной жидкости. Но вы должны быть готовы ко всему. Прерывание беременности — дело нешуточное.

В моей голове роились самые разные мысли. «По очереди», — призывал я их к порядку. Я не обманывал, когда утвердительно ответил на вопрос психолога, планируем ли мы детей. Я лишь умолчал о том, что у нас уже был один ребенок. Клэр пережила тяжелейшие роды. В первые годы после рождения Мишела она и слышать не хотела о втором ребенке, но в последнее время мы иногда об этом заговаривали. Мы понимали, что нужно действовать быстро, иначе разница в возрасте между Мишелом и его братиком (или сестричкой) будет только увеличиваться.

— То есть такое исследование показывает, унаследовал ребенок болезнь или нет? — спросил я сухими губами, которые мне пришлось облизать, прежде чем выдавить из себя этот вопрос.

— Я выразился неточно. Я сказал, что болезнь можно диагностировать уже по околоплодным водам, но это не совсем так. Путем анализа амниотической жидкости пузыря можно установить

наличие определенных отклонений, но, каких именно, должны определить дальнейшие исследования.

— Но по крайней мере для аборта это достаточные основания? — спросил я. — Без дополнительных исследований?

— Послушайте. К примеру, риск развития у плода синдрома Дауна или порока развития позвоночника четко диагностируется по амниоцентезу. В таких случаях мы всегда рекомендуем прервать беременность. Что касается вашей болезни, здесь у нас такой ясности нет. Но мы всегда предупреждаем будущих родителей. На практике большинство из них предпочитает не рисковать.

Ван Дирен употреблял местоимение «мы», будто говорил от имени всех работников здравоохранения. Хотя был всего-навсего психологом. К тому же школьным психологом. Ниже падать уже некуда.

Делали ли Клэр этот самый амниоцентез? Самое неприятное заключалось в том, что я этого не знал. Я был рядом с ней почти во все важные моменты ее беременности: на первом УЗИ, на первом уроке гимнастики для беременных (только на первом — к счастью, Клэр избавила меня от этой смехотворной обязанности), на первом визите к акушерке, сразу оказавшемся последним. «Никаких акушерок, только гинекологи!» — сказала Клэр.

Но и в больницу Клэр захаживала нечасто. Рутинные визиты к больничному гинекологу она считала пустой тратой времени.

На кончике языка вертелся вопрос: всем ли беременным женщинам делают пункцию околоплодного пузыря или только тем, кто составляет группу риска?

— А что, тридцать-сорок лет назад тоже делали амниоцентез? — перефразировал я свой вопрос.

На мгновение психолог задумался.

— Вряд ли. Нет. Абсолютно в этом уверен.

Мы посмотрели друг на друга. В тот момент я тоже был абсолютно уверен в том, что наши с Ван Диреном мысли сейчас совпадают.

Но он ничего не сказал. Наверное, ему было неловко. Поэтому это сделал я.

— Значит, мне надо благодарить медицину, которая сорок лет назад еще никуда не годилась, за то, что я сейчас сижу здесь перед

вами, так? За то, что я вообще родился? — добавил я.

Это было уже лишним, но мне ужасно хотелось произнести этот вопрос.

Ван Дирен медленно кивнул и улыбнулся:

— Можно и так сказать. Если бы в то время существовало подобное исследование, то не исключено, что ваши родители предпочли бы избежать риска.

Я начал пить таблетки. В первые дни ничего экстраординарного со мной не происходило. Хотя меня предупреждали о том, что эффект от лекарств наступит лишь через пару недель. И все-таки я заметил, что Клэр стала ко мне относиться иначе.

— Как ты себя чувствуешь? — по нескольку раз на дню интересовалась она.

— Хорошо, — неизменно отвечал я.

Я и вправду отменно себя чувствовал, мне нравились перемены в моей жизни, но больше всего мне нравилось не стоять теперь перед классом, не видеть всех этих лиц, целый урок сверлящих тебя взглядом, сменяющихся на следующем уроке другими лицами, и так до бесконечности, час за часом, день за днем. Тот, кто никогда не преподавал, не в состоянии себе этого представить.

Уже через неделю лекарства заработали, раньше положенного срока. Я не был готов к этому. Я этого боялся. Прежде всего боялся, что лекарства будут воздействовать на меня без моего ведома. Расстройство личности — вот что меня пугало. Я хоть и стану более сносным для окружения, но сам себя потеряю. Инструкции к таблеткам пестрели описаниями опасных побочных эффектов. С «тошнотой», «сухостью кожи» и «отсутствием аппетита» еще можно жить. Но как быть с «чувством страха», «гипервентиляцией» и «потерей памяти»?

— Это сильнодействующие таблетки, — предупредил я Клэр. — Я, конечно, буду их пить, у меня нет выбора, но ты должна мне обещать, что дашь мне сигнал, если заметишь что-то неладное. Если я начну забывать что-то важное или странно себя вести. Тогда я вмиг завяжу с лечением.

Но мои опасения оказались напрасными. Однажды в воскресенье, дней через пять после того, как закончилась первая пачка таблеток, я лежал на диване в гостиной с пухлым выпуском субботней газеты на животе. Через стеклянные раздвижные двери я смотрел в сад, где в тот момент как раз начал накрапывать дождик. На небе весь день белые облачка чередовались с тучами, дул сильный ветер. Сразу добавлю, что мой дом, моя гостиная и особенно мое собственное пребывание в этом

доме и в этой гостиной в последние месяцы часто меня тревожили. Этот страх был напрямую связан со скопищем мне подобных в таких же домах и гостиных. Страх одолевал меня вечерами, в темноте, когда все уже, как правило, были дома. С дивана, где я лежал, сквозь кусты и деревья в саду мне открывались освещенные окна на другой стороне улицы. Самих людей я видел редко, но освещенные окна выдавали их присутствие. Поймите меня правильно — я не боялся людей как таковых, человеческого рода в целом. У меня не случалось приступов удушья в людской толпе, я не чурался знакомых, с удовольствием ходил в гости, участвуя во всеобщем веселье. Нет, дело было в другом — во временности всех этих особей в их гостиных, домах, блоках, районах с лабиринтом улиц и площадей.

Вот так я лежал вечерами на диване в нашей гостиной и, глядя в сад, размышлял обо всем этом. Я чувствовал, что пора остановиться и не слишком углубляться в данную материю. Но тщетно — в своих раздумьях я всегда погружался на самое дно. Люди повсюду, думал я, сейчас они развалились на диванах в гостиных, похожих на мою. Скоро они отправятся спать, поворочаются немножко, скажут друг другу что-нибудь ласковое или, наоборот, в упрямом молчании отвернутся друг от друга после очередной ссоры и потушат свет. Я думал о времени, точнее, об утекающем в песок времени, о его необъятности, о том, каким тягучим и пустым может быть всего один час. Что уж говорить о световых годах? Я думал о множестве людей, не столько даже о перенаселении, загрязнении или нехватке пищи на нашей планете, сколько собственно о количествах. Три миллиона или шесть миллиардов — заложен ли какой-нибудь смысл в этих числах? На этой стадии к горлу подступали первые спазмы тошноты. Не следует думать, что на Земле слишком много людей, но их действительно избыток, не унимался я. Я вспоминал своих учеников. У них впереди целая жизнь. А мне и один час уже кажется бесконечно длинным! Им предстоит найти работу, завести семью, родить детей. Их дети тоже пойдут в школу на урок истории, хотя уже и не ко мне. Мое сознание заполняло лишь безмерное сонмище людей, но не сами люди. Я задыхался. Хотя внешне и не давал никому повода для волнения, разве только моя газета по-прежнему лежала нераскрытой у меня на животе. Я представлял себе, как в комнату с бокалом красного вина входит Клэр: «Хочешь пивка?» «Да, с удовольствием», —

следовало ответить мне, дабы не вызывать подозрений. Я опасался, что мой голос прозвучит так, будто я только что проснулся или как вовсе не мой. Клэр подняла бы брови и спросила: «Что-то не так?» Разумеется, я стал бы рьяно убеждать ее в обратном, тем самым выдавая себя с головой, — чужим писклявым голоском я бы произнес: «Нет, все в порядке. А что?»

И что тогда? Тогда Клэр подседа бы ко мне на диван, взяла бы мои руки в свои ладони или положила бы руку мне на лоб, как бы проверяя, нет ли у меня температуры. Я знал, что дверь в нормальный мир открыта настежь. Клэр снова спросила бы меня, что случилось, и я бы снова рассеял ее озабоченность и тревогу, спокойно отвечая на ее вопросы. Нет, я просто замечтался. О чем? Сам уже не помню. Да ладно тебе, знаешь, сколько ты здесь уже лежишь, с газетой на животе? Полтора часа, а то и два! Я думал о саде: может, нам построить в саду домик? Паул... Да? Ты же не мечтал о саде все полтора часа? Нет, конечно нет, может, только последние четверть часа. А до этого?

В тот воскресный вечер, через неделю после встречи со школьным психологом, я впервые смотрел на наш сад тайных, душищащих меня мыслей. Я слышал, как Клэр возится на кухне. По радио передавали незнакомую мне песню, в которой без конца повторялись слова «мой цветочек». Клэр тихонько подпевала.

— Что ты смеешься? — спросила она, чуть позже войдя в комнату с двумя кружками кофе.

— Просто так, — ответил я.

— Просто так? Ты бы посмотрел на себя. Ну прямо новообращенный христианин. Сама радость!

Я взглянул на нее и почувствовал тепло, приятное тепло, тепло пухового одеяла.

— Послушай... — сказал я, но вдруг замаялся.

Я хотел заговорить о втором ребенке. В последние несколько месяцев мы не касались этой темы. Я подумал о разнице в возрасте наших детей, которая в лучшем случае составит почти пять лет. Сейчас или никогда. Но внутренний голос внушил мне, что сегодня не самый подходящий момент для подобного разговора, может, через пару дней, но не в воскресенье, в день, когда начали действовать лекарства.

— Я подумал, а не поставить ли нам в саду маленький домик, —
сказал я.

Задним числом можно утверждать, что в то воскресенье я пережил некий апогей. А потом быстро привык к своему новому состоянию без двойного дна. Жизнь стала более ровной, менее яркой и как бы смазанной. Как на вечеринке, где все говорят и жестикулируют, но непонятно, что произносит каждый в отдельности. Жизнь без взлетов и падений. Что-то исчезло. Для людей, потерявших обоняние или вкус, самая изысканная еда на свете кажется пресной. Так иногда и я воспринимал свою новую жизнь как тарелку теплой еды, стынущей на столе. Я знал, что мне нужно есть, иначе я умру, но аппетита у меня не было.

Спустя несколько недель я предпринял последнюю попытку вернуть эйфорию того воскресного дня. Мишел только что уснул. Мы с Клэр лежали на диване и смотрели передачу о приговоренных к смерти американцах. У нас был широкий диван, и, чуть потеснившись, мы помещались на нем вдвоем.

— Я тут подумал, — сказал я. — Когда у нас родится второй ребенок, Мишелу исполнится уже пять.

— Да, я тоже об этом думала, — согласилась Клэр. — Это и в самом деле неудачная идея. Надо радоваться тому, что есть.

Я ощутил тепло своей жены и слегка сжал ее плечо. Я припомнил беседу со школьным психологом.

«У тебя брали анализ околоплодной жидкости?»

Я мог бы спросить это самым беспечным тоном. Жаль только, что я не мог заглянуть ей при этом в глаза. А может, и к лучшему.

А потом я подумал о нашем счастье. О нашей счастливой семье. Которой следует радоваться тому, что есть.

— Давай съездим куда-нибудь на выходные? — предложил я. — Арендуем домик на природе, например. Все троим.

И что потом? Потом Клэр заболела. Клэр, в жизни не хворавшая, не единого дня не пролежавшая с гриппом в постели, очутилась в больнице. Да так внезапно, что мы не успели толком подготовиться. Утром она почувствовала недомогание, но все равно вышла из дома. Поцеловав меня на прощание в губы, она вскочила на велосипед и уехала. Когда я увидел ее днем, она уже была подключена к капельнице, а у изголовья ее больничной койки пищал монитор. Она попыталась улыбнуться, но это явно стоило ей огромных сил. Хирург пожелал переговорить со мной с глазу на глаз.

Я не буду распространяться здесь о том, что именно случилось с Клэр, это личное, я считаю. Это никого не касается, если она захочет, пусть сама и расскажет. Ограничусь лишь тем фактом, что болезнь эта не была смертельной, во всяком случае в самом начале об этом и речи не шло. Любимая тема знакомых, родственников, друзей и коллег. «Это не смертельно?» — спрашивали они по телефону. Приглушенным голосом, в котором сквозила жажда сенсации, — когда люди получают возможность приблизиться к смерти на безопасное для себя расстояние, они ее не упускают. Помню, как меня распирало желание утвердительно ответить на этот их вопрос: «Да, это смертельно». И услышать тишину на другом конце провода.

Не вдаваясь в подробности о настигшем Клэр недуге, приведу вкратце лишь наш разговор с хирургом, с серьезным выражением лица остановившим меня в коридоре.

— Это не шутка, — прокомментировал он, сделав паузу, чтобы дать мне время переварить новость. — Вот так один день может перевернуть всю жизнь. Но мы делаем все возможное.

Последнюю фразу он произнес чуть ли не радостным тоном, диссонирующим с его лицом.

А дальше? А дальше все покатило по наклонной. То есть буквально все. За первой операцией последовала вторая, за второй — третья. Изголовье кровати обросло мониторами, а тело Клэр — шлангами. Мониторы и шланги держали ее на плаву, но хирург окончательно утратил свой позитивный настрой. Впрочем, он по-прежнему заверял меня, что они делают все возможное, хотя Клэр тем

временем похудела почти на двадцать килограммов и уже не могла без посторонней помощи даже приподняться с подушек.

Я был рад, что Мишел не видел ее в таком состоянии. В самом начале я бодро предложил ему навестить маму в больнице, но он сделал вид, что не услышал меня. В тот день, когда его мать не вернулась домой, я старался не слишком нагнетать ситуацию, упирая в основном на ее неординарность, чуть ли не праздничность. Мы поужинали в кафе для простых людей (ребрышки с картофелем фри были в то время любимым блюдом Мишела), и я рассказал ему о том, что случилось. Кое-что я опустил — прежде всего мой собственный страх. После ужина мы взяли напрокат фильм, я разрешил Мишелу лечь спать позже обычного, хотя на следующее утро ему надо было на занятия (он уже учился в подготовительной группе начальной школы).

— А мама придет? — спросил он, когда я поцеловал его на ночь.

— Я не буду закрывать дверь, — ответил я. — Я еще немного посмотрю телевизор, если что, позови меня.

В тот вечер я никому не позвонил. На этом настояла Клэр.

— Без паники, — сказала она. — Может, все обойдется и через пару дней я снова буду дома.

К тому времени я уже переговорил с хирургом в коридоре.

— О'кей, — сказал я. — Никакой паники.

На следующий день после уроков Мишел больше не спрашивал о маме. Он попросил меня снять боковые колесики с его велосипеда. Несколько месяцев назад мы уже попробовали их убрать, но Мишел тут же, петляя из стороны в сторону, врезался в ограду около сквера.

— Уверен? — спросил я.

На дворе был приятный майский денек. Мишел, как заправский гонщик, легко доехал до угла и обратно. Приближаясь ко мне, он отпустил руль и поднял руки.

— Они уже завтра хотят оперировать, — сказала Клэр в тот вечер. — Но что именно они собираются делать? Они рассказали тебе что-нибудь, чего я не знаю?

— Мишел попросил меня сегодня снять боковые колеса с его велосипеда, — сказал я.

Клэр прикрыла глаза, голова утонула в подушках, будто стала тяжелее обычного.

— Как он? — тихо спросила она. — Сильно скучает?

— Он хотел тебя навестить, — соврал я. — Но я подумал, что лучше ненадолго отложить вашу встречу.

В какой больнице лежала Клэр, я умолчу. Во всяком случае, близко от дома, я доезжал туда на велосипеде, а в плохую погоду за десять минут на машине. Во время моих посещений Мишел оставался у соседки, у которой тоже были дети; иногда приходила няня, пятнадцатилетняя девочка, живущая через две улицы от нас. У меня нет желания подробно описывать плачевное состояние дел в этой больнице, но всем, кто дорожит жизнью, своей или своих близких, я настоятельно не рекомендую когда-либо там оказаться. Вот такой передо мной выбор: с одной стороны, никого не касается, в какой больнице лежала Клэр, а с другой — я заклинаю всех держаться подальше от этого лечебного заведения.

— Ты еще справляешься? — спросила Клэр после второй или третьей операции. Ее голос звучал так тихо, что я практически должен был прильнуть ухом к ее губам, чтобы разобрать этот шепот. — Может, тебе нужна помощь?

При слове «помощь» меня передернуло. Нет, я не нуждаюсь в помощи, я прекрасно — к своему удивлению — справляюсь сам. Мишел вовремя являлся в школу, с почищенными зубами и в чистой одежде. Более или менее чистой — я не столь критично, как Клэр, относился к нескольким пятнам на его брюках. Но ведь я был отцом, а не матерью, я никогда не старался быть для Мишела «отцом и матерью в одном лице», чем бравировал как-то по телевизору один чокнутый родитель мужского пола в свитере собственной вязки. Я был занят по горло, но в положительном смысле слова. Мне совсем не хотелось, чтобы посторонние, пусть и из добрых побуждений, взяли бы на себя часть моих обязанностей, желая оставить мне больше свободного времени. А на что оно мне? Я как раз таки был счастлив оттого, что каждая минута была наполнена содержанием. Иногда по вечерам я сидел с пивом на кухне, Мишел уже спал, гудела стиральная машина, на столе лежала нераскрытая газета, и тогда вдруг я испытывал неопределимое чувство легкости — если бы в тот момент кто-нибудь на меня дунул, я бы наверняка поднялся в воздух, к потолку, как пушинка из подушки. То было состояние, сравнимое с невесомостью, я намеренно не употребляю здесь такие слова, как счастье или блаженство. Я слышал, как родители друзей Мишела вздыхали, что в

конце длинного, напряженного дня им требуется время лично для себя. И это волшебное время наступает, когда дети укладываются в постель, ни минутой раньше. Я же наслаждался каждым мгновением, проведенным с Мишелом. По возвращении домой из школы я спрашивал Мишела, чем ему намазать бутерброд. К его приходу холодильник уже был забит всем необходимым. Я следил за собой и, уходя из дома, всегда смотрелся в зеркало: старался не появляться на людях неопрятно одетым, небритым и нечесаным. На меня не оборачивались в супермаркете: я не был разведенным отцом, от которого несло спиртным, отцом-неумехой. Для Мишела в отсутствие мамы все должно оставаться по-старому. Ежедневно горячий ужин — для начала. Но и в прочих аспектах жизни нашей временно недоукомплектованной семьи не должно возникать ничего неожиданного. Обычно я не бреюсь каждый день, мне не мешает щетина, да и Клэр не возражает. Однако в те недели без Клэр я брился каждое утро. Я считал, что мой сын вправе сидеть за столом с чисто выбритым и свежеспавшим отцом. Такой ухоженный отцовский вид не наведет его на мрачные мысли, во всяком случае не заставит усомниться в том, что наша неполная семья — это ненадолго. Нет, внешне я держался безукоризненно, я по-прежнему был одной третью нашей троицы, другая треть которой временно (временно! временно! временно!) лежала в больнице; я был пилотом пассажирского самолета, один из трех двигателей которого вышел из строя: повода для паники нет, вынужденной посадки не требуется, у пилота за плечами тысячи налетанных часов, он справится с управлением и доберется до пункта назначения.

Однажды вечером, накануне очередной операции Клэр, ко мне неожиданно нагрянули Серж и Бабетта. В тот вечер я приготовил спагетти карбонара, единственное блюдо, которое удавалось мне на все сто. Наряду с ребрышками из кафе-для-простых-людей это было любимым лакомством Мишела, так что в отсутствие Клэр я готовил его ежедневно.

Только мы собрались сесть за стол, как в дверь позвонили. Не спросив разрешения войти, Серж и Бабетта напрямик направились в гостиную. Я видел, как пристально Бабетта осматривает комнату. В те недели мы ужинали не как обычно, на кухне, а в гостиной, перед телевизором. Бабетта бросила взгляд на сервировочные салфетки и приборы, а потом на включенный телевизор, где через несколько минут начиналось спортивное обозрение. Затем посмотрела на меня.

Под ее недвусмысленным взглядом я почувствовал, что должен объясниться. Я пролепетал что-то про праздничный элемент наших совместных трапез, поскольку далеко не во всем соблюдал заведенный порядок — ведь главное, чтобы не было явных признаков разрухи, я же не могу копировать Клэр в ее манере ведения хозяйства. Подозреваю даже, что в моей оправдательной речи прозвучали такие слова, как «домоводство на мужской манер» и «ощущение каникул».

Все это было довольно глупо, сообразил я потом, ведь я не обязан был ни перед кем отчитываться. Бабетта тем временем поднялась наверх, в комнату Мишела. Мишел сидел на полу, посреди разбросанных игрушек, и ставил в ряд сотню фишек домино, имитируя День домино.^[13] Увидев тетю, он бросился в ее раскрытые объятия.

С чрезмерным энтузиазмом, на мой взгляд. Разумеется, он любил свою тетю. Однако сейчас он слишком уж крепко сжимал ее ногу. Складывалось впечатление, что ему в доме не хватает женщины. Матери. Бабетта тискала его и гладила по волосам. А тем временем осматривала его комнату. Я следил за ее взглядом.

Пространство на полу не было заполнено исключительно домино. Пол был усеян игрушками, так что негде было ступить. Комната выглядела, мягко говоря, неопрятно. Теперь я и сам это видел,

обозревая ее глазами Бабетты. Разбросанные игрушки — еще полбеды. Два стула, диван и кровать Мишела были скрыты под горой одежды, чистой и грязной вперемешку, а на столе и табуретке возле кровати (незастеленной) громоздились тарелки с крошками и стаканы с недопитым молоком и лимонадом. Страшнее всего был огрызок яблока, облюбовавший себе местечко на майке клуба «Аякс», украшенной фамилией «Клюйверт» на спине. Как и все огрызки, пролежавшие больше пары минут на свету или свежем воздухе, он окрасился в темно-коричневый цвет. Я вспомнил, что днем принес Мишелу яблоко и стакан лимонада, но огрызок имел такой вид, будто уже несколько дней гнил здесь на футбольной майке.

Я также вспомнил, что обещал в то утро помочь Мишелу прибраться у него в комнате. Но по разным причинам (а попросту из-за этого вечного «успеется») руки до уборки так и не дошли.

Пока Бабетта держала на руках моего сына, ласково поглаживая его по спине, я посмотрел ей в глаза. И снова этот недвусмысленный взгляд! «Я собирался навести здесь порядок! — хотел выкрикнуть я. — Если бы ты пришла завтра, все бы сияло чистотой». Но я промолчал и лишь пожал плечами. Да, здесь легкий кавардак, говорили мои плечи, ну и что? На фоне всего происходящего это сущий пустяк.

Снова оправдания! Нет, больше не стану ничего объяснять. Они ведь свалились как снег на голову. А если бы я заявился к ним без предупреждения? Когда Бабетта, к примеру, брила бы ноги, а Серж стриг ногти? Тогда бы моему взору тоже открылось то, что не предназначено для чужих глаз, частичка личной жизни. Не надо было их впускать, сокрушался я.

Спускаясь вниз, после того как Бабетта обещала Мишелу вернуться и посмотреть, как будут падать фишки домино, мы прошли мимо ванной комнаты и нашей с Клэр спальни. Бабетта не преминула заглянуть и туда, запечатлев в сознании переполненную бельевую корзину и усыпанную газетами развороченную постель. На этот раз она даже не удостоила меня взглядом, что было куда болезненнее и унижительнее. Покидая комнату Мишела, я сказал ему, что ужин почти готов и что мы вот-вот сядем за стол. При этом я обращался исключительно к нему, непрозрачно намекая Сержу и Бабетте, что их к

ужину никто не приглашает. Они ввалились в дом в неподходящий момент, так что пусть отправляются восвояси.

Внизу, в гостиной, Серж, засунув руки в карманы, расположился перед телевизором, где уже началось спортивное обозрение. Сильнее всего — сильнее даже, чем наглая поза моего брата, чувствовавшего себя здесь как дома; чем недвусмысленные взгляды моей невестки в комнате Мишела, в нашей спальне, в ванной, — сильнее всего меня разозлили кадры спортивного обозрения, в которых кучка футболистов, нарезавших тренировочные круги по залитому солнцу полю, давала мне понять, что вечер мой напрочь испорчен. Вечер вместе с Мишелом перед телевизором, с тарелками спагетти на коленях, пусть и без матери, без моей жены, но все же радостный вечер.

— Серж... — Бабетта подошла к моему брату и положила руку ему на плечо.

— Да, — сказал Серж, обернулся и посмотрел на меня, не вытаскивая рук из карманов. — Паул... — начал он, но остановился и бросил беспомощный взгляд на Бабетту.

Бабетта глубоко вздохнула. Затем взяла мою руку в свои длинные, элегантные пальцы. Недвусмысленный взгляд исчез. Она смотрела дружелюбно, но решительно, как если бы я больше не был причиной тотального хаоса в этом доме, а сам являл собой переполненную бельевую корзину, содержимое которой ей ничего не стоит перестирать, или раскуроченную постель, которую она застелит в мгновение ока.

— Паул, — сказала она. — Мы знаем, как тебе тяжело. Тебе и Мишелу. Теперь, когда Клэр в больнице. Мы, конечно, надеемся на лучшее, но сейчас трудно предсказать, как долго все это продлится. Поэтому мы подумали, что для тебя и для Мишела будет лучше, если Мишел какое-то время поживет у нас.

Я ощутил одновременно приступ обжигающей ярости и ледяную волну паники. Эти чувства явно считывались с моего лица, поскольку Бабетта легонько стиснула мою руку и сказала:

— Успокойся, Паул. Мы лишь хотим тебе помочь.

— Да, — вторил ей Серж.

Он сделал шаг вперед, будто хотел взять другую мою руку или похлопать меня по плечу, но в последний момент передумал.

— У тебя достаточно забот с Клэр, — улыбнулась Бабетта, проведя пальцем по тыльной стороне моей ладони. — Если мы ненадолго заберем Мишела, у тебя будет возможность прийти в себя. И Мишелу будет легче. Он держится молодцом, но ребенок многого не произносит вслух, хотя все прекрасно видит.

Я несколько раз глубоко вздохнул. Главное, чтобы голос не дрогнул.

— Я бы с удовольствием пригласил вас поужинать с нами, — сказал я, — но, к сожалению, еды на всех не хватит.

Бабеттин палец на тыльной стороне моей ладони застыл на месте; она хоть и продолжала еще улыбаться, но улыбка эта словно отделилась от сопровождающей ее эмоции, если таковая вообще имелась.

— Да мы вовсе и не собирались оставаться на ужин, Паул, — сказала она. — Мы просто подумали: завтра Клэр оперируют, и, может, Мишела лучше отвезти к нам...

— Мы с сыном как раз намеревались сесть за стол, — сказал я. — Вы выбрали не самый удачный момент для визита. Поэтому я хотел бы попросить вас немедленно покинуть мой дом.

— Паул... — Бабетта сжала мою руку, улыбка исчезла. Она с мольбой смотрела на меня, что ей совсем не шло.

— Паул, — вмешался мой брат. — Ты же понимаешь, что это не самые идеальные условия для четырехлетнего ребенка.

Я вырвал руку из пальцев Бабетты.

— Что ты сказал? — спросил я. Мой голос звучал спокойно, без дрожи, даже, возможно, слишком спокойно.

— Паул! — засуетилась Бабетта.

Может, она заметила то, чего сам я не замечал. Может, она боялась, что я наброшусь на Сержа с кулаками, но такого удовольствия я бы ему не доставил. Ледяная волна паники пусть и окончательно уступила место обжигающей ярости, но кулак, которым бы я с наслаждением звезданул по его благородной, столь озабоченной моей судьбой и судьбой моего ребенка роже, явился бы веским доказательством того, что я не способен управлять собственными эмоциями. А тот, кто не владеет своими эмоциями, не очень-то подходит на роль одинокого (временно) отца семейства. В течение одной минуты я уже раз пять услышал свое имя. Из опыта я знаю, что

если люди часто произносят твое имя, значит, они чего-то от тебя хотят. Причем ваши желания, как правило, не совпадают.

— Серж имел в виду, что сейчас на тебе колоссальная нагрузка, Паул. — (Шестой раз!) — Мы прекрасно знаем, как ты стараешься обеспечить Мишелу душевный комфорт. Но это тяжело. Ты должен быть опорой и для Клэр, и для своего сына. Никто не ждет от тебя, что при таких обстоятельствах ты будешь все успевать по дому. — Порхающим движением пальцев она вскинула руку вверх, подразумевая разбросанные игрушки, бельевую корзину, незастеленную кровать с газетами. — Отец — вот что сейчас для Мишела самое важное. Его мать больна. У него не должно сложиться впечатление, что его отец больше не справляется.

— К сожалению, должен еще раз попросить вас удалиться, — сказал я. — Мы с Мишелом уже четверть часа назад собирались приступить к ужину. У нас здесь заведен определенный распорядок, которого мы хотели бы придерживаться, особенно *при таких обстоятельствах*, — добавил я.

Бабетта снова вздохнула, а я подумал, что она сейчас опять обратится ко мне по имени, но она перевела взгляд на Сержа, а потом на меня. По телевизору звучала финальная мелодия спортивного обзора. И вдруг на меня навалилась беспросветная тоска. Мой брат и невестка заявили в мой дом, чтобы учить меня, как вести хозяйство. Однако сейчас произошло еще кое-что, чего уже никогда не исправишь. Это может показаться чепухой — так оно и есть, — но все же от мысли о том, что мы с Мишелом уже не посмотрим сегодняшнее спортивное обозрение, у меня на глаза навернулись слезы. Я подумал о Клэр в ее больничной палате — несколько дней назад ее, к счастью, перевели в отдельную палату; до этого она лежала по соседству с вонючей, беспрестанно пукающей старой бабой; во время моих посещений мы с Клэр старались делать вид, что ничего не слышим, но однажды терпение Клэр лопнуло, и после каждого «залпа» она стала демонстративно брызгать вокруг себя дезодорантом. Смех сквозь слезы. Так что я выпросил у старшей медсестры одноместную палату для Клэр. Окна палаты выходили на боковое крыло больницы; с наступлением сумерек там зажигался свет, и ты видел койки других пациентов, поднимающихся с подушек, когда приносили горячий ужин. Мы условились, что вечером накануне операции я не приду в

больницу, а останусь дома с Мишелом. Жизнь шла своим чередом. Но сейчас я подумал о Клэр, о моей жене, о сумерках и унылом виде из окна ее одноместной палаты. Может, все-таки стоило попросить няню посидеть с Мишелом. В этот вечер, именно в этот вечер, мне следовало быть рядом с женой.

Я решил, что позже ей позвоню. После того как уйдут Серж и Бабетта, а Мишел уляжется спать. Да, им действительно пора было проваливать, чтобы мы с Мишелом наконец смогли начать наш уже и так безвозвратно расстроенный ужин.

И тут ко мне в голову закралась новая мысль. Подобная ночному кошмару, от которого просыпаешься в холодном поту, подушка мокрая, сердце колотится... но вот в спальню проникает свет, и ты с облегчением понимаешь, что это был только сон.

— Вы сегодня были у Клэр? — спросил я как можно более беспечным и бодрым голосом, чтобы они не заметили моего волнения.

Судя по выражениям лиц Сержа и Бабетты, их явно удивил мой вопрос. Или тот факт, что я столь резко поменял свою позицию, ведь всего пару минут назад я еще настаивал на их уходе.

— Нет, — сказала Бабетта. — То есть... — Она глазами искала поддержки у Сержа. — Я с ней сегодня говорила по телефону.

Значит, так оно и было. Случилось немыслимое. Это был отнюдь не сон. Идея забрать Мишела исходила от моей собственной жены. Сегодня они беседовали по телефону с Бабеттой. Возможно, Бабетта первая заговорила об этом, а Клэр, не в состоянии сопротивляться и мечтая побыстрее от нее отделаться, согласилась. Не обсудив это прежде со мной.

В таком случае дела мои хуже некуда. Если моя жена без моего ведома принимает важные решения, касающиеся нашего сына, значит, виной тому наверняка я сам.

Мне следовало прибрать комнату Мишела, подумал я. Засунуть белье в стиральную машину, когда в дверь позвонили Серж и Бабетта, выбросить газеты в мусорный мешок и выставить его в коридор, словно я как раз готовился отнести его в контейнер для макулатуры.

Но сейчас поезд уже ушел. Что-либо менять было слишком поздно. Серж и Бабетта заранее все спланировали, и, даже если бы мы с Мишелом в костюмах-тройках и при галстуках сидели за столом, накрытым камчатой скатертью и серебряными приборами, они бы

исхитрились и придумали что-нибудь еще, чтобы изолировать от меня сына.

«Вы говорили с Клэр о Мишеле?» — Я не задал этого вопроса, он, как говорится, повис в воздухе. Промолчав, я дал Бабетте возможность заполнить недостающее звено в ее ответе.

— Почему Мишел никогда не приходит к ней в больницу? — спросила Бабетта.

— Что? — сказал я.

— Почему Мишел никогда не навещает Клэр? Сколько она уже лежит в больнице? Это же ненормально — ребенок, который не хочет увидеться со своей больной матерью!

— Мы с Клэр это обсуждали. В самом начале Клэр сама не хотела. Она не хотела, чтобы Мишел видел ее в таком состоянии.

— Это было вначале. А потом? Потом-то можно было привести к ней Мишела? Клэр уже и сама ничего не соображает. Она думает, что ребенок ее забыл.

— Не мели чепухи. Никого Мишел не забывал. Он... — Я хотел сказать: «Он постоянно о ней спрашивает», но это была откровенная ложь. — Он просто не хочет ходить в больницу. Я часто ему предлагаю: «Давай сходим завтра к маме?» А он хмурится. «Может быть», — отвечает он, а когда на следующий день я снова завожу этот разговор, он качает головой. «Может быть, завтра», — говорит он. Я же не могу тащить его насильно! Да и не хочу. Ни при каких обстоятельствах. Я не буду заставлять его ходить в больницу против его воли. У него наверняка есть на то свои причины. Ему четыре года, но, возможно, он лучше знает, как поступать. Если в данный момент он хочет забыть о том, что его мать болеет, значит, так тому и быть. Это его право. Взрослые тоже так поступают.

Бабетта потянула носом и подняла брови.

— По-моему... — сказала она.

И тут я тоже почувствовал запах горелого. Я бросился в задымленную кухню.

— Черт возьми! — Я чуть не плакал, выключая газ под кастрюлей со спагетти и открывая дверь в сад. — Черт возьми! Черт! Черт!

Я размахивал руками, но дым лишь циркулировал по кухне, никуда не исчезая.

Сквозь наворачивающиеся слезы я заглянул в кастрюлю. Взяв деревянную ложку, принялся мешать вязкое коричневое месиво.

— Паул...

Они вдвоем стояли в дверном проеме. Серж ступил одной ногой на кухню. Бабетта положила руку ему на плечо.

— Вы только посмотрите! — кричал я. — Посмотрите!

Я швырнул деревянную ложку в раковину, силясь не разрыдаться.

— Паул... — Мой брат зашел в кухню и протянул мне руку.

Я быстро шагнул в сторону.

— Паул, все это объяснимо. Сначала твоя работа. А теперь Клэр. Признайся себе. В этом нет ничего зазорного.

Я помню, что в тот момент, когда я взялся за раскаленные ручки кастрюли и обжег пальцы, раздалось громкое шипение. При этом боли я не почувствовал.

Бабетта вскрикнула. Серж откинул голову назад, но дно кастрюли задело его лицо. Он пошатнулся и чуть не упал на Бабетту, когда я во второй раз запустил кастрюлей ему в лицо. Послышался хруст, потекла кровь, брызнув на белый кафель стены и банки со специями возле плиты.

— Папа.

Серж тем временем распластался на полу с окровавленным ртом и разбитым носом. Я уже держал кастрюлю наготове, чтобы еще раз хорошенько ему врезать.

Мишел стоял в дверном проеме и смотрел не на лежащего дядю, а на меня.

— Мишел, — сказал я, пробуя улыбнуться и опуская кастрюлю. — Мишел.

Десерт

— Ежевика из нашего сада, — доложил метрдотель. — Парфе приготовлено из домашнего шоколада, посыпанного тертыми грецкими орехами и миндалем.

Его мизинец указывал на неровности в коричневой подливке, жидковатой для парфе, стекающей сквозь ягоды на дно креманки.

Я видел, как Бабетта смотрела на свой десерт. Сначала только с разочарованием, которое по ходу пояснений метрдотеля сменилось неприкрытым отвращением.

— Я не буду это есть, — объявила она, когда метрдотель закончил свой монолог.

— Простите? — не понял он.

— Я не буду это есть. Унесите, пожалуйста.

Я думал, что она отодвинет от себя креманку, но она как можно дальше откинулась на стуле, словно желая предельно отдалиться от неудавшегося десерта.

— Но это то, что вы заказывали.

Впервые после того, как метрдотель поставил на стол десерты, она подняла на него глаза.

— Я прекрасно знаю, что я заказывала. Но я расхотела. Пожалуйста, унесите.

Я видел, как Серж начал комкать салфетку, потом поднес ее к воображаемой крошке в уголке рта и смахнул ее; одновременно он старался встретиться глазами с женой. Сам он заказал на десерт «Дам бланш» — ванильное мороженое с шоколадным соусом и взбитыми сливками. Вероятно, он чувствовал себя неловко из-за поведения Бабетты, но, скорее всего, его просто раздражала очередная задержка. Ему надо было съесть свой десерт сию минуту. Мой брат всегда выбирал исключительно незатейливые блюда из десертного меню. Мороженое или блины с сиропом. Наверное, думал я, это связано с низким уровнем сахара в крови, заставляющим его устремляться на поиски пищи в самые неподходящие моменты. Но такая невзыскательность объяснялась также элементарным отсутствием фантазии; десерт «Дам бланш» вполне соответствовал выбранному им

ранее турнедо — меня, кстати, крайне удивило, что столь неприязнительное блюдо значится в меню подобного ресторана.

— Ежевики вкуснее этой вы не найдете нигде, — заверил нас метрдотель.

«Господи, да забери же ты эту несчастную креманку и проваливай!» — взмолился я про себя. Ну вот, опять. В любом нормальном заведении или, вернее, в любом уважающем себя ресторане Европы, исключая Голландию, официанты и метрдотели даже не вступают в дискуссию с гостями, руководствуясь девизом: «Клиент недоволен? Тут же уносим!» Разумеется, среди клиентов всегда и везде найдутся зануды, зазнавшиеся невежды, не знающие толка в еде и не разбирающиеся в названиях блюд. «Чем отличаются тальятелли от спагетти?» — невозмутимо спрашивают они. В таких случаях у дежурного официанта есть полное право садануть кулаком по их изнеженным физиономиям, костяшками пальцев в верхнюю челюсть, чтобы посыпались зубы. Следует принять закон, по которому обслуживающий персонал может применять самооборону. Но в основном клиенты ведут себя как бессловесные овцы, тысячу раз извиняясь перед тем, как попросить солонку. Рыжая стручковая фасоль со вкусом гороха, жилистое, жесткое, что не прожевать, мясо, черствый хлеб с плесневелым сыром — голландские посетители ресторанов проглатывают все это безропотно. А на вопрос официанта: «Было вкусно?» — они, нащупывая кончиком языка застрявшие в зубах жилы и плесень, утвердительно кивают в ответ.

Все мы снова сидели на своих местах. Бабетта слева от меня, напротив Сержа, а Клэр прямо передо мной. Мне стоило лишь оторвать глаза от собственной тарелки, чтобы встретиться с ней взглядом. Клэр в свою очередь, приподняв брови, посмотрела на меня.

— Ладно, пустяки, — сказал Серж. — Я с удовольствием съем еще и эти ягоды.

Он погладил свой живот и улыбнулся — сначала метрдотелю, а потом жене.

Я снова опустил глаза, решив, что безопаснее просто смотреть в тарелку, а точнее, на три еще не тронутых ломтика сыра. Мизинец метрдотеля замирал на каждом из них, но я слушал названия сыров вполуха. Десертная тарелка с сыром была раза в два меньше тарелок с закусками и горячим, однако и на ней пустота казалась

завораживающей. Сырные треугольники были разложены полукругом, видимо чтобы заполнить пространство по максимуму.

Я заказал сыр, потому что не люблю сладкого, причем с детства. Уставившись в тарелку — на пустую ее часть, я вдруг почувствовал смертельную усталость.

Больше всего мне сейчас хотелось домой. Вместе с Клэр или даже одному. Я бы все отдал, чтобы оказаться дома и упасть на диван. В горизонтальном положении мне лучше думается, я смог бы осмыслить события сегодняшнего вечера и разложить все по полочкам.

— Не вмешивайся! — сказала Бабетта Сержу. — Может, стоит позвать Тонио, если заказать другой десерт такая проблема!

Тонио — так звать мужчину в белой водолазке, предположил я, владельца ресторана, самолично поприветствовавшего их у входа и распираемого счастьем от возможности причислить супругов Ломан к своей клиентуре.

— В этом нет необходимости, — спохватился метрдотель. — Я сам обсужу это с Тонио, уверен, что мы сможем предложить вам другой десерт.

— Дорогая... — начал Серж, но, очевидно, не знал, что сказать дальше, потому что снова улыбнулся метрдотелю и беспомощно всплеснул руками, как бы восклицая: «Женщины... что с них возьмешь?!»

— Что ты тут скалишься? — спросила Бабетта.

Серж опустил руки и посмотрел на Бабетту с мольбой в глазах.

— Дорогая... — повторил он.

Мишел тоже терпеть не мог сладкого; когда в детстве официанты в ресторанах пытались ублажить его мороженым или конфетами, он решительно мотал головой. Мы позволяли ему любые сладости, и дело, значит, было не в воспитании. А в наследственности. Да, другой причины я не находил. Если что-то и передается по наследству, то это наше общее отвращение к сладким десертам.

В конце концов официант забрал ежевику со стола.

— Одну минуточку, — пробурчал он и удалился.

— Господи, ну и болван! — разгорячилась Бабетта, стремительно проведя рукой по скатерти в том месте, где только что стоял ее десерт, как будто хотела стереть оставшиеся от него следы.

— Бабетта, прошу тебя, — взмолился Серж, но сейчас в его голосе сквозили нотки справедливого раздражения.

— Ты видела выражение его лица? — спросила Бабетта, схватив Клэр за руку. — Ты видела, как быстро он заткнулся, услышав имя своего начальника? Своего босса, ха-ха!

Клэр засмеялась в ответ, но неискренне.

— Бабетта! — вмешался Серж. — Пожалуйста! Не начинай! Мы же здесь завсегда, у нас никогда...

— А ты что, боишься? — перебила его Бабетта. — Боишься, что в следующий раз тебе откажут в столике?

Серж посмотрел на меня, но я отвел взгляд. Интересно, что знает мой брат о наследственности? Я не говорю о его родных детях. Я говорю о Бо. Ведь он должен признать, что какие-то черты характера Бо унаследованы не от него. А от оставшихся в Африке биологических родителей. И в какой степени Серж может дистанцироваться от поступков своего приемного сына?

— Ничего я не боюсь, — сказал Серж. — Мне просто не нравится, когда ты разговариваешь в таком тоне. Это не в наших правилах. Этот человек просто выполняет свою работу.

— Кто здесь задает тон? — парировала Бабетта. — А? Кто?

Она говорила громко — на нее уже оборачивались гости за ближайшими столиками. Еще бы! Женщина, повысившая голос в компании будущего премьер-министра, — это же интересно!

Серж, похоже, тоже осознавал щекотливость положения. Он перегнулся через столик.

— Бабетта, пожалуйста, — сказал он тихо. — Давай прекратим. Давай обсудим это в другой раз.

Во всех домашних ссорах — так же как во всяких драках или в войнах — всегда наступает момент, когда одна из сторон идет на уступки, чтобы предотвратить губительные последствия. Такой момент наступил. На секунду я задумался, чего хочу я сам. Нам с Клэр как родственникам и соотрапезникам сам бог велел взять на себя роль посредников, чтобы найти примиряющие слова и способствовать сближению воюющих сторон.

Но, если честно, никакой охоты их примирять у меня не было. А у Клэр? Мы с Клэр встретились глазами. На ее губах играла незаметная для посторонних улыбка — едва уловимое подрагивание уголков губ,

так хорошо мне знакомое. Я знал, что это значило: Клэр, так же как и я, не горела желанием вмешиваться в семейную разборку. Мы не станем разнимать противников. Наоборот, мы будем содействовать эскалации конфликта. Потому что в данный момент нам это выгодно.

Я подмигнул своей жене. Она подмигнула мне в ответ.

— Бабетта, пожалуйста... — это сказал не Серж, а сама Бабетта.

Она его передразнивала, преувеличенно кривляясь, словно он был капризным ребенком, клянчащим мороженое. Зачем же ему клянчить, подумал я, глядя на «Дам бланш» у него перед носом. Он уже получил свое мороженое. Я чуть не рассмеялся, Клэр, наверное, догадалась об этом по выражению моего лица и покачала головой, снова подмигнув мне. «Еще рано смеяться, — предупреждал ее взгляд. — Ты все испортишь. Мы станем громоотводами, и буря пройдет стороной».

— Ты просто трус! — вскрикнула Бабетта. — Ты должен был вступить за меня вместо того, чтобы печься о своем имидже! А как это будет выглядеть? Что подумают люди, видя, что твоей жене не нравится этот отвратительный десерт? Что подумает твой дружок Тонио? Тон или Антон — это ведь для него чересчур заурядно! Как капуста или гороховый суп.

Она швырнула салфетку на стол — чересчур сильно, — салфетка задела бокал с вином, и тот опрокинулся.

— Ноги моей больше здесь не будет! — сказала Бабетта.

Она уже не кричала, но ее слышали по крайней мере за четырьмя соседними столиками. Не обернуться было невозможно.

— Бабетта, — сказала Клэр и протянула к ней руку. — Дорогая...

Клэр точно подгадала момент. Я улыбнулся, любуясь собственной женой. Красное вино растеклось по скатерти, в основном по той половине, где сидел Серж. Когда мой брат приподнялся на стуле, я подумал, что он испугался, как бы вино не пролилось на брюки, но он отодвинул стул и встал.

— С меня довольно, — сказал Серж.

Мы трое впелись в него глазами. Он убрал с колен салфетку и положил ее на стол. Я видел, как подтаивает его мороженое, по ножке креманки стекала тонкая ванильная струйка.

— Пойду прогуляюсь, — сказал мой брат. — Подышу воздухом.

Перед тем как уйти, он обратился к нам с Клэр:

— Сожалею, что все так вышло. Надеюсь, что, когда я вернусь, мы сможем спокойно обсудить то, ради чего здесь собрались.

Мне хотелось, чтобы Бабетта прокричала ему что-нибудь вдогонку. Что-нибудь вроде: «Давай катись! Это самое простое!» Но она промолчала, а жаль. Это придало бы скандалу некой пикантности: известный политик, с понурым видом покидающий ресторан, и жена, орущая ему вслед ругательства типа «сволочь» или «трус». Даже если скандал не попадет в прессу, он расплзется, как нефтяное пятно, передаваясь из уст в уста; десятки, сотни или даже тысячи потенциальных избирателей узнают, что семейная жизнь обычного парня Сержа Ломана тоже не обходится без самых обычных проблем. Как у всех. Как у нас.

Еще вопрос, размышлял я, лишит ли его эта семейная ссора некоторого числа голосов или, может, как раз наоборот, только увеличит его электорат. Несчастливый брак лишь приближал его к простым людям. Я посмотрел на «Дам бланш». Вторая струйка мороженого добралась до скатерти.

— Глобальное потепление, — сказал я, показывая на десерт своего брата. Я подумал, что сейчас лучше ограничиться какой-нибудь шуткой. — Видите, это не просто модная тема. Это правда!

— Паул...

Клэр глазами указала мне на Бабетту — та плакала, сначала почти беззвучно, лишь вздрагивая верхней частью тела, но потом послышались первые всхлипы.

За некоторыми столиками ужин снова прервался. Мужчина в красной рубашке наклонился к сидевшей напротив пожилой даме (его матери?) и что-то такое ей шепнул: наверняка что-то вроде «Сразу не оборачивайся, но та женщина, жена Сержа Ломана, плачет».

Между тем Серж все еще стоял, опершись на спинку стула, словно не решаясь уйти теперь, когда его жена пустила слезу.

— Серж, — не поднимая головы, сказала Клэр, — присядь... Паул. — Клэр стиснула мою руку.

До меня не сразу дошло, что она хочет поменяться со мной местами, чтобы оказаться рядом с Бабеттой.

Мы встали с ней одновременно. Проходя мимо меня, Клэр снова схватила мою руку, ее пальцы крепко сжали мое запястье. Наши лица были в десяти сантиметрах друг от друга (мы почти одинакового

роста), мне стоило лишь слегка наклониться, чтобы зарыться лицом в ее волосах — о чем в тот момент я мечтал больше всего на свете.

— У нас проблема, — сказала Клэр.

Я промолчал, лишь кивнув в знак согласия.

— С твоим братом, — уточнила Клэр.

Я ждал продолжения, но она, наверно, посчитала, что наше общение в вертикальном положении и так затянулось, и, проскользнув между мной и столом, опустилась на стул рядом с плачущей Бабеттой.

— Вы всем довольны?

Я обернулся и увидел лицо мужчины в белой водолазке. Тонио! Поскольку Серж снова занял место за столиком, а я еще стоял, он, по-видимому, решил сначала обратиться ко мне. В его осанке было что-то заискивающее — и вовсе не потому, что он был на голову ниже меня, — он стоял, подавшись всем телом вперед, сложив перед собой руки и склонив голову набок, так что его глаза смотрели на меня снизу наискось.

— Я слышал, что у вас трудности с выбором десерта, — сказал он. — Мы хотели бы предложить вам альтернативный десерт на ваш вкус.

— Тоже от заведения? — спросил я.

— Простите?

Владелец ресторана был практически лысым, оставшиеся седые волоски возле ушей были аккуратно подстрижены, и перебравшая солнца голова торчала из ворота белой водолазки, как голова черепахи из панциря.

Мне еще раньше, при появлении Сержа и Бабетты, показалось, что он мне кого-то напоминает, и вдруг меня осенило. Много лет назад в соседнем доме на нашей улице жил такой же мастер подольститься. Ростом, помнится, пониже Тонио, холостой. Как-то вечером Мишел, которому тогда было лет восемь, вернулся домой со стопкой грампластинок и спросил, есть ли у нас проигрыватель.

— Откуда у тебя эти пластинки? — поинтересовался я.

— Господин Брейдфелд подарил, — ответил Мишел. — У него их штук пятьсот!

У меня не сразу увязалось лицо низкорослого одинокого мужчины, живущего по соседству, с фамилией Брейдфелд. По словам

Мишела, мальчишки из нашей округи часто заходили к нему в гости послушать пластинки.

Я помню, как в висках застучало — сначала от страха, а потом от злости. Стараясь не повышать голоса, я спросил Мишела, чем занимается господин Брейдфелд, пока мальчишки слушают пластинки.

— Ничем особенным. Мы сидим на диване. Он всегда угощает нас орешками, чипсами и кока-колой.

В тот вечер, когда стемнело, я позвонил в дверь господина Брейдфелда. Не спрашивая разрешения войти, я оттолкнул его в сторону и ринулся прямо в его гостиную. Окна были уже занавешены.

Несколько недель спустя господин Брейдфелд сменил место жительства. Последнее воспоминание о том времени: соседские дети роются в коробках с разбитыми грампластинками, надеясь найти что-нибудь целое. За день до своего переезда господин Брейдфелд выставил коробки на крыльцо.

Глядя на Тонио, я ухватился одной рукой за спинку стула.

— Пошел вон, извращенец! — сказал я. — Проваливай, иначе я за себя не ручаюсь.

Серж откашлялся и, поставив локти на стол, по обеим сторонам от своего десерта, соединил кончики пальцев.

— Мы все знаем, что произошло, — сказал он. — Факты налицо.

Он посмотрел на Клэр, потом на Бабетту, уже прекратившую плакать, но все еще прижимающую кончик салфетки к щеке под темными очками.

— Паул? — Он озабоченно повернулся ко мне. Не знаю, однако, была ли эта озабоченность искренней или наигранной.

— Да, что? — спросил я.

— Я полагаю, что ты тоже в курсе всех фактов?

Всех фактов. Я едва сдержал улыбку и посмотрел на Клэр.

— Конечно, — сказал я. — Вопрос — что именно понимать под фактами.

— Мы к этому еще вернемся. Сейчас главное — наши действия. Как мы обо всем расскажем.

Сначала я подумал, что ослышался, и снова посмотрел на Клэр. «У нас проблема», — сказала она несколько минут назад. «Теперь понимаешь?» — спрашивал ее взгляд.

— Подожди-ка, — сказал я.

— Паул. — Серж накрыл рукой мою ладонь. — Пожалуйста, позволь мне договорить. Придет и твоя очередь.

Гости за соседними столиками снова склонились над тарелками, но на открытой кухне было беспокойно. Три официантки окружили Тонио и метрдотеля, которые хоть и не смотрели в нашу сторону, но, готов поспорить на свой сырный десерт, обсуждали нас, то есть меня.

— Мы с Бабеттой говорили сегодня с Риком, — сказал Серж. — У нас сложилось впечатление, что Рик безумно страдает и несказанно сожалеет о содеянном. Он буквально не спит ночами. Плохо выглядит. Плохо учится.

Я снова было открыл рот, но сдержался. По тону моего брата я почувствовал, что тот пытался выгородить своего сына. Рик не спит. Рик плохо выглядит. Рiku очень жаль. Нам с Клэр следовало вступить за Мишела. Но что мы могли сказать? Что Мишелу тоже жаль? Что он выглядит еще хуже Рика?

Это была ложь. Мишела занимали другие вещи. Ему некогда было думать о подожженной бомжихе. И что там Серж несет об учебе? К чему это предисловие, подумал я.

И решил взять слово только после Клэр. Если Клэр скажет, что в свете всего случившегося говорить о школьных успехах неуместно, я ее поддержу. Успеваемость Мишела никого не касается.

«Пострадала ли вообще успеваемость Мишела от недавних событий?» — спросил я себя секунду спустя. По-моему, нет. В этом смысле он тверже стоит на ногах, чем его двоюродный брат.

— С самого начала я старался отнестись к случившемуся, абстрагируясь от собственного политического будущего, — сказал Серж. — Впрочем, не стану утверждать, что я о нем не думал.

Судя по всему, Бабетта снова заплакала. Беззвучно. У меня закралось ощущение, что я присутствую там, где мне присутствовать совсем бы не хотелось. Я подумал о Билле и Хиллари Клинтон. Об Опре Уинфри.

Так что же это? Неужели генеральная репетиция пресс-конференции, на которой Серж Ломан признается, что мальчик из телепередачи «Внимание: розыск!» не кто иной, как его сын, но он все-таки по-прежнему рассчитывает на доверие избирателей? Неужели он столь наивен?

— Сейчас меня в первую очередь волнует будущее Рика, — сказал Серж. — Конечно, вполне возможно, что следствие никогда не найдет виновных. Но сможем ли мы продолжать нормальную жизнь? Сможет ли Рик жить с этим? Сможем ли мы? — Он взглянул сначала на Клэр, а потом на меня. — Вы сможете? — спросил он. — Я — нет, — продолжил он, не дожидаясь ответа. — Я представляю, как стою на ступеньках королевской резиденции с королевой и министрами. Зная при этом, что в любой момент, на любой пресс-конференции какой-нибудь журналист поднимет руку: «Господин Ломан, оправданны ли слухи о том, что ваш сын был причастен к убийству бездомной женщины?»

— Убийству! — вскрикнула Клэр. — С чего ты взял, что это убийство?

На секунду воцарилось молчание. Слово «убийство», несомненно, услышали как минимум за четырьмя соседними столиками. Серж оглянулся, а затем посмотрел на Клэр.

— Извини, — сказала она. — Я погорячилась. Но это не имеет значения. Мне кажется, что «убийство» — это слишком.

Я восхищенно глядел на свою жену. В гневе она была еще прекраснее. Особенно ее глаза, ее взгляд приводил мужчин в замешательство. Других мужчин.

— А как бы ты это назвала, Клэр? — Серж взял со стола десертную ложку и начал ковырять свое растаявшее мороженое. Это была ложка с очень длинной ручкой, и все-таки он умудрился перепачкать мороженым кончики пальцев.

— Несчастный случай, — сказала Клэр. — Неудачное стечение обстоятельств. Никто в здравом рассудке не будет утверждать, что в тот вечер они направились к банкомату, чтобы убить бездомную женщину.

— Но именно это и зафиксировано на видеокадрах! Именно это и видела вся Голландия. Можешь не называть это умышленным убийством, назови непредумышленным, но женщина и пальцем не успела пошевелинуть, чтобы защититься. Сначала ей в голову запустили лампой, потом стулом и, наконец, канистрой.

— Что она делала в этом закутке?

— Это не важно. Бездомные — повсюду. К сожалению. Они спят там, где могут хоть чуточку согреться. Там, где сухо.

— Но она им мешала, Серж. С таким же успехом она могла бы разлечься у входа в ваш дом. Там тоже наверняка тепло и сухо.

— Давайте попытаемся сосредоточиться на главном, — сказала Бабетта. — Я действительно не думаю...

— Это и есть главное, дорогуша. — Клэр накрыла рукой ладонь Бабетты. — Только не обижайся, но если послушать Сержа, то можно подумать, будто речь идет о несчастном птенчике, выпавшем из гнезда. А на самом деле это взрослый человек. Взрослая женщина, которая сознательно устраивает себе ночлег в кабине банкомата. Пойми меня правильно: я лишь пытаюсь поставить себя на место Мишела и Рика. На место наших сыновей. Они не были пьяны или накачаны наркотиками. Они лишь хотели снять немного денег. Но у банкомата кто-то лежал и вонял. Естественная реакция — им захотелось прогнать его оттуда.

— Они могли бы поискать другой банкомат.

— Другой? — Клэр рассмеялась. — Ну конечно. Всегда можно пойти окольными путями. Вот ты, Серж, что бы ты сделал? Представь, что ты открываешь дверь собственного дома и видишь на пороге спящую бомжиху. Как бы ты поступил? Перешагнул через нее или остался дома? А если кто-то мочился бы на твою дверь? Ты бы тоже просто ее закрыл? Переехал бы в другой дом?

— Клэр... — сказала Бабетта.

— О'кей, о'кей, — сказал Серж. — Твоя точка зрения ясна. Я и не спорю. Конечно, мы не должны прятаться от проблем или сложных ситуаций. Но проблемы нужно решать. А лишать бездомных жизни — это не решение.

— Господи, Серж! — воскликнула Клэр. — Я не говорю здесь о решении проблем всех бездомных. Речь идет об одной конкретной бездомной. Вернее, о Рике и Мишеле. Я не отрицаю того, что случилось. И мне тоже не по себе. Но мы должны посмотреть на произошедшее объективно. Это был несчастный случай. Несчастный случай, который может повлечь серьезные последствия для жизни и будущего наших детей.

Серж вздохнул и положил обе руки на стол; он пытался поймать взгляд Бабетты, но та поставила на колени сумочку и что-то в ней искала или делала вид, что ищет.

— Верно, — сказал он. — Будущего. Как раз об этом я и хотел поговорить. Я точно так же озабочен будущим наших детей, как и ты, Клэр. Только я не верю, что они смогут жить с таким грузом. Когда-то он их придавит к земле и сломает. Во всяком случае, Рiku уже нелегко, — он снова вздохнул, — да и мне тоже.

Мне в очередной раз показалось, что я присутствую при разговоре, имеющем лишь опосредованное отношение к реальности. К нашей реальности, во всяком случае, реальности двух супружеских пар — двух братьев и их жен, — собравшихся в ресторане, чтобы обсудить проблемы своих детей.

— Ради будущего моего сына я сделал для себя определенные выводы, — сказал Серж. — Скоро, когда все будет позади, Рик снова заживет нормальной жизнью. Хочу подчеркнуть, что это решение я принял единолично. Моя жена... Бабетта... — Бабетта выудила из сумочки нераспечатанную пачку «Мальборо лайт» и сорвала с нее

прозрачную пленку. — Бабетта со мной не согласна. Но решение принято. Она тоже узнала о нем лишь сегодня.

Он перевел дыхание. Затем посмотрел на каждого из нас по очереди. Только теперь я заметил влажный блеск в его глазах.

— В интересах моего сына и в интересах страны я отказываюсь от поста лидера партии, — сказал он.

Затянувшись, Бабетта вынула сигарету изо рта. Посмотрела на нас с Клэр.

— Дорогая Клэр, — сказала она. — Дорогой Паул... вы должны что-то сказать. Скажите ему, что он не может так поступить. Скажите ему, что он сошел с ума.

— Это невозможно, — сказала Клэр.

— Конечно нет, — сказала Бабетта. — Видишь, Серж. А ты как думаешь, Паул? Ты ведь тоже считаешь это сумасбродством? Это ведь никому не нужно?

Лично мне мысль о завершении политической карьеры моего брата была по душе, все бы от этого только выиграли: наша семья, наша страна, — судьба уберегла бы страну от четырехлетнего срока правления Сержа Ломана (эти четыре года дорого обошлись бы его согражданам). Я представил себе немислимое, картинки, которые мне всегда успешно удавалось вытеснить из сознания: Серж Ломан рядом с королевой на ступеньках королевской резиденции, позирует для официального снимка вместе с вновь образованным правительством; с Джоржем Бушем в кресле у камина; с Путиным на теплоходе во время прогулки по Волге. «По окончании европейского саммита премьер-министр Ломан и президент Франции подняли бокалы...» Первое ощущение — стыд от самой мысли, что главы правительств всего мира окажутся в обществе этой пустышки — моего братца. Что в Белом доме и на Елисейских полях он в три приема проглотит свой турнедо, потому что именно там ему приспичит что-нибудь съесть. Многозначительные взгляды, которыми обмениваются главы правительств. «He's from Holland»,^[14] — скажут они или только подумают, что еще хуже. Все затмевающий стыд на все времена. Стыд за нашего премьера, единственное чувство, неразрывно связывающее нынешнее голландское правительство со следующим.

— Может, ему следует еще раз хорошенько все взвесить, — обратился я к Бабетте, пожимая плечами.

Но еще более страшным видением казался Серж, сидящий за столом у нас дома, в таком близком до сих пор, но, к счастью, отделившемся теперь будущем, — Серж, разглагольствующий о встречах с великими мира сего. Бессодержательный треп, напичканный банальностями. Мы-то с Клэр еще могли слушать его вполуха, но Мишел? Волей-неволей наш сын проникся бы закулисными историями, осеняющими моего брата неким дополнительным ореолом и оправдывающими присутствие этой

всемирно значимой фигуры за нашим столом. «Хватит брюзжать, Паул! Ты же видишь, как интересно твоему сыну!»

Моему сыну. Мишелу. Я размышлял о будущем, не задумываясь, есть ли оно у нас вообще.

— Взвесить? — переспросила Бабетта. — В этом-то и загвоздка. Если бы он мог!

— Мы не о том, — сказала Клэр. — Просто Серж не имеет права принимать подобное решение в одиночку.

— Да. Ведь я его жена! — сказала Бабетта и снова всхлипнула.

— Не в этом дело, — сказала Клэр, глядя на Сержа. — А в том, что нужно считаться со всеми нами. Это касается нас всех. Нас четверых.

— Поэтому-то я и хотел собраться, — сказал Серж. — Чтобы совместно обсудить, как поступить.

— В смысле? — уточнила Клэр.

— Как рассказать об этом. Так, чтобы дать нашим детям шанс на честную жизнь.

— Но ты не даешь им никакого шанса, Серж. Ты просто хочешь объявить, что уходишь из политики. Что не хочешь становиться премьер-министром. Потому что сам не можешь жить с этой ложью, так?

— А ты можешь?

— Речь не обо мне. Речь о Мишеле. И Мишелу придется научиться с ней жить.

— Но ты сама разве можешь?

— Серж, не валяй дурака. Ты принимаешь решение. Этим решением ты берешь на себя ответственность за судьбу своего сына. Это твое дело. Хотя я сомневаюсь, что ты осознаешь все последствия такого решения. Но своим решением ты разрушаешь будущее и моего сына.

«Моего сына». Клэр сказала: «Моего сына»; она могла бы сейчас мельком взглянуть на меня, в поисках поддержки или хотя бы понимания, а затем поправиться и сказать: «Нашего сына», — но она этого не сделала. Она даже не смотрела в мою сторону, ее взгляд был прикован исключительно к Сержу.

— Ах, о чем ты говоришь, Клэр, — сказал мой брат. — Его будущее и так разрушено. Что бы ни случилось. Мое решение никак на

него не повлияет.

— Нет, Серж. Его будущее будет разрушено, если ты станешь корчить из себя благородного политика. А мой сын для тебя — просто удобный повод. Может, с Риком ты и найдешь общий язык — надеюсь, он объяснит тебе, что на самом деле ты собираешься сделать с его жизнью, — но не впутывай, пожалуйста, сюда Мишела.

— Как же я могу не впутывать Мишела, Клэр? Каким образом? Объясни мне. Они ведь, по-моему, были вместе. Или ты собираешься это отрицать? — Он сделал паузу, как будто сам испугался собственной незаконченной мысли. — Ты к этому ведешь, да?

— Серж, спустись на землю. Никакого преступления не было. Никого не арестовали. У следствия даже нет подозреваемых. Только мы знаем, что произошло. К чему жертвовать будущим двух пятнадцатилетних мальчиков? Своим будущим ты волен распоряжаться как считаешь нужным. Но ты не имеешь права тащить за собой других. Тем более собственного сына. Не говоря уже о моем. Ты преподносишь свой поступок как акт самопожертвования: Серж Ломан, многообещающий политик, наш следующий премьер-министр, уходит из политики, потому что не может жить с подобным грехом на совести. Хотя вообще-то он боится не греха, а скандала. Его поступок выглядит весьма благородно, но, по сути, продиктован чистейшим эгоцентризмом.

— Клэр, — сказала Бабетта.

— Подожди-ка, — перебил ее Серж, жестом призывая ее помолчать. — Позволь мне ответить. — Он снова обратился к Клэр. — Дать шанс сыну на честную жизнь — ты это считаешь эгоцентризмом? Или то, что отец жертвует собственным будущим ради будущего сына? Ты мне, по крайней мере, должна объяснить, в чем именно здесь заключается эгоцентризм!

— А что ты подразумеваешь под этим будущим? Что твоему сыну делать с будущим, в котором отец сажает его на скамью подсудимых? Как растолковать ему, что стараниями собственного отца он попал за решетку?

— Но это вроде бы всего на несколько лет. Больше за непредумышленное убийство у нас в стране не дают. Не отрицаю, это будет тяжело, но зато уже через пару лет они смогут постепенно начать новую жизнь. Ну а что, по-твоему, нам делать, Клэр?

— Ничего.

— Ничего, — повторил Серж с констатирующей интонацией, без знака вопроса.

— Подобные инциденты быстро забываются. Это уже происходит. Сегодня люди кричат: «Позор!» Но у них полно своих забот. Через два-три месяца никто об этом и не вспомнит.

— Я говорю о другом, Клэр. Я... Мы замечаем, что Рик страдает. Может, люди и забудут, но он — нет.

— Наша задача помочь им в этом, Серж. Я лишь говорю о том, что такие решения не принимаются наспех. Через несколько недель, месяцев страсти улягутся. И тогда мы сможем спокойно поговорить об этом. Мы. Вчетвером. С Риком и Мишелом.

И с Бо, хотел добавить я, но сдержался.

— К сожалению, это невозможно, — сказал Серж.

В повисшей тишине были слышны лишь всхлипывания Бабетты.

— На завтра назначена пресс-конференция, на которой я объявлю о своей отставке, — сказал Серж. — Завтра утром, в двенадцать часов. Пресс-конференция будет транслироваться в прямом эфире, открывая полуденный выпуск новостей.

Он посмотрел на часы.

— О, уже так поздно? — сказал он, даже не позаботившись о том, чтобы это прозвучало естественно. — Я должен... у меня назначена встреча. Через полчаса.

— Встреча? — спросила Клэр. — Но нам надо... с кем?

— Режиссер хотел бы обсудить со мной место проведения пресс-конференции и кое-какие детали. Я подумал, такого рода конференцию лучше не устраивать в Гааге. Это не в моем стиле. Поэтому я искал что-то менее официальное...

— Где? — спросила Клэр. — Надеюсь, не здесь?

— Нет. В кафе напротив, куда вы водили нас несколько месяцев назад. Мы там тогда тоже ужинали. — Он произнес название кафе. — Когда я размышлял о подходящем месте, я вспомнил об этом кафе. Обычном кафе. Для обычных людей. Там я чувствую себя гораздо свободнее, чем в каком-нибудь бездушном конференц-зале. Я еще предложил Паулу выпить там сегодня пива перед тем, как прийти сюда, но он не захотел.

— Не желаете ли кофе?

Метрдотель вынырнул рядом с нашим столиком, сложив руки за спиной и слегка наклонившись вперед; на мгновение его взгляд задержался на растаявшем мороженом Сержа, после чего он вопросительно посмотрел на каждого из нас.

Я мог ошибаться, но в выражении лица и движениях метрдотеля прочитывалась некоторая торопливость. Подобное явление часто наблюдается в ресторанах такого уровня: после того как клиент поел и реального шанса на то, что он закажет еще бутылку вина, нет, он может катиться ко всем чертям.

«Даже если через семь месяцев ты премьер-министр, — подумал я. — Поели — пора и честь знать».

Серж снова взглянул на часы.

— Думаю... — сказал он, переводя взгляд с Бабетты на Клэр. — Я предлагаю выпить кофе позже... в кафе.

«Бывший, — поправился я. — Бывший премьер-министр. Или нет... как называют того, кто, еще не став премьер-министром, уже отказывается от этой должности? Бывший кандидат?»

В любом случае определение «бывший» звучит не слишком лестно. Бывшие футболисты и бывшие велосипедисты могут это подтвердить. Сомневаюсь, что после завтрашней пресс-конференции мой брат еще сможет забронировать столик в этом ресторане без очереди. Скорее всего, бывшему кандидату придется ждать как минимум три месяца.

— Я бы выпил кофе здесь, — сказал я. — Эспрессо. С чем-нибудь крепким.

Целый вечер я ограничивал себя в алкоголе и с ходу не мог сообразить, чего именно мне хотелось.

— Я тоже возьму эспрессо, — сказала Клэр. — И граппу.

Моя жена. Я почувствовал, как по телу разливается тепло. Жаль, что я не сидел рядом с ней и не мог ее коснуться.

— Мне тоже граппу, пожалуйста, — сказал я.

— А вам? — Метрдотель, похоже, пребывал в замешательстве, глядя на моего брата.

Но Серж покачал головой.

— Только счет, — сказал он. — Моя жена и я... мы должны...

Он бросил на жену панический взгляд, отметил я про себя. Меня бы не удивило, если бы Бабетта сейчас тоже заказала эспрессо.

Но Бабетта перестала всхлипывать и вытерла нос кончиком салфетки.

— Мне ничего, спасибо, — сказала она, не глядя на метрдотеля.

— Значит, два эспрессо и две граппы, — подытожил он. — Какую граппу вы предпочитаете? У нас в ассортименте семь сортов, от «старой», выдержанной в деревянных бочках, до «молодой»...

— Обычную, — прервала его Клэр. — Прозрачную.

Метрдотель едва заметно поклонился.

— Молодую граппу для госпожи, — сказал он. — А для вас, господин?

— То же самое.

— И счет, — повторил свою просьбу Серж.

После того как метрдотель удалился, Бабетта обратилась ко мне, пытаясь улыбнуться:

— Ну а ты, Паул? Ты еще не проронил ни слова. Как ты считаешь?

— Я считаю странным то, что Серж выбрал наше кафе, — сказал я.

Улыбка или ее подобие исчезла с лица Бабетты.

— Паул, пожалуйста, — сказал Серж и посмотрел на Клэр.

— Да, я считаю это странным, — повторил я. — Мы с Клэр пригласили вас тогда в кафе, где мы частенько перекусываем. Ты не можешь вот так запросто устроить там пресс-конференцию.

— Паул, — сказал Серж. — Не знаю, насколько ты понимаешь всю серьезность...

— Дай ему договорить, — сказала Бабетта.

— Да я уже, собственно, закончил, — ответил я. — Для непонятливых мне добавить нечего.

— Нам понравилось это кафе, — сказала Бабетта. — У нас исключительно приятные воспоминания о том вечере.

— Ребрышки! — сказал Серж.

Я подождал еще каких-нибудь реплик, но все молчали.

— Вот именно, — сказал я. — Приятные воспоминания. А какие воспоминания после завтрашней пресс-конференции останутся у нас с Клэр?

— Паул, давай по-человечески, — разозлился Серж. — Речь идет о будущем наших детей. О моем будущем я даже не заикаюсь.

— Но он прав, — вступилась за меня Клэр.

— О нет, пожалуйста, — сказал Серж.

— Не стоит так раздражаться, — сказала Клэр. — Просто ты с поразительной легкостью присваиваешь себе абсолютно все — вот что Паул имеет в виду. Ты говоришь о будущем наших детей. Но по существу ты в нем ни капельки не заинтересован, Серж. Ты присваиваешь это будущее. С такой же легкостью, с какой ты присваиваешь кафе, если оно подходит тебе в качестве антуража для пресс-конференции. Только потому, что идет на пользу твоему имиджу. Тебе даже в голову не пришло спросить нас, что мы об этом думаем.

— О чем вы говорите! — возмутилась Бабетта. — Вы рассуждаете о пресс-конференции как о решенном деле. А я-то надеялась, вы сумеете убедить его выбросить из головы этот вздор. Я надеялась на тебя, Клэр. После того что ты сказала мне в саду.

— Так дело в кафе? — спросил Серж. — В вашем кафе? Да я вообще не знал, что это *ваше* кафе. Я полагал, что это публичное, общедоступное заведение. Прошу меня простить.

— Дело в нашем сыне, — сказала Клэр. — И да, это наше кафе. Мы, конечно, не можем предъявить на него свои права, но мы так чувствуем. Я согласна с Паулом, это невозможно объяснить. Это нужно понять без слов.

Серж вытащил из кармана сотовый и взглянул на дисплей.

— Прошу прощения, мне надо ответить на этот звонок.

Он приложил телефон к уху, отодвинул стул и приподнялся.

— Да, Серж Ломан слушает. Алло!

— Черт побери! — Бабетта швырнула салфетку на стол. — Черт!

Серж отошел от столика на несколько шагов, согнулся и зажал пальцами другое ухо. «Нет, это не так, — донеслось до меня. — Ситуация гораздо сложнее». После чего он двинулся в сторону туалетов и выхода.

Клэр тоже достала из сумки мобильник.

— Позвоню Мишелу, — сказала она, глядя на меня. — Который час? Не хочу его будить.

Я не ношу часов. С тех пор как я потерял работу, я стараюсь соотносить свою жизнь с положением солнца, яркостью света и вращением Земли.

Клэр знала, что я больше не ношу часов.

— Понятия не имею, — сказал я, почувствовав покалывание в шее.

Моя жена продолжала пристально на меня смотреть, словно я был причастен к чему-то ужасному, хотя в тот момент я не представлял, к чему именно.

Лучше так, чем вообще ни в чем не участвовать, подумал я. Лучше, чем «папа ничего не знает».

Клэр отвернулась.

— Что случилось? — спросила Бабетта.

— Который час? — спросила Клэр.

Бабетта в свою очередь вынула из сумочки телефон, взглянула на экран и назвала время. И не убрала обратно в сумку, а положила перед собой на стол. И не сказала Клэр: «Ты же можешь посмотреть время на своем мобильнике».

— Наше солнышко целый вечер сидит один дома, — сказала Клэр. — Ему уже почти шестнадцать, и он считает себя взрослым, хотя еще совсем ребенок...

— В чем-то они уже не дети, — сказала Бабетта.

Клэр секунду помедлила с ответом, облизывая кончиком языка нижнюю губу — явный признак того, что она рассержена.

— Иногда мне кажется, что именно в этом наша ошибка, — сказала она. — Может, мы чересчур упрощенно рассуждаем, Бабетта. Об их возрасте. В глазах некоторых они вдруг резко повзрослели, поскольку совершили то, что мы, взрослые, называем преступлением. Но я считаю, что сами они ведут себя все еще как дети. Эту мысль я хотела донести и до Сержа. Что мы не вправе отнимать у них их детство только потому, что по нашим взрослым меркам они совершили преступление, за которое им предстоит расплачиваться всю жизнь.

Бабетта глубоко вздохнула.

— К сожалению, ты права, Клэр. Что-то исчезло — непринужденность, наверное. Рик всегда был... ну, ты знаешь, каким

он был. Этого Рика больше нет. Последние недели он только сидит запершись в своей комнате. За столом молчит. У него такое лицо, будто его что-то мучает. Раньше за ним такого не водилось.

— И здесь очень важна ваша реакция. Может, он изводит себя только потому, что вы от него этого ждете.

Бабетта на мгновение умолкла; она положила руку на стол и кончиками пальцев отодвинула от себя мобильник.

— Не знаю, Клэр. Его отец... У отца на его счет завышенные ожидания. Хотя, возможно, говорить так и не совсем честно. Но факт остается фактом — Рiku часто приходится нелегко из-за отца. В школе. С друзьями. Ему пятнадцать, он еще полностью зависит от родителей. А тем более от отца, которого каждый день показывают по телевизору. Иногда Рик сомневается в искренности своих друзей. Он думает, что с ним дружат только из-за известности его папочки. Или, наоборот, что учителя порой несправедливы к нему из зависти. Помню, как, переходя в среднюю школу, он сказал: «Мама, у меня такое чувство, что я начинаю жизнь с чистого листа!» Он так радовался! Но не прошло и недели, как вся школа знала, чей он сын.

— А сейчас вся школа узнает еще кое-что. Стараниями Сержа.

— Я об этом постоянно ему твержу. Что Рик и так страдает из-за отцовской известности. А теперь отец хочет втянуть его и в эту свистопляску, из которой ему уже никогда не выбраться.

Я подумал о Бо, приемном сыне из Африки, который, по мнению Бабетты, и мухи не обидит.

— Мишел как раз не утратил того, что ты называешь непринужденностью. Конечно, у него нет знаменитого отца, но все же... Происшедшее его не мучает. Иногда я даже тревожусь оттого, что он, похоже, не понимает, к каким последствиям может привести этот инцидент, имея в виду его будущее. В этом он сущий ребенок. Беззаботный ребенок, а не страдающий, рано постаревший взрослый. Мы с Паулом тоже бились над проблемой: как внушить ему чувство ответственности за свои поступки, не отняв у него детской невинности.

Я посмотрел на свою жену. «Мы с Паулом...» Давно ли мы с Клэр еще полагали, что другой ни о чем не догадывается? Час назад? Пятьдесят минут? Я перевел взгляд на нетронутый десерт Сержа: так же как по кольцам на стволе дерева можно определить его возраст, по

растаявшему ванильному мороженому можно, наверное, измерить истекшее время.

Я посмотрел в глаза Клэр, в глаза женщины, символизировавшей для меня счастье. Без жены я бы ничего не достиг в этой жизни, говорят сентиментальные мужчины (как называют сами себя мужчины неуклюжие), в действительности подразумевая лишь то, что их жены вытирают за ними грязь и в любое время суток подают им кофе. Так далеко я заходить не стану: без Клэр я бы *многого* не достиг.

— Мы с Клэр настаивали на том, чтобы Мишел продолжал жить своей жизнью. Мы не хотим навязывать ему чувство вины. Конечно, он виноват, но и бездомная, забравшаяся в кабину банкомата, тоже не без греха. Вокруг только и слышишь: современная молодежь отбилась от рук. Никто никогда не говорит о бомжах, слоняющихся где попало. Судьи, желающие наказать молодых в назидание другим, пекутся о собственных детях. Которых, возможно, тоже не могут удержать в узде. Мы не хотим отдавать Мишела на растерзание толпе, жаждущей крови, той толпе, которая ратует за введение смертной казни. Мишел нам слишком дорог, чтобы принести его в жертву животным инстинктам масс. Кроме того, он и сам не допустит этого, потому что слишком умен.

Клэр не отрываясь смотрела на меня, пока я произносил свой монолог. Ее взгляд и улыбка, которой она меня одарила, тоже были составляющими нашего счастья. Счастья, которому по плечу любые трудности, счастья, способного устоять под натиском посторонних.

— Это правда! — сказала Клэр, поднимая руку со своим мобильником. — Я собиралась позвонить Мишелу. Который час, ты сказала? — обратилась она к Бабетте, нажимая на кнопку и продолжая смотреть на меня.

И снова Бабетта посмотрела на дисплей своего телефона и назвала время.

Не буду говорить, сколько в тот момент было времени. Точное время порой оборачивается против тебя.

— Привет, солнышко! — сказала Клэр. — Как у тебя дела? Не скучаешь?

Я взглянул на лицо моей жены, которое всегда озарялось особым светом во время телефонных разговоров с нашим сыном. Сейчас она смеялась и говорила бодрым голосом, но лицо не сияло.

— Нет, мы еще выпьем кофе и через час будем дома. Так что ты еще успеешь убраться. Что ты ел на ужин?

Она слушала, кивала, несколько раз сказала «да», «нет» и со словами «Пока, солнышко» нажала «отбой».

То ли по ее несияющему лицу, то ли из-за того, что она и словом не обмолвилась о нашей с сыном встрече в саду ресторана, я сразу догадался, что перед нами был разыгран спектакль.

Но для кого предназначался этот спектакль? Для меня? Вряд ли. Для Бабетты? Но с какой целью? Клэр дважды спрашивала о времени, словно хотела заставить Бабетту запомнить этот момент.

Папа ничего не знает.

А папа вдруг взял да узнал.

— Эспрессо для... — Это была одна из официанток, одетых в черное. В руке она держала серебряный поднос с двумя чашечками эспрессо и двумя крошечными рюмочками граппы.

Пока она расставляла перед нами чашечки и рюмочки, моя жена выпятила губы, как для поцелуя.

Посмотрев на меня, она чмокнула воздух.

Дижестив

Не так давно Мишел написал сочинение по истории на тему смертной казни. Поводом к работе послужил документальный фильм про убийц, которые, отсидев положенный срок, возвращаются в общество и тут же совершают новое убийство. Свое мнение в фильме высказывали сторонники и противники смертной казни. Один американский психиатр утверждал, что некоторых людей вообще нельзя выпускать на свободу. «Нам следует принять тот факт, что среди нас есть настоящие чудовища, — сказал психиатр, — которым ни при каких условиях нельзя смягчать меру наказания».

Спустя несколько дней первые наброски сочинения Мишела лежали на столе. На обложку своей работы он поместил скачанную из Интернета фотографию кресла, на котором приговоренным к высшей мере наказания в некоторых американских штатах делают смертельную инъекцию.

— Если я чем-то могу тебе помочь... — бросил я, и через какое-то время он показал мне первый черновой вариант.

— Скажи, можно такое сдавать? — спросил Мишел.

— Почему нет?

— Не знаю. Иногда я думаю о таких вещах... я не уверен, что так вообще можно думать.

Черновик произвел на меня впечатление. Пятнадцатилетний Мишел смотрел свежим взглядом на различные аспекты преступлений и связанных с ними наказаний. Ряд моральных дилемм он продумал досконально. Я понял, почему он в принципе сомневался в допустимости некоторых своих мыслей.

— Очень хорошо, — сказал я, возвращая ему работу. — Я бы на твоём месте не волновался. Ты имеешь право на собственную точку зрения. Не следует уже сейчас жать на тормоза. Ты предельно ясно излагаешь свои соображения. Придаться не к чему.

С того дня он давал мне читать все последующие версии. Мы обменивались мнениями о нравственном выборе. О том периоде я сохранил наилучшие воспоминания.

Меньше чем через неделю после того, как Мишел сдал свою работу, меня вызвали к директору школы. Мне позвонили и

пригласили прийти побеседовать о моем сыне, назначив день и час. По телефону я расспросил о подробностях предстоящей встречи, хотя, конечно, подозревал, что речь пойдет о сочинении Мишела, но директор не стал распространяться о причине вызова. «Я бы хотел кое-что с вами обсудить, однако это не телефонный разговор», — сказал он.

В назначенный день я нарисовался в директорской приемной. Директор пригласил меня сесть напротив него за письменный стол.

— Я бы хотел поговорить с вами о Мишеле, — начал он без обиняков.

Я подавил искушение ответить: «Ну о ком же еще!» — закинул ногу на ногу и принял позу внимательного слушателя.

На стене над его головой висел большущий плакат какой-то международной организации помощи, то ли Оксфордского общества помощи голодающим, то ли ЮНИСЕФ; на нем — сухой, потрескавшийся клочок земли, явно неплодородной, а в нижнем левом углу ребенок в лохмотьях протягивает воображаемому зрителю тощую ручонку.

Плакат заставил меня держать ухо востро. Директор наверняка противник глобального потепления и несправедливости в целом. Возможно, он не ест мяса млекопитающих и не любит американцев, во всяком случае Буша. Последнее обстоятельство дает право больше вообще ни о чем не заботиться. Если ты против Буша, значит, с тобой все в порядке и ты волен вести себя с окружающими как тебе заблагорассудится.

— До сих пор мы были весьма довольны Мишелом, — сказал директор.

В кабинете неприятно пахло — не потом, скорее мусором, точнее, пищевыми отходами, которые выбрасывают в «зеленый» контейнер. Я не мог отделаться от ощущения, что запах исходит от самого директора; может, он не пользуется дезодорантом, оберегая озоновый слой, или, может, жена стирает его одежду порошком, щадящим окружающую среду; как известно, белое белье от этого со временем становится серым — во всяком случае, белизну оно теряет навсегда.

— Однако недавно он написал сочинение по истории, которое нас немного беспокоило, — продолжил директор. — Учитель истории,

господин Халсема, обратил внимание на эту работу и попросил меня разобраться.

— О смертной казни, — уточнил я, чтобы разом прекратить это хождение вокруг да около.

Директор поднял на меня свои серые, лишенные всяческого выражения глаза — скучающий взгляд человека заурядных умственных способностей, полагающего, что он в этом мире уже все познал.

— Верно, — подтвердил он, принявшись листать какие-то бумаги. «Смертная казнь» — увидел я знакомые белые буквы на черной обложке с изображением кресла. — Речь идет в основном о следующих отрывках, — сказал директор. — Вот: «... учитывая, сколь бесчеловечно осуществление смертной казни государством, невольно задаешься вопросом, не лучше ли некоторых преступников гораздо раньше...».

— Вы можете мне не зачитывать, я знаю содержание этой работы.

По выражению лица директора можно было догадаться, что он не привык, чтобы его перебивали.

— Ага, значит, вы ее читали?

— Не только читал, но и помогал ее сочинять. Небольшими советами. Большую часть мой сын, разумеется, написал сам.

— Однако вы, очевидно, не сочли нужным дать ему надлежащий совет в отношении раздела, который я назвал бы «осуществление самосуда»?

— Нет. Но я возражаю против такого термина.

— Как же вы тогда это бы назвали? Ваш сын однозначно высказывается в пользу лишения жизни подозреваемых, не дожидаясь справедливого судебного процесса.

— Но он также говорит о бесчеловечности смертной казни. Бездушная медицинская процедура, приводимая в исполнение государством. С помощью инъекционной иглы или электрического стула. Об ужасающих подробностях последней трапезы смертника, которую он вправе выбрать сам. Любимое блюдо напоследок, будь то шампанское с черной икрой или двойной гамбургер из «Бургер Кинга».

Я оказался перед выбором, с которым рано или поздно сталкивается каждый родитель: в своем желании вступить за

собственных детей все же не следует их защищать слишком рьяно. Учителя выслушают все ваши доводы, а потом отыграются сполна на вашем же ребенке. Сколь бы ни были убедительны приведенные вами аргументы (что не так уж сложно), расплачиваться в конце концов придется ребенку — учителя выместят на нем свой гнев от поражения в дискуссии с вами.

— Мы все так считаем! — сказал директор. — Любой нормальный, здравомыслящий человек считает смертельную казнь негуманной. И Мишел очень хорошо это описал. Но меня волнует та часть, где он, вольно или невольно, оправдывает ликвидацию подозреваемых прежде, чем доказана их вина.

— Я считаю себя нормальным и здравомыслящим. Я тоже считаю смертную казнь жестокой карой. Но, к сожалению, в этом мире мы живем с жестокими людьми. Должны ли эти жестокие люди, после того как им скостили срок за хорошее поведение, возвращаться в общество? Вот что, по-моему, Мишел имеет в виду.

— Значит, их можно без суда и следствия расстреливать или, как тут написано, — он пролистал сочинение, — «выбрасывать из окна»? Из окна десятого этажа полицейского участка, по-моему. Такое обращение с человеком, мягко говоря, не принято в правовом государстве.

— Нет, вы вырываете его мысли из контекста. Речь идет о самой страшной человеческой породе, Мишел говорит здесь о насильниках-педофилах, об извращенцах, которые годами держат детей у себя в подвалах. Кроме того, есть и другие важные факторы. Во время суда вся эта грязь выплывает наружу во имя «честного судебного разбирательства». А кому это надо? Родителям этих детей? Этот ключевой момент вы упускаете. Нет, цивилизованные люди не выбрасывают друг друга из окон. И у них по чистой случайности не выстреливает пистолет во время перевозки преступника из полицейского участка в тюрьму. Но мы говорим здесь не о цивилизованных людях. Мы говорим здесь о людях, после смерти которых все с облегчением вздыхают.

— Да, так там и написано. Случайно пустить подозреваемому пулю в лоб. В полицейском фургоне. Теперь вспомнил. — Директор положил сочинение обратно на стол. — Это тоже был один из ваших «советов», господин Ломан? Или ваш сын дошел до этого своим умом?

Что-то в его тоне заставило меня вздрогнуть; в тот же миг я почувствовал покалывание в кончиках пальцев или, точнее, я вообще перестал их чувствовать. Я насторожился. Конечно, мне хотелось похвалить работу Мишела — ведь она куда умнее, чем этот вонючий субъект по ту сторону стола, однако я должен был оградить моего сына от издевательств в будущем. А его могли временно отстранить от уроков или вообще выгнать из школы. В то время как Мишелу нравилось в этой школе, здесь у него были друзья.

— Наверное, это я своими убеждениями частично спровоцировал его на подобные мысли, — сказал я. — Я обычно не стесняюсь в выражениях насчет того, как следует поступить с подозреваемым в том или ином виде преступления. Возможно, в какой-то степени, осознанно или нет, я навязал Мишелу свою точку зрения.

Директор посмотрел на меня изучающим взглядом, насколько можно назвать изучающим взгляд человека с низким уровнем интеллекта.

— Только что вы утверждали, что большую часть работы Мишел написал сам.

— Верно. При этом я имел в виду в основном те фрагменты, где рассказывается о бесчеловечности приводимых государством в исполнение смертных приговоров.

Исходя из опыта, я знал, что, беседуя с недалекими людьми, лучше всего врать напрапую, предоставляя этим тупицам возможность отступить, не потеряв лица. К тому же я действительно не помнил, что в работе о смертной казни было навеяно моими рассуждениями, а что сочинил сам Мишел. Помню наш разговор за столом об убийце, всего на несколько дней вышедшем из тюрьмы и уже, судя по всему, снова кого-то пришившем. «Таких вообще нельзя выпускать на волю», — сказал тогда Мишел. «Нельзя отпускать на волю или нельзя держать в тюрьме?» — переспросил я. С пятнадцатилетним Мишелом мы обсуждали любые вопросы, он проявлял интерес ко всему: к войне в Ираке, терроризму, ситуации на Ближнем Востоке — в школе эти темы обходят, считал он. «Что ты имеешь в виду? Как это нельзя держать в тюрьме?» — спросил он. «То и имею, — ответил я. — Именно то, что сказал».

Я посмотрел на директора. Этот слизняк, уверовавший в глобальное потепление и возможность полного прекращения войн и

несправедливости на земле, скорее всего, полагает, что насильники и серийные убийцы поддаются лечению; что после нескольких лет болтовни с психиатром их можно аккуратно возвращать в общество.

Директор, до сих пор сидевший вальяжно развалившись в своем кресле, наклонился вперед, положив на стол обе ладони с растопыренными пальцами.

— Если я не ошибаюсь, вы тоже работали в системе образования? — спросил он.

Покалывания в пальцах меня не обманули: когда обладатели низкого интеллекта чувствуют, что терпят фиаско в споре, они обращаются к любым доступным им средствам.

— Я несколько лет преподавал в школе, — сказал я.

— Это было в... не так ли? — Он произнес название школы, до сих пор вызывающее во мне смешанные чувства, точно название болезни, от которой ты вроде бы излечился, но которая в любой момент может обнаружиться в другой части твоего тела.

— Да, — подтвердил я.

— Вас тогда отстранили от уроков.

— Не совсем так. Я сам взял тайм-аут. Я сказал, что вернусь, когда ситуация нормализуется.

Директор кашлянул и взглянул на листок бумаги на столе.

— Но вы так и не вернулись. По сути, вы уже десятый год как безработный.

— Временно безработный. При желании я уже завтра смог бы устроиться на работу.

— Согласно информации, присланной мне из... ваше трудоустройство зависит от психиатрического заключения. А отнюдь не от вашего желания.

И снова название той школы! Я ощутил, как дернулись мышцы под левым глазом, что другие запросто могли принять за нервный тик. Поэтому я притворился, будто мне что-то попало в глаз, и принялся отчаянно его тереть, тем самым лишь усугубив мышечные спазмы.

— Чушь, — сказал я. — Чтобы работать по профессии, мне не требуется разрешение психиатра.

Директор снова уткнулся в листок бумаги.

— Но здесь сказано обратное. Здесь написано...

— Можно мне взглянуть на этот документ? — Мой голос прозвучал резко, требовательно и недвусмысленно.

Тем не менее директор не сразу удовлетворил мою просьбу.

— Позвольте мне сперва договорить, — сказал он. — Несколько недель назад я случайно наткнулся на бывшего коллегу, в настоящее время работающего в... Точно не помню, почему речь зашла о вас — по-моему, мы говорили о колоссальной нагрузке в системе образования в целом. О переутомлении и связанных с этим нервных расстройствах типа синдрома эмоционального выгорания. Он упомянул имя, показавшееся мне знакомым. Сначала я не понял откуда. Но потом вспомнил о Мишеле. А затем и о вас.

— У меня никогда не было синдрома эмоционального выгорания. Это новомодная болезнь. И переутомления тоже не было.

Теперь директор принялся усиленно моргать, что при всем желании нельзя было назвать тиком — только признаком внезапной слабости. Или еще точнее — страха. Возможно, я неосознанно поменял интонацию — последние фразы я произнес нарочито медленно, медленнее, чем предыдущие, — и у директора замигали его сигнальные лампочки.

— Я и не говорю, что у вас был синдром эмоционального выгорания, — сказал он, барабаня пальцами по столу.

Он снова заморгал! Да, что-то изменилось. Менторский тон, которым он пытался навязать мне свои малодушные теории о смертной казни, исчез.

Теперь, помимо запаха пищевых отходов, я чуял еще кое-что: страх. Так же как собака чует, что ее боятся, я обонял едва уловимый кисловатый запах, которого прежде не было.

Думаю, что именно в тот момент я поднялся — точно не вспомню, провал в памяти. Не помню, было ли еще что-то сказано. Я поднялся со стула и посмотрел на директора сверху вниз.

Все, что происходило потом, объяснялось исключительно разницей в высоте: директор по-прежнему сидел и был уязвим, я же стоял, возвышаясь над ним. Вернемся к собакам: долгие годы хозяин кормит их и ласкает, а они служат ему верой и правдой, но в один прекрасный день хозяин спотыкается на улице и падает, и тут собаки набрасываются на него, вонзают свои зубы ему в горло и загрызают

намерть. Иногда еще и разрывают на мелкие кусочки. Это инстинкт: падение — признак слабости, то, что лежит на земле, — добыча.

— Я настоятельно прошу вас позволить мне взглянуть на этот документ, — сказал я исключительно для проформы, указывая на листок бумаги, прикрытый теперь рукой директора. Для проформы, потому что путь назад был отрезан.

— Господин Ломан, — успел произнести он.

После чего я ударил его кулаком в нос. Тут же хлынула кровь, много крови: она вытекала из его ноздрей, разбрызгиваясь по рубашке и столу, пачкая пальцы, которыми он ощупывал свой нос.

Между тем я обогнул стол и снова съездил ему по физиономии, чуть ниже, почувствовав боль в костяшках от его сломанных зубов. Он выкрикнул что-то неразборчивое, а я тем временем вытащил его из кресла. Несомненно, кто-то отзовется на его крик, через полминуты дверь директорского кабинета распахнется, но за полминуты можно учинить разгром, я полагал, что этой полминуты мне хватит с лихвой.

— Грязная, вонючая свинья, — прошипел я, очередной раз вмазав ему кулаком в лицо и коленом в живот. И тут я просчитался, никак не предполагая, что у директора еще остались силы; я не ожидал встретить сопротивление, планируя избивать его, пока не нагрянут учителя и не положат конец этому спектаклю.

Но он молниеносно вскинул голову, попав мне в челюсть, руками обхватил меня за ноги и с силой дернул, так что я потерял равновесие и рухнул на пол.

— Черт! — выругался я.

Директор побежал не к двери, а к окну, открыл его и прокричал:

— Помогите! На помощь!

Но я уже успел вскочить и подлететь к нему. За волосы я оттянул его назад и с силой шмякнул головой о подоконник.

— Мы еще не договорили! — крикнул я ему в ухо.

На школьном дворе толпилось много народу, в основном учащиеся. Наверняка была перемена. Все они смотрели вверх — на нас.

Я сразу заметил мальчика в черной шапочке; в этой толчее было приятно увидеть родное лицо. Он стоял чуть поодаль, у лестницы, ведущей к главному входу, в компании нескольких девушек и парня на скутере. На шее у мальчика в черной шапочке висели наушники.

Я помахал ему — это я хорошо помню — и попробовал улыбнуться. Я хотел дать ему понять, что потасовка наверху вовсе не так страшна, как может показаться со стороны. Просто у нас с директором возникли кое-какие разногласия по поводу сочинения Мишела, которые мы уже почти разрешили.

— Это был премьер-министр, — сказал Серж, садясь за стол и пряча мобильник в карман. — Он хотел уточнить содержание завтрашней пресс-конференции.

Один из нас мог бы сейчас спросить: «Ну? И что ты ему ответил?» Но все словно воды в рот набрали. Иногда, вопреки своему обыкновению, лучше промолчать. Если бы Серж рассказал анекдот, начинающийся, к примеру, с вопроса: «Почему китайцы никогда не ходят к парикмахеру вдвоем?» — то, скорее всего, повисла бы точно такая же тишина.

Мой брат взглянул на свой десерт, который, видимо, из вежливости до сих пор не унесли.

— Я ему ответил, что не хотел бы сегодня раскрывать содержание пресс-конференции. Он выразил надежду, что ни о чем серьезном речь не идет. Что я, например, не собираюсь отказываться от участия в выборах. Он так и сказал: «Мне было бы искренне жаль, если бы вы сейчас, за семь месяцев до выборов, сошли с дистанции».

Серж попробовал сымитировать манеру речи премьер-министра, но шарж получился неудачным.

— Я честно ответил, что еще обсуждаю этот вопрос с семьей и оставляю пространство для маневра.

Стоило премьер-министру вступить в должность, как он стал предметом шуток — по поводу его внешности, его суконных речей, его бесчисленных промахов. Однако постепенно к нему привыкли. Как привыкают к пятну на обоях.

— О, интересно! — сказала Клэр. — Значит, ты оставляешь пространство для маневра. А я-то думала, ты уже все решил. И за нас тоже.

Серж искал взглядом глаза жены, но та рассматривала свой мобильник, лежащий перед ней на столе.

— Да, я оставляю пространство для маневра, — вздохнул он. — Я хотел бы, чтобы мы приняли совместное решение. Как единая семья.

— Как мы всегда это делали, — сказал я.

Я вспомнил сгоревшие спагетти карбонара, кастрюлю, которой я запустил ему в голову, когда он попытался увезти от меня сына, но

воспоминания Сержа были, по-видимому, не столь мрачными, потому что его лицо вдруг расплзлось в приветливой улыбке.

— Да, — сказал он и посмотрел на часы. — Мне действительно... нам пора. Бабетта... счет еще не принесли?

Бабетта встала.

— Да, пошли, — сказала она и повернулась к Клэр. — Вы тоже идете?

Клэр подняла полупустую рюмку граппы.

— Идите. Мы вас догоним.

Серж протянул Бабетте руку. Я думал, что Бабетта проигнорирует этот жест, но она оперлась на его руку и даже предложила Сержу взять ее под локоть.

— Мы можем... — сказал он и улыбнулся. Он прямо-таки сиял, поддерживая жену за локоть. — Мы еще вернемся к нашему разговору. Пропустим в кафе по стаканчику и поговорим.

— Хорошо, Серж, — сказала Клэр. — Мы с Паулом допьем граппу и присоединимся к вам.

— Счет, — сказал Серж, похлопав по карманам пиджака в поисках кошелька или кредитной карточки.

— Не надо, — сказала Клэр. — Потом рассчитаемся.

И они ушли. Я смотрел им вслед, пока они двигались в сторону выхода. Мой брат под руку с женой. Лишь горстка гостей обернулась, когда они проходили мимо. Очевидно, к нему уже начали привыкать: после долгого здесь пребывания его лицо успело примелькаться.

Из открытой кухни вынырнул мужчина в белой водолазке — Тонио. Наверняка по паспорту он Антон. Серж и Бабетта остановились, чтобы раскланяться. Официантки торопились подать пальто.

— Ушли? — спросила Клэр.

— Почти, — ответил я.

Допив граппу, Клэр накрыла рукой мою ладонь.

— Ты должен что-то предпринять, — сказала она, легонько сжав мои пальцы.

— Да, — сказал я. — Мы должны его остановить.

Клэр обвила пальцами мою ладонь.

— Остановить его должен ты, — сказала она.

Я посмотрел на нее.

— Я? — спросил я, почувствовав, что не смогу отказать ей в просьбе.

— Ты должен ему помешать, — сказала Клэр.

Я не сводил взгляда с Клэр.

— Предприми что-нибудь, так чтобы завтра он не смог появиться на пресс-конференции, — сказала Клэр.

В этот момент где-то поблизости запищал мобильный телефон. Сначала едва слышно, а потом все громче и громче, так что писк перетек в мелодию.

Мы вопросительно переглянулись и одновременно покачали головами — наши телефоны молчали.

Под салфеткой на столе лежал мобильник Бабетты. Непроизвольно я бросил взгляд в сторону выхода: Серж и Бабетта ушли. Я протянул руку, но Клэр меня опередила.

Сдвинув крышку, она прочла на дисплее имя звонившего. Затем снова закрыла крышку. Мелодия оборвалась.

— Бо, — сказала она.

— Его маме сейчас не до него, — сказала Клэр и положила мобильник на прежнее место, даже снова прикрыв его салфеткой.

Я промолчал. Я ждал, что скажет моя жена.

Клэр вздохнула.

— Знаешь, что этот... — Она не закончила предложение. — О Паул! Паул...

Она запрокинула голову. Ее глаза увлажнились и заблестели, не от горя или отчаяния, но от злости.

— Знаешь, что этот?... — повторил я.

Весь вечер я полагал, что Клэр ничего не известно о видеороликах. Я все еще надеялся, что окажусь прав.

— Бо их шантажирует, — сказала Клэр.

Я ощутил ледяной укол в грудь. На всякий случай я растер щеки, чтобы Клэр не заметила, как я покраснел.

— Каким образом? — спросил я.

Клэр снова вздохнула. Сжав кулаки, она забарабанила ими по столу.

— О Паул, — сказала она. — Я молила Бога, чтобы ты ничего не узнал. Мне не хотелось, чтобы ты снова... расстроился. Но сейчас уже поздно.

— Как это Бо их шантажирует? Чем?

Из-под салфетки раздался писк. На этот раз одиночный. С боковой стороны телефона Бабетты замигал голубой огонек — видимо, Бо оставил голосовое сообщение.

— Он утверждает, что был там. Он говорит, что сначала поехал домой, но потом передумал и вернулся. И застал их там. Он видел, как они выходили из кабины банкомата. Это его слова.

Лед в моей груди растаял. Теперь я испытывал почти радость и чуть не расплылся в улыбке.

— А теперь он требует от них денег. О, этот маленький мерзавец! Я всегда... Ты тоже? Ты когда-то признался, что он тебе отвратителен. Я это хорошо помню.

— А доказательства у него есть? Чем он докажет, что действительно их видел? Что именно Мишел и Рик бросили эту

злосчастную канистру?

Я задал этот вопрос, чтобы окончательно себя успокоить: *fi nal check*.^[15] В моей голове приоткрылась дверца, за которой забрезжил свет. Теплый свет. В комнату со счастливой семьей.

— Нет, у него нет доказательств, — сказала Клэр. — Да они и не нужны. Если Бо заявит на Мишела и Рика в полицию... Отснятые кадры хоть и нечеткие, но если сравнить зафиксированных на них людей с живыми...

«Папа ничего не знает. Вы должны сделать это сегодня вечером».

— Мишела ведь не было дома, когда ты ему звонила? — спросил я. — Когда ты все тормозила Бабетту насчет времени?

Клэр улыбнулась. В очередной раз взяла мою руку и сжала ее.

— Я ему звонила. Вы слышали, что я с ним разговаривала. Бабетта — мой независимый свидетель, слышавший, что в такой-то час я беседовала по телефону с моим сыном. В памяти моего телефона они могут проверить факт и даже длительность этого разговора. Единственное, что нам осталось сделать, — это стереть мои слова с автоответчика нашего домашнего телефона.

Я посмотрел на свою жену. В моем взгляде, несомненно, прочитывалось восхищение. Не показное. Я и в самом деле был восхищен.

— А сейчас он у Бо, — сказал я.

Она кивнула.

— Вместе с Риком. Но не у Бо дома. Где-то на нейтральной территории.

— А о чем они собираются с ним говорить? Постараются убедить его не заявлять в полицию?

Теперь Клэр держала мою руку в обеих своих руках.

— Паул, — сказала она. — Я уже сказала, что не хотела втягивать тебя в это дело. Но сейчас уже ничего не изменишь. Речь идет о будущем нашего сына. Я посоветовала Мишелу образумить Бо. А если не получится, то пусть сделает то, что считает нужным. Мне даже не надо знать, что именно. На следующей неделе ему исполняется шестнадцать. Ему не обязательно во всем слушаться мать. Он достаточно взрослый, чтобы принимать решения самостоятельно.

Я уставился на свою жену. Возможно, мой взгляд снова вспыхнул восторгом. Но теперь это был восторг другого рода.

— В любом случае лучше стоять на том, что Мишел целый вечер просидел дома, — сказала Клэр. — И Бабетта сможет это подтвердить.

Я подозвал метрдотеля.

— Мы ждем счет, — сказал я.

— Господин Ломан уже все оплатил, — сказал метрдотель.

Может, мне показалось, но метрдотель произнес это с особенным удовольствием. Как бы насмехаясь надо мной.

Достав мобильник из сумки, Клэр взглянула на дисплей и положила его обратно.

— Невероятно, — сказал я, когда метрдотель удалился. — Он отбирает у нас наше кафе. Нашего сына. А теперь еще и это. То, что он может оплатить счет, еще ничего не значит.

Клэр взяла мою правую руку, а затем левую.

— Тебе стоит его всего лишь поранить, — сказала она. — Он не станет устраивать пресс-конференцию с разбитым лицом. Или со сломанной рукой в гипсе. Слишком многое придется объяснять. Даже Сержу это не по плечу.

Я посмотрел в глаза своей жене. Только что она попросила меня сломать руку моему брату. Или изуродовать ему лицо. И все это из-за любви. Из-за любви к нашему сыну. Ради Мишела. На память пришла одна немецкая мать, которая много лет назад застрелила убийцу своего сына прямо в зале суда. Такой же матерью была Клэр.

— Я не принимал таблетки, — сказал я.

— Да. — Клэр, похоже, не удивилась и провела кончиком пальца по тыльной стороне моей ладони.

— Уже давно. Уже несколько месяцев.

Это была правда. Сразу после передачи «Внимание: розыск!» я прекратил пить лекарства. Мне казалось, что я не смогу помочь моему сыну, если мои эмоции день и ночь будут снивелированы лекарствами. Мои эмоции и мои рефлексy. Если я хочу полноценно поддержать Мишела, то мне для начала следует обрести свое прежнее «я».

— Я знаю, — сказала Клэр.

Я снова в недоумении на нее уставился.

— Ты, наверное, думаешь, что никто этого не замечает, — сказала Клэр. — Но твоя жена заметила сразу. Кое-какие вещи... изменились. То, как ты на меня смотрел, как ты мне улыбался. А помнишь, как ты

не мог найти свой паспорт? И начал колотить ногами по ящикам письменного стола. Когда ты уходил из дому, ты брал таблетки с собой, но потом выбрасывал их по дороге. Правда же? Однажды я вытащила из стиральной машины твои брюки, а карман в них окрасился в синий цвет. От таблеток, которые ты забыл выкинуть, — Клэр рассмеялась, но тут же снова приняла серьезный вид.

— И ты ничего не сказала, — вздохнул я.

— Вначале я спрашивала себя: чего он хочет добиться? Но в какой-то момент я снова увидела моего старого доброго Паула. И тогда я поняла, что хочу вернуть его окончательно. Пусть даже он и пинает ящики стола. Или мчится в погоню за скутером, если тот выныривает прямо перед его носом...

«Или калечит директора школы», — мысленно договорил я за Клэр. Но она этого не сказала. Она сказала другое:

— Это был Паул, которого я любила... Которого люблю. Больше всех на свете.

Я увидел, как блеснули уголки ее глаз, и едва не прослезился.

— Тебя и Мишела, конечно, — сказала моя жена. — В равной степени. Вы оба делаете меня счастливой.

— Да, — сказал я. Мой голос звучал хрипло. Я откашлялся. — Да, — повторил я.

Несколько секунд мы молча сидели друг напротив друга, мои руки все еще в руках моей жены.

— Что ты сказала Бабетте? — спросил я.

— В смысле?

— В саду. Во время прогулки. Бабетта, похоже, обрадовалась, завидев меня: «Паул, дорогой...» Что ты ей тогда сказала?

Клэр глубоко вздохнула.

— Я сказала ей, что ты сорвешь пресс-конференцию.

— И Бабетта не против?

— Она хочет, чтобы Серж победил на выборах. Но ее сильно обидело, что он поделился с ней своим решением лишь в машине по дороге в ресторан. Чтобы не оставить ей шанса его отговорить.

— Хотя только что за столом она еще заявляла...

— Бабетта умна, Паул. Серж не должен ничего заподозрить. Вполне возможно, что очень скоро Бабетта в качестве супруги премьер-министра будет разливать суп в приюте для бездомных. Но

судьба одной конкретной бездомной ее не заботит — точно так же, как тебя и меня.

Я высвободил руки из рук моей жены и теперь взял ее руки в свои.

— Это не самая удачная мысль, — сказал я.

— Паул...

— Нет, послушай. Я вернул себе свое «я». Я не принимал лекарства. Пока об этом знаем только мы с тобой. Но этот факт обязательно выплывет наружу. Школьный психолог, мой уход с работы или директор школы Мишела... Кто угодно может засвидетельствовать мое состояние. Не говоря уже о моем брате. Серж первым заявит, что отнюдь не удивлен моим поведением. Ведь его младший брат уже и раньше покушался на его жизнь. У его младшего брата болезнь, от которой он должен принимать лекарства. А вместо этого он спускает их в унитаз.

Клэр молчала.

— Я не смогу заставить его отступить, Клэр. Мои действия будут истолкованы превратно.

Вместо того чтобы подмигивать, я выдержал паузу.

— Мне не стоит этого делать, — сказал я после секундной паузы.

Через минут пять после ухода Клэр из-под салфетки снова раздался одиночный писк.

Встали мы с Клэр одновременно. Я обнял ее и прижал к себе, зарывшись лицом в ее волосы. Очень медленно и бесшумно я вдохнул их запах.

Потом снова сел. Я смотрел вслед моей жене, пока где-то поблизости от пюпитров она не исчезла из виду.

Я достал мобильник Бабетты, открыл крышку и посмотрел на дисплей.

«Два полученных сообщения». Я нажал на соответствующую кнопку. Первое было от Бо. Сообщение состояло из одного слова. Без заглавных букв и без точки: «мама».

Я нажал на клавишу «удалить».

Второе сообщение было оставлено на голосовую почту.

Провайдер у Бабетты был «KPN». Номера голосовой почты я не знал. Наудачу я пролистал список абонентов и нашел под буквой «Г» «голосовую почту». Я не смог сдержать улыбки.

После того как автомат объявил о получении одного сообщения, я услышал голос Бо.

Слушая сообщение, я закрыл глаза. Потом захлопнул крышку, но не положил телефон обратно на стол, а сунул его в карман.

— Ваш сын не любитель фешенебельных ресторанов?

Я подскочил от неожиданности.

— Прошу прощения, — сказал метрдотель. — Я не хотел вас напугать. Просто я видел, вы беседовали с сыном в саду. Во всяком случае, я думаю, это был ваш сын.

Сначала я не понял, что он имеет в виду. Но потом до меня дошло.

Курящий мужчина. Мужчина, курящий у входа в ресторан. Сегодня вечером метрдотель видел меня с Мишелом в саду.

Я не запаниковал. Я вообще ничего не почувствовал.

Только теперь я заметил, что метрдотель держал в руке блюдечко со счетом.

— Господин Ломан забыл забрать счет, — сказал он. — Вот я и принес его вам. Вы же, наверное, с ним скоро встретитесь.

— Да, — сказал я.

— Когда я увидел вас с сыном, — сказал метрдотель, — я сразу понял, что это ваш сын. По осанке. У вас с сыном одинаковая осанка.

Я опустил взгляд на блюдце со счетом. Чего он ждет? Почему не уходит, а вешает мне лапшу на уши про какую-то осанку?

— Да, — повторил я, не в подтверждение слов метрдотеля, а просто вежливо заполняя паузу. Да и что еще мне оставалось сказать?

— У меня тоже есть сын, — продолжал метрдотель. — Ему всего пять. Иногда меня поражает, как он на меня похож. В мельчайших жестах. Я, например, часто тереблю свои волосы, накручивую их на палец от скуки или нервничая... Он делает то же самое. У меня... у меня есть еще и дочь. Ей три, и она — вылитая мать.

Я взял счет с блюдца и взглянул на сумму. Не стану распространяться, сколько всего можно было бы купить на эти деньги и как долго простым людям пришлось бы вкалывать, чтобы заработать такую сумму, — в худшем случае им пришлось бы неделями стоять на кухне, моя посуда под пристальным взглядом черепахи в белой водолазке. Не стану называть и саму сумму счета — а то вы расхохочетесь. Как я.

— Надеюсь, вы приятно провели вечер, — сказал метрдотель, по-прежнему не двигаясь с места. Кончиками пальцев он на несколько сантиметров передвинул пустое блюдце по скатерти, повертел его в руках и снова поставил на стол.

— Клэр?

Во второй раз за этот вечер я открыл дверь в женский туалет и выкрикнул имя своей жены. Но никто не ответил. На улице завывала сирена полицейского автомобиля.

— Клэр? — повторил я, прошел мимо вазы с белыми нарциссами и убедился в том, что все кабинки пусты. Минуя гардероб и пюпитры, я снова услышал вой сирены. Сквозь деревья напротив кафе-для-простых-людей мигали проблесковые маячки.

Мне следовало ускорить шаг и побежать, но я этого не сделал. Пусть и с мраком в сердце, я оставался спокоен. А это сумрачное чувство было лишь чувством неотвратимости.

«Моя жена», — подумал я.

Снова отчаянно захотелось побежать к кафе. Чтобы как можно скорее оказаться там, где меня, без сомнения, мгновенно бы задержали.

«Моя жена! — прокричал бы я, запыхавшись. — Моя жена там, внутри!»

Но тут я как раз и замедлил шаг. Я дошел до гравийной дорожки, ведущей к мостику. Я слышал хруст гравия под собственными ботинками, просчитывал паузы между шагами и, значит, шел неестественно медленно, точно в замедленном кино.

Положив руку на перила мостика, я остановился. Свет мигалок отражался от черной поверхности воды подо мной. В прогале между деревьями на противоположной стороне улицы теперь отчетливо вырисовывалось кафе. У крыльца стояли три полицейских «гольфа» и машина «скорой помощи».

Одна «скорая». Не две.

Мое спокойствие доставляло мне наслаждение. Я чувствовал себя так же, как и в других кризисных ситуациях (во время госпитализации Клэр, при неудачной попытке Сержа и Бабетты забрать у меня сына, во время просмотра видеосъемки); в таком состоянии я мог действовать с максимальной эффективностью.

Я бросил взгляд в сторону ресторана, у входа которого уже столпились официантки, очевидно взволнованные звуком сирены и

мигалками. По-моему, среди них был и метрдотель, по крайней мере я заметил какого-то курящего мужчину, похожего на него.

Я подумал, что меня самого, скорее всего, не видно, но потом вспомнил, что несколько часов назад с легкостью опознал Мишела, ехавшего на велосипеде по мостику.

Надо было идти дальше. Сколько можно стоять на одном месте? Мне нельзя рисковать, иначе позже одна из официанток заявит полиции, что видела мужчину на мостике. «Так странно. Он стоял там просто так. Не знаю, поможет ли это следствию?»

Я вынул мобильник Бабетты из кармана и вытянул руку над водой. На всплеск приплыла утка. Я отлепился от перил и пошел дальше. Уже не в режиме замедленного кино, а в самом что ни на есть нормальном темпе: не слишком быстро и не слишком медленно. В конце мостика я пересек велосипедную дорожку, посмотрел налево и направился к трамвайной остановке. Там уже собралась кучка зевак — в столь поздний час их было немного, от силы человек двадцать. Слева от кафе начинался переулок — там я и остановился.

Едва я приблизился к крыльцу, как двери кафе распахнулись и на улицу выкатились носилки на колесиках в сопровождении двух сотрудников «Скорой помощи». Один из них шел позади носилок, держа на весу капельницу. За ним следовала Бабетта, уже без очков, прижимая к глазам носовой платок.

Из-под зеленой простыни торчала лишь голова пострадавшего. Я вздохнул с облегчением, хотя и не ожидал увидеть ничего другого. Голова была в бинтах. Бинтах, пропитанных кровью.

Носилки подняли в машину «скорой помощи». Двое медбратьев уселись спереди, двое других — сзади, вместе с Бабеттой. Двери закрылись, «скорая» съехала с тротуара, свернула вправо и помчалась в сторону центра города.

Завизжала сирена, значит, была надежда.

Или, наоборот, не было — как знать.

Долго размышлять о ближайшем будущем мне не пришлось, поскольку двери кафе снова распахнулись.

Между двумя полицейскими в форме с невозмутимым видом шла Клэр, на ней не было наручников, ее даже не держали. Она огляделась вокруг, ища в толпе знакомое лицо.

И нашла его.

Наши взгляды встретились. Я сделал шаг вперед, во всяком случае мое тело непроизвольно подалось ей навстречу.

В этот момент Клэр покачала головой.

«Не надо», — сказала она. Она уже почти поравнялась с полицейскими «гольфами», где третий страж порядка придерживал для нее дверь одного из них. Я поспешно огляделся по сторонам, чтобы убедиться, не покачала ли Клэр головой кому-то еще. Но до Клэр никому не было дела — все испытывали интерес лишь к женщине под конвоем.

Около «гольфа» Клэр помедлила. Она снова отыскала мои глаза и сделала едва заметное движение головой. Постороннему, возможно, показалось, что она лишь нагнулась, чтобы не оступиться, залезая в машину, но я понял, что Клэр указывает головой в определенную сторону.

Наискосок, в переулок позади меня, по которому пролегал кратчайший путь к нашему дому.

«Домой, — сказала мне моя жена. — Ступай домой».

Не дожидаясь отъезда полицейской машины, я развернулся и был таков.

Чаевые

Сколько принято давать на чай в ресторане, счет в котором заставляет тебя расхохотаться? Помню наши частые дискуссии на эту тему, не только с Сержем и Бабеттой, но и с другими знакомыми, с которыми мы встречались в голландских ресторанах. Если предположить, что ужин на четверых обошелся вам в четыреста евро (в данном случае речь не о нас), то по негласной норме чаевых в 10–15 процентов от общей стоимости вырисовывается кругленькая сумма: минимум сорок и максимум шестьдесят евро.

Шестьдесят евро на чай! Ничего не могу с собой поделаться, но и эта цифра вызывает у меня смех. Эдакий нервный смешок, как на похоронах или в церкви, где надлежит хранить молчание.

Но наши друзья не смеются. «Это же их заработок!» — заметила однажды моя приятельница во время ужина в подобном ресторане.

В то утро я снял в банкомате пятьсот евро. Намереваясь оплатить наш счет целиком, включая чаевые. И я бы это сделал, отсчитал бы десять банкнот по пятьдесят евро и положил бы их на блюдце, лишив моего брата шанса воспользоваться кредиткой.

Когда в конце вечера я положил на блюдце оставшиеся у меня четыреста пятьдесят евро, метрдотель подумал, что я неправильно его понял. Он попытался возразить: может, хотел сказать, что чаевые в размере ста процентов — это чересчур.

— Это вам, — опередил его я. — Если обещаете никому не рассказывать о том, что видели меня сегодня с сыном в саду. Никому. Ни сейчас. Ни через неделю. Ни через год.

Серж проиграл выборы. Поначалу избиратели еще проявляли симпатию к кандидату с изуродованным лицом. Бокал белого вина — разбитый бокал белого вина, должен добавить я, — наносит причудливые раны. Они не зарастают до конца, оставляя безобразные рубцы. За первые два месяца после случившегося Сержа оперировали трижды. После третьей операции он на некоторое время отпустил бороду. Оглядываясь назад, я думаю, что именно эта борода все и предрешила. Воображаю, как он раздавал предвыборные листовки на

рынке, на строительной площадке, у входа на завод, стоя там в своей ветровке и — с бородой.

В опросах общественного мнения рейтинг Сержа начал стремительно снижаться. То, что еще несколько месяцев назад казалось неуклонным движением к победе, превратилось сейчас в свободное падение. За месяц до выборов он сбрил бороду. Это был его последний отчаянный поступок. Избиратели увидели лицо со шрамами. Изуродованное лицо удивительным и в какой-то степени несправедливым образом воздействует на людей. Ты смотришь на эти шрамы и непроизвольно пытаешься представить, как человек выглядел без них.

Но погубила его, безусловно, борода. Или, точнее говоря, сначала борода, а потом избавление от нее. Когда уже было поздно. Серж Ломан сам не знает, чего хочет, — таков был вердикт избирателей, и они проголосовали за то, к чему уже привыкли. За пятно на обоях.

Разумеется, Серж не стал подавать в суд на свою невестку, жену своего брата. Это было бы превратно истолковано.

— Думаю, что он понял, — сказала Клэр спустя несколько недель после происшествия в кафе. — Он ведь тогда сам хотел решить вопрос на семейном совете. Надеюсь, он понял, что и теперь лучше не выносить сор из избы.

Как бы то ни было, у Сержа и Бабетты появились новые заботы. Такие, как исчезновение их приемного сына Бо, например. Они развернули масштабную кампанию по его розыску, с размещением фотографий в газетах и журналах, расклеиванием объявлений по городу, выступлением в передаче «Внимание: розыск!».

В ней телеаудитория услышала сообщение, которое Бо перед своим исчезновением оставил на автоответчике телефона Бабетты. Мобильник Бабетты не был найден, но сообщение сохранилось, хотя звучало оно уже не так пронзительно, как в тот вечер.

«Мама, что бы ни случилось... я хочу тебе сказать, что люблю тебя...»

Серж и Бабетта, безусловно, свернули горы, чтобы найти Бо, но кое-кто относился к их усилиям скептически. Один из еженедельников предположил, что Бо, вероятно, опостылели его приемные родители и он решил вернуться на родину. «Такое нередко случается в „трудном возрасте“, — писал журнал, — когда усыновленные дети пускаются на

поиски биологических родителей. Или по крайней мере проявляют интерес к стране своего рождения».

Одна газета посвятила этому громкому делу статью на целый разворот. Автор статьи впервые открыто размышлял на тему: кто приложил бы больше усилий к поиску своих пропавших детей — биологические родители или усыновители? Он приводил примеры приемных семей с проблемными детьми, в которых усыновители отказывались от дальнейшего участия в их судьбе. Проблема зачастую объясняется совокупностью различных факторов, утверждал он. И в качестве решающего называл неспособность приемных детей ассимилироваться в чужой культуре. Не следует сбрасывать со счетов и биологические аспекты — «изъяны», доставшиеся детям в наследство от биологических родителей. В случае же усыновления в позднем возрасте картину осложняют события, произошедшие с детьми до их появления в новой семье.

Я вспомнил вечеринку в саду моего брата во Франции. Когда французские фермеры поймали Бо за кражей курицы, Серж во всеуслышание заявил, что его дети на такое не способны. «Его дети», — сказал он, не делая различий.

Потом я подумал о приюте для животных. Забирая оттуда собаку или кошку, ты тоже не знаешь, что за жизнь была у них до тебя: били ли их или целыми днями держали взаперти. Не важно. Если ты не в состоянии справиться со своим питомцем, ты просто-напросто возвращаешь его в приют.

Статью завершал вопрос: кто скорее отвернется от своего неуправляемого или отбившегося от рук ребенка — биологические родители или усыновители?

Я знал ответ, но сначала показал статью Клэр.

— Как ты считаешь? — спросил я после того, как она ее прочла.

Мы сидели на кухне, доедая завтрак. Солнечный свет падал в сад и на разделочный стол. Мишел уехал играть в футбол.

— Я часто думала, стал бы Бо шантажировать своих братьев, будь они родными, — сказала Клэр. — Конечно, родные братья и сестры часто ссорятся, иногда вообще не желают общаться. И все же... Если речь заходит о жизни и смерти, то они стоят друг за друга горой.

И тут Клэр засмеялась.

— Ты что? — спросил я.

— Ничего, ну и речь я толкнула! — сказала она, все еще смеясь. — Про братьев и сестер. И главное — кому!

— Да, — сказал я и тоже рассмеялся.

Мы немного помолчали. Лишь иногда встречаясь взглядами. Как муж и жена. Как две части счастливой семьи, подумал я. Да, нам пришлось пройти через серьезные испытания, которые в последнее время я все чаще сравнивал с кораблекрушением. Счастливая семья пережила кораблекрушение. Не хочу сказать, что семья от этого стала счастливее, но, во всяком случае, и счастья своего она не утратила.

Клэр и я. Клэр, Мишел и я. Мы были вместе. Мы выстояли перед тем, чего раньше с нами еще никогда не случалось. Не важно, что переживали мы эти события каждый по-своему. Нам не надо знать друг о друге абсолютно все. Тайны счастью не помеха.

Я вспоминал о вечере, когда закончился наш ужин. Какое-то время я был дома один, а потом пришел Мишел. У нас в гостиной стоит старинный деревянный комод, где Клэр хранит свои вещи. Выдвигая первый ящик, я чувствовал, что пожалею о том, что делаю.

Должно быть, я подумал о том времени, когда Клэр лежала в больнице. Однажды ее обследовали в моем присутствии. Я сидел на стуле у изголовья кровати и держал ее руку. Врач предложил мне посмотреть на монитор, пока моей жене вставляли то ли катетер, то ли зонд, то ли камеру. Я мельком взглянул на экран, но тут же отвернулся. Не то чтобы меня покорило изображение на мониторе или я боялся грохнуться в обморок — нет, здесь было что-то другое. У меня нет права, подумал я тогда.

Я хотел было прекратить поиски, но тут обнаружил то, что искал. В верхнем ящике валялись старые солнцезащитные очки, браслеты и серьги, которые она никогда не носила. Во втором ящике были сложены всякие документы: свидетельство о членстве в теннисном клубе, страховой полис на велосипед, просроченное разрешение на парковку, конверт с названием больницы в левом нижнем углу.

Больницы, где Клэр оперировали и где Клэр рожала.

«Протокол амниоцентического исследования» — гласили печатные буквы на листе бумаги, который я достал из конверта и развернул. Под этой надписью стояли два квадратика — «мальчик» и «девочка».

Квадратик с «мальчиком» был отмечен галочкой. Клэр знала, что у нас будет мальчик, промелькнуло у меня в голове. Но не рассказала мне об этом. Вплоть до последнего дня перед родами мы еще вместе подбирали имя для девочки. С мужским именем мы определились уже давно, еще до беременности Клэр. Но если бы родилась девочка, мы назвали бы ее Лаурой или Юлией.

Бланк был заполнен от руки — множество цифр; несколько раз я наткнулся на слово «хорошо».

Внизу в таблице, размером примерно пять на три сантиметра, перечислялись «особенности». Таблица была полностью исписана тем же неразборчивым почерком, что проставлял цифры и галочку.

Я принялся читать. И тут же остановился.

На этот раз я не посчитал, что не имею права. Нет, тут было нечто другое. «Нужно ли мне вообще об этом знать? — спросил я себя. — Хочу ли я знать? Станет ли наша семья от этого счастливее?»

Под заполненной от руки таблицей располагались еще две строчки: «решение врача/больницы» и «решение родителей».

Напротив «решения родителей» стояла галочка.

Решение родителей. Не решение родителя и не решение матери. Там стояло «решение родителей».

Эти два слова останутся со мной навсегда, подумал я, спрятав листок обратно в конверт, который я положил на место, под просроченное разрешение на парковку.

— «Решение родителей», — сказал я вслух, задвигая ящик.

После рождения Мишела все, включая родителей и ближайших родственников Клэр, в один голос твердили, что наш сын — моя копия. «Копия!» — восклицали посетители родильной палаты, стоило мне поднять Мишела из колыбельки.

Клэр тоже улыбалась. Столь разительное сходство отрицать было невозможно. Позже, когда Мишел стал постарше, в его лице проявилось едва уловимое сходство с матерью. Прежде всего — глаза и ложбинка между верхней губой и носом.

Копия. Задвинув ящик, я прослушал сообщение на автоответчике нашего домашнего телефона.

«Привет, солнышко! — раздался голос моей жены. — Как у тебя дела? Не скучаешь?» В повисшей тишине отчетливо слышались характерные ресторанные звуки: гул голосов, звон тарелок. «Нет, мы

еще выпьем кофе и через час будем дома. Так что у тебя еще есть время убраться. Что ты ел на ужин?»

Снова тишина. «Да...» Тишина. «Нет...» Тишина. «Да».

Меню в нашем телефоне я знал досконально. При нажатии цифры «три» сообщение стиралось. Мой большой палец уже приблизился к кнопке с цифрой «три».

«Пока, солнышко. Целую».

Я нажал на кнопку.

Через полчаса вернулся Мишел. Он поцеловал меня в щеку и спросил, где мама. Я сказал, что она придет позже и что я потом ему все объясню. Я заметил, что костяшки на левой руке Мишела ободраны — он, так же как и я, был левшой — и на запястье также запеклась кровь. Только теперь я оглядел его с головы до ног. Над левой бровью кровь, куртка и белые кроссовки облеплены засохшей грязью.

Я спросил, как все прошло.

И он мне рассказал. Он рассказал, что «Люди в черном 3» удалены с YouTube.

Мы все еще стояли в коридоре. В какой-то момент Мишел прервал свой монолог и посмотрел на меня.

— Папа! — сказал он.

— Что? Что случилось?

— Ты опять!

— Что?

— Ты сияешь как медная пуговица! Ты улыбался даже тогда, когда я в первый раз рассказывал тебе про банкомат. Помнишь? В моей комнате. Когда я дошел до настольной лампы, у тебя улыбка стала до ушей и не исчезла даже при упоминании о канистре.

Он смотрел на меня. А я на него. Я смотрел в глаза моему сыну.

— Ну вот, ты опять улыбаешься, — сказал он. — Мне продолжать? Ты уверен, что хочешь обо всем узнать?

Я ничего не ответил. Я только смотрел.

И тогда Мишел сделал шаг вперед, обхватил меня руками и прижал к себе.

— Папочка! — сказал он.

Примечания

1

Хороший парень Эдди: Давай, подгони бакс.

Мистер Розовый: Не, я чаевых не даю.

Хороший парень Эдди: Не даешь?

Мистер Розовый: Не считаю нужным (*англ.*).

2

Мой младший брат (*фр.*).

3

«Нет, я не жалею ни о чем...» (*фр.*)

4

Ты кусок дерьма, ублюдок! (*англ.*)

5

Осел (*англ.*) — так называется американский развлекательный телесериал (в России известен под названием «Чудаки»), представляющий собой снятый с грубоватым юмором набор опасных и жестоких трюков.

6

Не пробуйте повторить это дома (*англ.*). — Начиная с первого эпизода «Чудаки» содержат регулярное предупреждение о том, что исполняемые трюки опасны, их не следует пытаться повторить.

7

Эй! (*англ.*)

8

Смерть (*англ.*).

9

Бездомная (*англ.*).

10

«Голландские парни убивают» (*англ.*).

11

«Не пытайтесь повторить дома — огненная бомба убивает бездомную» *(англ.)*.

12

«Самый горячий аттракцион (название города): поджарь свои денежки!» *(англ.)*

День домино ежегодно проводится в Нидерландах. Участники ставят костяшки домино в огромное количество рядов, при дальнейшем падении которых наглядно обнаруживается «принцип домино».

14

Он из Голландии (*англ.*).

15

Окончательная проверка (*англ.*).

Table of Contents

Херман Кох Ужин

Аперитив

1

2

3

4

5

6

7

Закуска

8

9

10

11

12

13

14

15

Горячее

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

Десерт

36

37

38

39

Дижестив

40

41

42

43

44

45

Чаевые

46

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

